

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 4(23), 2016 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет» (на основании приказа Минобрнауки России № 224 от 17.03.2016, приказа № А1 от 29.08.2016, приказа № А26 от 22.09.2016).

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. – канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Олядыкова Л.Б. – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного ун-та;

Белякова С.М. – д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного ун-та;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Скуридина С.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ;

Кудрявцева Т.Ю. – ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГТУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Воронежской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ36 – 00402 от 17.09.2013

Адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, комн. 5203; тел: (473) 271-50-48.

© ВГТУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	4
---	---

Лингвистика

Кольцова Л.М., Кудрявцева Т.Ю., Панова М.В., Чуриков С.А. Какими должны быть современные словари русского языка: взгляд читателей.....	6
Хохонин Д.Е., Шедогубова Е.А. Синтаксические средства создания комического в русских социально-бытовых анекдотах.....	10
Блинова Ю.А. Прецедентные библейские имена в литературе, языке и дискурсе (на материале немецкого языка)	15

Методика преподавания языков

Биченок Л.П. Особенности проведения тестирования с иностранными военнослужащими на подготовительном и основных курсах в военном вузе.....	19
Ярославская И.М. Аккультурация иностранных учащихся этапа предвузовской подготовки как интеграция в новое для них общество, образовательное пространство и культуру страны изучаемого языка.....	24
Давлетшина С.Р. Роль медиаконвергенции в формировании профессиональных компетенций журналиста.....	30

Аспекты изучения художественного текста

Давыдова А.В. Северный текст русской литературы для детей как компонент регионального содержания в школьном изучении.....	34
Белова А.В. Чеховское окружение: старший брат Александр Чехов	45
Давлетшина С.Р. Мастерство Л.С. Петрушевской в создании художественного психологизма в рассказе «Дом с фонтаном».....	51

Лингвокультурология

Степаненко В.А., Нахабина М.М. Отражение культурологического аспекта в национально ориентированных тестах	55
Чударь А.Н. Средства выразительности в теглайнах к кинофильмам (на материале английского языка).....	60

Межкультурная коммуникация

Брутян Л.Г. Улыбка в контексте межкультурной коммуникации.....	70
Пляскова Е.А. Кулинарные образы как культурно значимые символы (на материале вьетнамских компаративных фразеологизмов).....	77

Концептология

Катермина В.В. Эмотивная лексика и перевод	82
Антонова Е.Я., Алексеева О.В. Метафора в торжественной оде М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова: когнитивный аспект	91

Правила оформления статей в Научном вестнике.....	99
---	----

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Вниманию читателей предлагается двадцать третий выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, который представлен к изданию редколлегией данной серии. Выпуск включает исследования актуальных проблем различных научных направлений – лингвистических, литературоведческих, методических, лингвокультурологических и др.

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук как российских, так и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (аспирантов, магистрантов). В выпуске содержится 15 научных работ.

Выпуск состоит из шести разделов: *I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология».*

Раздел «Лингвистика» содержит статьи, в которых анализируются синтаксические средства создания комического в русских социально-бытовых анекдотах (Хохонин Д.Е., Шедогубова Е.А.), прецедентные библейские имена в литературе, языке и дискурсе (на материале немецкого языка) (Блинова Ю.А.), требования к современным словарям русского языка (Кольцова Л.М., Кудрявцева Т.Ю., Панова М.В., Чуриков С.А.).

Во второй раздел – «Методика преподавания языков» – включены исследования, в которых представлены методические рекомендации по формированию профессиональных компетенций журналиста (Давлетшина С.Р.), аккультурации иностранных учащихся этапа предвузовской подготовки (Ярославская И.М.), а также по проведению тестирования с иностранными военнослужащими на подготовительном и основных курсах в военном вузе (Биченок Л.П.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» заявлены статьи, посвященные Северному тексту русской литературы для детей (Давыдова А.В.), мастерству Л.С. Петрушевской в создании художественного психологизма (Давлетшина С.Р.), чеховскому окружению (Белова А.В.).

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследования средств выразительности в теглайнах к кинофильмам (Чударь А.Н.), а также

культурологического аспекта в национально ориентированных тестах (Степаненко В.А., Нахабина М.М.).

Раздел *«Межкультурная коммуникация»* содержит статьи, раскрывающие национальную специфику улыбки (Брутян Л.Г.) и культурную значимость кулинарных образов (Пляскова Е.А.).

В работах заключительного раздела – *«Концептология»* – исследуется в когнитивном аспекте метафора в торжественной оде М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова (Антонова Е.Я., Алексеева О.В.), эмотивная лексика и перевод (Катермина В.В.).

Содержащиеся в выпуске 4 (23) серии научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, методики преподавания, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и изучения языка художественных текстов.

Полагаем, что данная серия будет интересна специалистам-филологам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1'374.4.

Воронежский государственный университет
доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка
Кольцова Л.М.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)220-84-26
e-mail: kolzowa@mail.ru

Voronezh State University
Doctor of philological sciences, full professor, Head of the chair of Russian language
Koltsova L.M.
Russia, Voronezh, (473)220-84-26
e-mail: kolzowa@mail.ru

Воронежский государственный университет
аспирант кафедры русского языка
Кудрявцева Т.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru

Voronezh State University
Post-graduate Student of the chair of Russian language
Kudryavtseva T.Y.
Russia, Voronezh, 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru

Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии
Панова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-910-349-85-06
e-mail: mvpanova@mail.ru

Voronezh State University
PhD, associate professor of the chair of Slavic Philology
Panova M.V.
Russia, Voronezh, 8-910-349-85-06
e-mail: mvpanova@mail.ru

Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
Чуриков С.А.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8-920-449-82-00
e-mail: churikovsa@yandex.ru

Voronezh State University
PhD, associate professor of the chair of Russian language
Churikov S.A.
Russia, Voronezh, 8-920-449-82-00
e-mail: churikovsa@yandex.ru

Л.М. Кольцова, Т.Ю. Кудрявцева, М.В. Панова, С.А. Чуриков

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД ЧИТАТЕЛЕЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Большой словарь историзмов и архаизмов русского языка»), проект № 14-04-00347.

Статья посвящена вопросам социологии лексикографии. Авторы анализируют требования, которые предъявляют современные читатели к словарям русского языка.

Ключевые слова: практическая лексикография, словари русского языка, электронные словари, социология лексикографии.

L.M. Koltsova, T.Y. Kudryavtseva, M.V. Panova, S.A. Churikov

WHAT HAVE TO BE MODERN DICTIONARIES OF RUSSIAN: OPINION OF READERS

Article deals with the lexicography sociology problems. Authors analyze requirements which are imposed by modern readers to dictionaries of Russian.

Key words: practical lexicography, dictionaries of Russian, electronic dictionaries, sociology of lexicography.

В последние десятилетия русская лексикография переживает настоящий бум [3]: количество издаваемых словарей постоянно растет. С одной стороны, эти процессы можно только приветствовать. Ведь «лексикография может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция – как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [5; с. 33]. Но с другой стороны, приходится признать, что далеко не всегда лексикографические труды соответствуют тем требованиям, которые предъявляют к ним современные читатели. Этот вывод во многом подтверждают результаты опроса, который провели авторы данной статьи среди 318 студентов гуманитарных и естественнонаучных факультетов Воронежского государственного университета, прослушавших курс «Русский язык для устной и письменной коммуникации». Будущим специалистам было предложено сформулировать требования, которым должны соответствовать современные словари русского языка. Ниже мы перечислим шесть самых частотных требований и прокомментируем их.

1. Доступность. На первое место большинство студентов поставили постоянную возможность обратиться к тексту словаря (на практике это означает наличие электронной версии в свободном доступе в сети Интернет). И это вполне закономерно. Человек XXI века слишком избалован доступностью информации, чтобы тратить свое время на поиски малодоступного источника. Он почти наверняка обратится к тому (пусть и не очень качественному) ресурсу, который у него под рукой. К сожалению, от некоторых студентов можно услышать утверждение, что лучший словарь – это «Википедия» (!). Немало качественных современных словарей русского языка выпускается малыми и сверхмалыми тиражами, не доходит до магазинов и большинства библиотек, не размещается в сети Интернет. Для большинства читателей такие словари просто «не существуют».

В этой ситуации становится очевидным, что определенная группа фундаментальных словарей русского языка (таких как «Большой академический словарь русского языка» [4]) должна быть размещена в сети Интернет. Организация свободного доступа к качественным словарям русского языка является задачей государственной важности.

2. Информативность. Другим популярным требованием является насыщенность сведениями. Открывая словарь или задавая поисковый запрос, читатель хочет найти различные сведения о языковых единицах. Соответственно, перспективным представляется создание словарей смешанного типа, включающих разные типы информации, но не перегруженные ею. В качестве примера можно привести разработанный под руководством Н.Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [7]. Это – первый толково-этимологический словарь русского языка, в котором авторы предприняли попытку дополнить стандартный набор сведений

о лексических единицах информацией о происхождении слов, чрезмерно не увеличивая при этом объем словарных статей и словаря в целом.

3. **Достоверность.** Важным требованием, предъявляемым современными читателями к словарям, является достоверность предоставляемой информации. Обращаясь к словарю, никто не хочет получить ложные или сомнительные сведения. Ответственный лексикограф никогда не будет включать такую информацию в свою работу, а все спорные случаи будет сопровождать соответствующими оговорками. Однако приходится констатировать, что даже выходящие под эгидой уважаемых учреждений образования и науки словари могут грешить ошибками и неточностями.

4. **Представительность.** Словник хорошего словаря должен соответствовать ожиданиям широкого читателя. Например, если в название словаря входит прилагательное «большой», то он должен быть таковым не только по физическому размеру, но и по объему словника. В то же время существует и противоположная проблема – чрезмерное расширение списка описываемых единиц. Так, при формировании словника «Большого словаря архаизмов и историзмов русского языка» [2], в создании которого участвуют авторы настоящей статьи, была осознана необходимость под новым углом зрения посмотреть на устаревшую лексику. В результате проведенного исследования была выявлена группа слов, «которые не просто вышли из активного употребления и используются как средство стилизации, это слова, которые “вычитаются” из словарного состава языка как не употребляющиеся, неизвестные, не вызывающие никаких ассоциаций и не представляющие интереса для рядового носителя русского языка в силу отсутствия у них признака языковой, культурно-образовательной и воспитательной ценности» [1; с. 26]. Эти слова предложено называть **субстрактами**. Примерами таких лексических единиц являются: *абред* – *саранча*, *абабь* – *грубое сукно*, *аргимония* – *лекарственное растение*, *афтонудь* – *осьминог* и т.д. «Такие слова не могут обеспечить личности приобретение позитивного языкового опыта и удовлетворения ее интеллектуальных запросов» [1; с. 26] и потому не будут включаться в словарь.

5. **Понятность.** Еще одним требованием современных читателей является простота и «прозрачность» лексикографического инструментария (метаязыка, помет, специальных обозначений), который используют составители словаря. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с тем, что составители адресуют свой словарь широкому читателю, однако насыщают его таким количеством терминов, специфических типов информации, сокращений и т.д., что далеко не каждый специалист захочет пользоваться таким лексикографическим трудом. При этом мы не ставим под сомнение тот факт, что разработка словарей, предназначенных для узкого круга специалистов, является важным направлением современной лексикографии, необходимым для развития лингвистической науки. Главное – не сбивать с толку неподготовленного читателя и не предлагать ему словарь, работа с которым требует большого количества специальных знаний и навыков.

6. **Честность.** Это требование уже не к словарю, а к лексикографам и особенно к издателям. Ведь желание заработать нередко заставляет их сознательно вводить читателей в заблуждение. Поэтому современный читатель должен быть готов к тому, что имя и фамилия известных русских лексикографов на обложке (В.И. Даль, Д.Н. Ушаков) или «громкое» название («Большой словарь...», «Универсальный словарь...» и т.д.) может оказаться простой уловкой.

«Когда говорят, что тот или иной словарь плох, это не всегда соответствует действительности, – писал известный языковед Л.А. Новиков, – он просто попадает в руки не тому, кому адресован» [6; с. 5]. Современные лексикографы должны четко представлять себе целевую аудиторию создаваемого словаря и, учитывая в своей работе все

перечисленные требования, сделать все, чтобы лексикографический труд дошел до своего адресата и оправдал его ожидания.

Библиографический список

1. Аркадьева Т.Г. Архаизмы и субстраты в русском языке / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, Т.Г. Шарри, Н.С. Федотова, Л.М. Кольцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 24–29.
2. Аркадьева Т.Г. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии / Т.Г. Аркадьева, Л.М. Кольцова, Т.Ю. Кудрявцева, М.В. Панова, С.А. Чуриков // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 14–20.
3. Бобунова М.А. Русская лексикография XXI века :учебное пособие / М.А. Бобунова. М.: Флинта : Наука, 2013.
4. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004.
5. Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В.В. Морковкин // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
6. Новиков Л.А. Учебная лексикография и ее задачи / Л.А. Новиков // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 3–14.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.

References

1. Arkad'eva T.G. Archaisms and substrates in the Russian language / T.G. Arkad'eva, M.I. Vasil'eva, T.G. Sharri, N.S. Fedotova, L.M. Koltsova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 10 (40). Part II. P. 24–29.
2. Arkad'eva T.G. Problem of the description of historicism and archaisms in the modern lexicography / T.G. Arkad'eva, L.M. Koltsova, T.Y. Kudryavtseva, M.V. Panova, S.A. Churikov // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2014. № 3. P. 14–20.
3. Bobunova M.A. Russian lexicography of the 21st century: manual / M.A. Bobunova. M.: Flinta: Nauka, 2013.
4. Big Academy dictionary of Russian / Gen. ed.A. S. Gerd. M.; SPb.: Nauka, 2004.
5. Morkovkin V.V. On the Notion of Theoretical Lexicography / V.V. Morkovkin // Voprosy yazykoznanija. 1987. № 6. P. 33–42.
6. Novikov L.A. Teaching lexicography and its tasks // Questions of a teaching lexicography. M, 1969. P. 3–14.
7. The explanatory dictionary of Russian with inclusion of data on an origin of words / ed. By N.Yu. Shvedova. M, 2008.

УДК 398.23

<i>Воронежский государственный университет</i>	<i>Voronezh State University</i>
<i>канд. филол. наук, преподаватель кафедры издательского дела</i>	<i>PhD, lecturer</i>
<i>Хохонин Д.Е.</i>	<i>Hohonin D.E.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +79507552342</i>	<i>Russia, Voronezh, +79507552342</i>
<i>Магистрант филологического факультета по направлению «Текст и коммуникация»</i>	<i>Master's Degree student of the Faculty of Philology in «Text and communication»</i>
<i>Шедогубова Е. А.</i>	<i>Shedogubova E. A.</i>
<i>Россия, г. Воронеж, тел. +79204694592</i>	<i>Russia, Voronezh, +79204694592</i>

Д.Е. Хохонин, Е.А. Шедогубова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РУССКИХ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ АНЕКДОТАХ

В данной статье рассматриваются синтаксические средства создания комического эффекта в русских социально-бытовых анекдотах. В работе содержится объяснение основных теоретических понятий, анализ примеров современных русских социально-бытовых анекдотов, а также составлена классификация синтаксических средств создания комического.

Ключевые слова: анекдот, лингвистические средства создания комического эффекта, синтаксическая омонимия, синтаксическая компрессия, параллелизм.

D.E. Hohonin, E.A. Shedogubova

SYNTACTIC MEANS COMICAL IN RUSSIAN SOCIAL JOKES

This article discusses the syntactic means of creating a comic effect in the Russian social jokes. The paper provides an explanation of the basic theoretical concepts, case studies of modern Russian social jokes, as well as the classification of syntactic means of creating comic.

Key words: joke, linguistic means of creating a comic effect, syntactic homonymy, syntactic compression, parallelism.

Анекдот является неотъемлемой частью русской культуры, так как отражает менталитет народа и его видение мира. Однако долгое время тщательному научному изучению анекдотов мешало негативное отношение власти к этому, по мнению многих, несерьезному жанру. В настоящее время профессиональный интерес к исследованию лингвистических средств создания комического эффекта значительно возрос. Изучению анекдотов посвящены работы таких специалистов, как Н.Д. Голев, В.И. Карасик, Е. Курганов, Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев и др.

Давно известно, что анекдот – это текст, существующий в двух формах. Первая и основная форма – устная (например, тосты, шутки, байки). Вторая (условная) форма – письменная. В данном лингвистическом исследовании под анекдотом понимается «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной

концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка» [8, с. 20].

Е. Курганов отмечает, что «в центре анекдота находится странное, неожиданное, откровенно нелепое событие, выпадающее из повседневного течения жизни», а строится он «не просто на невероятном событии, а на событии, принципиально не совпадающем с читательскими или слушательскими ожиданиями» [2, с. 4].

Любопытно замечание Е.Я. Шмелевой о том, что анекдот является своего рода ловушкой: «искушенный слушатель ждет подвоха, но все равно попадает в ловушку» [8, с. 131].

Анекдот обладает определенной структурой, выполняет конкретные функции и наделен такими жанровыми особенностями, как стереотипность формы и содержания, многократная воспроизводимость, вариативность, отсутствие автора, анонимность, изобразительность, театральность при воспроизведении анекдота и интертекстуальность.

Невозможно с уверенностью сказать, когда именно появились первые анекдоты. Известно, что в Западной Европе развитие анекдота началось с появлением шуточных и остроумных рассказов, называемых «фацециями» или «фаблио» [1]. Стоит отметить, что становление анекдота как жанра в каждой культуре особое. Примечательным является и тот факт, что только у носителей русского языка существует специальное наименование для анекдота. Так, в Англии нечто подобное называется «joke, canned joke, funny story» («шутка, забавная история»), во Франции – «histoire» («басня, небылица») или «amusante histoire» («забавная, смешная история»). В немецком языке шутку и анекдот называют словом «Witz» [7].

Справедливо утверждение о том, что основная функция анекдота – развлекательная, отсюда напрашивается вывод о необходимости изучения анекдота через призму комического.

Специалисты отмечают, что с точки зрения создания комического анекдоты бывают референциальными и лингвистическими. В.З. Санников, например, делит все шутки на «предметные и языковые» [6, с. 30]. В анекдоте референциальном (предметном) обыгрывается нелепость какой-либо ситуации, в нем важно действие само по себе. Лингвистический (языковой) анекдот основан на механизме языка и не допускает замены слов, поэтому его трудно перевести на другой язык.

Как правило, говоря о средствах создания комического эффекта в анекдотах, внимание акцентируют в основном на лексических средствах. К таким относят омонимию, многозначность слова, паронимию, контекстуальную синонимию и антонимию, сравнения и др. И незаслуженно «в тени науки» остаются синтаксические средства, которые, на наш взгляд, тоже довольно разнообразны и интересны. В данной статье мы рассмотрим наиболее распространенные из них.

В результате лингвистического анализа 115 анекдотов социально-бытового жанра мы выделили наиболее частотные синтаксические средства. Это в первую очередь **синтаксическая омонимия** – «совпадение в синтаксической конструкции (словосочетании или предложении) двух значений» [4]. Ее механизм заключается в том, что синтаксическая конструкция сначала «прикидывается», таким способом заманивая слушателя на ложный путь, но с расширением контекста истинный смысл становится явным.

Распространенными при анализе анекдотов семейно-бытового жанра оказались те анекдоты, в которых обыгрываются реплики, допускающие несколько осмыслений. Рассмотрим следующие примеры.

Муж приходит домой пьяным. Жена размахивается, дает ему оплеуху и строго спрашивает:

– Скажи, будешь еще пить водку?

Муж молчит. Жена разворачивается и снова дает ему оплеуху:

– *Отвечай! Будешь еще пить?*

– *Ну хорошо, наливай!* [3, с. 46]

В приведенном примере обыгрыванию подвергается омонимия понимания выражения «будешь еще пить водку?» Смысл, который вкладывает жена: «Сколько же ты можешь пить водку? Хватит это делать!». Муж же воспринимает ее слова как предложение выпить еще.

Возмущенная жена отчитывает мужа:

– *Что ты себе позволяешь! Приперся домой в семь утра!*

– *А что? Я не имею права позавтракать в кругу семьи?* [5, с. 117].

Реплику жены можно осмыслить по-разному. Первый вариант – «Как ты мог не ночевать дома и прийти лишь под утро?». Второй – «Зачем ты вообще пришел сейчас?»

Приведем еще примеры.

Ссора между мужем и женой. В пылу праведного гнева жена бросает своему горячо любимому мужу упрёк:

– *Ты женился на мне только потому, что я унаследовала от своей бабушки квартиру?*

– *Конечно, нет, – успокаивает ее супруг, – это просто смешно! Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее не унаследовала* [5, с. 289].

В данном примере обыгрывается синтаксическая омонимия вопроса «Ты женился на мне только потому, что я унаследовала от своей бабушки квартиру?». Муж акцентирует внимание на том, что квартира унаследована женой именно от бабушки, что приводит к комическому эффекту.

В следующем анекдоте обыгрывается функция деепричастного оборота. Он может указывать на одновременность не связанных между собой событий, а может содержать обоснование того, что описывается в главной части предложения.

– *Я была душой, выходя за тебя замуж!*

– *Да, но я был тогда так увлечен тобой, что этого не заметил* [3, с. 102].

Еще одним средством создания комического эффекта в анекдотах является **синтаксическая компрессия**. В данном случае мы имеем дело с высоковероятным опущенным дополнением, обстоятельством, определением или даже подлежащим.

Приведем примеры, демонстрирующие данное явление.

– *Вы давно знакомы со своей женой?*

– *С детства. Помню, когда я качал ее на руках, она любила шлепать меня по лысине* [3, с. 307].

Само собой разумеется, что естественное логичное понимание фразы «с детства» – муж знает супругу именно со своего детства. Лишь со следующей фразой становится ясен подлинный смысл.

Врач говорит:

– *Чтобы ваш муж побыстрее выздоровел, ему нужно больше пить и гулять.*

Жена:

– *Доктор, я тогда поражаюсь, как он вообще умудрился заболеть* [3, с. 102].

Врач, конечно же, имеет в виду, что мужчине нужно больше пить воды и гулять на свежем воздухе, что в большинстве случаев помогает людям скорее поправиться. Жена же вкладывает в слова «пить и гулять» совсем иной смысл. Пить, по ее мнению, – употреблять алкогольную продукцию, а гулять – ходить «налево». Таким образом, опущенные в реплике врача дополнения и приводят к созданию комического эффекта.

К средствам создания комического эффекта в анекдотах можно отнести и **синтаксический параллелизм**, то есть одинаковое построение, соседних предложений, отрезков речи [4].

Рассмотрим следующие примеры.

Когда у жены на лице полтонны косметики – это ничего. Когда у мужа на лице немного помады – это конец света [3, с. 86].

Схожее построение двух предложений в данном примере помогает подчеркнуть сравнение женщин и мужчин, что усиливает комический эффект.

– Дорогая, что подарить тебе в день твоего рождения?

– Кофе, если хочешь... кофе-машину, если можешь... машину, если любишь... [5, с. 49].

В данном анекдоте синтаксический параллелизм заключается в схожем построении отрезков речи и обеспечивает усиление комического эффекта.

Синтаксическая сочетаемость компонентов предложения – еще одно средство комического. Комизм основывается на сочетании несочетаемого. Приведем пример.

– Как вы живете со своим мужем?

– Ах, не спрашивайте! Он постоянно мне изменяет! А я столько раз была ему верна! [3, с. 75].

Комизм в данном анекдоте создается за счет нарушения правил сочетаемости главного слова и обстоятельства.

К синтаксическим средствам можно отнести и **обыгрывание незнания правил употребления личных местоимений**.

Рассмотрим следующие примеры.

– Представляешь, купила себе новый шарфик, а он мужу не понравился...

– Так обменяй его в магазине!

– Ты что, где такой магазин, где мужей обменять можно?! [3, с. 34].

В этом анекдоте одна девушка предложила обменять шарфик, вторая же подумала, что ей нужно обменять мужа. Комизм данной ситуации вызван тем, что по правилам русского языка местоимения «его», «ее», «их» должны употребляться относительно последнего существительного.

Аналогичную комическую ситуацию мы можем наблюдать и в следующем примере:

Подруге подарили котенка, а у ее мужа аллергия на кошачью шерсть.

Теперь его нужно срочно куда-нибудь пристроить! Может, кто возьмет?

Брюнет, рост 180 см, зовут Андрей [3, с. 56].

Обыгрывание незнания правил употребления личного местоимения «его» и создает комический эффект.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что средства создания комического эффекта в русских анекдотах очень разнообразны. Выводы проведенного исследования свидетельствуют о том, что комический эффект в значительном количестве русских социально-бытовых анекдотах усиливается именно за счет синтаксических средств, к которым мы относим омонимию, компрессию, параллелизм, синтаксическую сочетаемость компонентов предложения и обыгрывание незнания правил употребления личных местоимений. Более глубокое рассмотрение лингвистических средств создания комического эффекта представляет несомненный интерес для изучения анекдота как жанра в рамках ряда филологических дисциплин.

Библиографический список

1. Голев Н. Д. Русский анекдот как игровой текст : внутренняя форма и содержание / Н. Д. Голев. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z58.html> (дата обращения: 12.11.15).
2. Курганов Е. Анекдот как жанр / Е. Курганов. СПб. : Акад. проект, 1997. 122 с.
3. 5000 анекдотов на все случаи жизни / под ред. Т. Деревянко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 448 с.
4. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова // Текстология.ру. Режим доступа : <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskieterminy/?q=484>. – 1.08.16.
5. Самые свежайшие ржачные анекдоты / сост. Е. В. Маркина. М. : Издательство АСТ, 2015. 575 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. М. : «Языки русской культуры», 1999. 544 с.
7. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры / В. В. Химик // Русский филологический портал. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/khimik-02.htm> (дата обращения: 12.11.15).
8. Шмелева Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. М. : Языки славянской культуры, 2002. 143 с.

References

1. Golev N. D. Russian jokes like game text: internal form and content [Электронный ресурс] / N. D. Golev. Access mode: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z58.html> (12.11.15).
2. Curganov E. Anecdote as a genre / E. Curganov . Saint Petersburg : Acad. project, 1997. 122 p.
3. 5000 jokes for all occasions / ed. T. Derevianko. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2006. 448 p.
4. Rozental D. E. Dictionary of linguistic terms / D. E. Rozental, M. A. Telenkova // Tekstologiya.ru. Access mode: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskieterminy/?q=484> (1.08.16).
5. Newest jokes/ comp. EV Markina. Moscow: AST Publishing, 2015. 575 p.
6. Sannikov V. Z. Russian language in the mirror of the language game / V. Z. Sannikov. M. : "Russian Culture Languages", 1999. 544 p.
7. Ximik V. V. Anecdote as a unique phenomenon of Russian speech culture / V. V. Ximik // Russian Philology portal. Access mode: <http://www.philology.ru/literature2/khimik-02.htm> (12.11.15).
8. Shmeleva E. Y. Russian anecdote: Text and speech genre / E.Y. Shmeleva, A.D. Shmelev. M. : Languages Slavic culture, 2002. 143 p.

УДК 81'42

*Самарский государственный социально-педагогический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка*

Блинова Ю.А.

Россия, г. Самара, 8 9272672311

jublinova@mail.ru

*Samara State Social Pedagogical University
The Chair of German Language
PhD, associate professor*

Blinova Y.A.

Russia, Samara, 8 9272672311

jublinova@mail.ru

Ю.А. Блинова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ, ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируются прецедентные библейские имена, их роль в качестве мотивов в художественной литературе, а также их выход за рамки религиозного и художественного дискурсов благодаря их способности к фразеологизации и метонимизации.

Ключевые слова: прецедентные имена собственные, художественный дискурс, библейский мотив в литературе, фразеологизация прецедентных имен, транскатегориальная метонимия.

Y.A. Blinova

PRECEDENT BIBLICAL NAMES IN LITERATURE, LANGUAGE AND DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN THE GERMAN LANGUAGE)

The article investigates precedent Biblical proper names, their functioning as motives in fiction and trespassing the limits of religious and fiction discourse owing to their ability to form phraseological units and metonymy.

Key words: precedent proper names, discourse of fiction, Biblical motive in fiction, using precedent names in phraseological units, transcategorical metonymy.

Способность прецедентных имен за счет особой структуры значения накапливать смыслы в одних текстах и актуализировать их в других, функционировать в разных дискурсах, а также их аксиологический потенциал вызывает интерес к их изучению. С одной стороны, художественная литература представляет собой один из источников прецедентных имен, поскольку художественный дискурс по своей сути обладает генеративно-смысловыми возможностями и вырабатывает новые образы мира и человека. С другой стороны, прецедентные имена продолжают свою жизнь в дискурсе художественной литературы, выводя тексты в более широкий культурно-литературный контекст.

Предметом рассмотрения в данной статье являются прецедентные библейские имена, их функции в дискурсе художественной литературы, их способность к семантическим преобразованиям и выход в другие виды дискурсов.

Материалом для исследования послужил словарь Хорста и Ингрид Демрих «Темы и мотивы в литературе», из которого путем сплошной выборки было выделено для анализа 37 имен, значимых для художественного и литературоведческого дискурсов. Проанализировав имена на предмет источника происхождения, нами было выделено 4 группы источников: Библия, древнегреческие мифы и античная литература, произведения художественной литературы, реальные исторические личности. При этом источниками 9 из них является текст Библии, 10 имен представляют собой имена персонажей

литературных произведений, 7 – имена исторических личностей, которые стали литературными персонажами, 11 имен – мифонимы.

Рассмотрим подробно имена библейского происхождения и их роль в художественном дискурсе. Как показал анализ словарных статей, интертекстуальную активность проявляют девять библейских имен: Abraham 'Авраам', Ahasver 'Агасфер', David 'Давид', Hiob 'Иов', Jona 'Иона', Kain und Abel 'Каин' и 'Авель', Christus 'Христос', Satan / Luzifer 'Сатана' (Люцифер), поскольку за этими именами стоят важные мотивы и символы. Количественный результат не впечатляет, особенно если сопоставить его с общим количеством упоминающихся в Библии имен.

Сравним функционирование выделенных библейских имен в художественном тексте с литературными именами. Немецкий исследователь Фридрих Дебус выделяет три функции литературных имен в художественном тексте: идентификация, фикциональность (вымышленность), характеризующая функция. При этом автор отмечает, что идентифицирующая функция является основной для имен не только в литературе, но и реальной жизни, поскольку имя в первую очередь передает его носителю его собственную идентичность. Вторая функция свойственна только литературным именам. Вымышленные имена литературных персонажей участвуют в конструировании вымышленного мира художественного произведения. Наиболее сложной функцией считается характеризующая. В первую очередь этой способностью обладают вымышленные говорящие имена, а также невымышленные имена известных исторических личностей и реально существующие географические названия [4; с. 2-8]. Предположим, что выделенные нами для анализа библейские имена приближаются по своей функции в художественном дискурсе к невымышленным именам известных исторических личностей, и не только характеризуют носителя имени, но и задают определенную направленность возможных интерпретаций.

Проанализировав словарную статью каждого библейского имени, мы пришли к выводу, что имена способны сужать семантику стоящего за ними события, поступки героя до одного определенного качества. К примеру, Иов воплощает собой качество – покорное и безропотное покорение своей судьбе. Авраам – полное послушание и выполнение воли Господа. Агасфер – вечный странник, Вечный Жид, которому свойственно внутреннее беспокойство, он в вечном поиске божественного порядка. Христос – идеальный персонаж, поступки которого заставляют других критически задуматься о своем отношении к миру. Все события на его жизненном пути ведут к самой высокой ступени саморазвития человека [3; с. 85]. Сатана, Люцифер, Мефистофель – всегда деятель, антипод главного героя, вызывающий в художественном произведении драматические конфликты в процессе самореализации главного героя путем искушений и соприкосновения со злом.

Герои обладают определенными качествами, что задает развитие действия в определенном направлении, более того знание имени и его истории открывает возможность предугадывания конфликта и его разрешения. Использование библейских имен в художественном и литературоведческом дискурсах способствует упрощению амбивалентности межличностных отношений и быстрому пониманию происходящего. Четыре имени Иона, Давид, Агасфер, Христос в крайне сжатом виде передают варианты основных вех на пути развития и обретения зрелости человеком на его жизненном пути: испытание – рубеж – выдерживание испытания / или провал испытания – повторное испытание – его прохождение или повторный провал – очищение / просветление / спасение как высшая ступень развития личности. Таким образом, библейские герои отражают в сознании варианты архетипа героя и представляют собой вечные образы и бесконечный интерес для автора и читателя.

Осмелимся предположить, что использование библейских имен в виде скрытых аллюзий и сравнений строится на актуализации постоянных атрибутов библейских персонажей, которые в художественном тексте перенимают функцию мотива и вызывают однозначные ассоциации и служат идентификации персонажа или события, даже если автор отказался от прямого указания на библейского героя. В некоторых случаях список атрибутов выглядит значительным. К атрибутам Христа исследователи относят следующие понятия: свет, хлеб, вино, причастие, распятие, Иуда, Варавва, тридцать сребренников, трижды отречься, виноградная лоза, умывать руки [3; с. 85].

Библейские имена способны актуализировать событие. История ветхозаветного пророка Ионы или библейского праведника Авраама представляют собой интерес для художественного дискурса, поскольку связанные и ними события провоцируют в тексте и сознании конфликтную ситуацию – ведь читатель вместе с ними оказывается в ситуации выбора – *подчинения или* противления судьбе, воли Бога и т.д. Так, в лице Каина и Авеля в художественном и литературоведческом дискурсах нашел свое продолжение конфликт между братьями, а его дальнейшая интерпретация поднимает вопрос справедливости, притязания на власть, тему греха и покаяния.

Для изучающих немецкий язык, а также исследователей-германистов, безусловно, представляет интерес функционирование библейских имен в системе языка и других дискурсах.

В толковом словаре немецкого языка DUDEN Deutsches Universalwörterbuch (далее DUW) зафиксировано 5 имен из исследованного материала: Abraham 'Авраам', Hiob 'Иов', Kain 'Каин', Ahasver 'Агасфер', David 'Давид', Satan / Luzifer /. При этом 4 из них входят в состав фразеологизмов. Способность библейских имен к фразеологизации была описана нами в диссертационном исследовании [1; с. 20-22]. Например:

Kainsmal, das Kainszeichen, das [5; с. 304] 'каинова печать' Hiobsbotschaft, die [nach Hiob im A.T., der Schweres zu erdulden hatte] Hiobspost, die (veraltend): Hiobsbotschaft (DUW S.721), печальное известие', ужасное известие.

Abraham: in der Wendung wie in Abrahams Schoß (ugs.; sicher und geborgen; gut aufgehoben; nach Luk. 16, 22) [5; с. 65] 'как у Христа за пазухой' На примере имени Агасфер мы наблюдаем апеллятивацию – переход онима в апеллатив. Кроме того, переход в класс нарицательных имен доказывает и наличие форм множественного числа, ср.:

Ahasver, der -s,-s u.-e [Ahasverus = der Ewige Jude]: ruhelos umherirrender Mensch (DUW) 'беспокойно блуждающий человек';

ahasverisch <Adj.> (bildungsspr.): ruhelos, umherirrend, 'беспокойный', 'блуждающий'.

Наличие прилагательного с качественным значением доказывает способность прецедентных имен собственных к транспозиции в имя прилагательное. В основе этого процесса лежит транскатегориальная метонимия, базирующаяся на импликационной связи между носителем признака и самим признаком, ср.:

Суффикс -isch является наиболее продуктивным при образовании прилагательных от имен собственных и означает не столько принадлежность к Агасферу, сколько отражает свойственные ему качества, mephistophelisch <Adj.> [nach der Gestalt des Mephisto in Goethes Faust] (bildungsspr.): teuflisch, voll boshafter List;

Satan, der; -s,-e (biblisch) Widersacher Gottes; Teufel; der Versucher (umgangssprachlich abwertend) boshafter Mensch (oft als Schimpfwort) [5; с. 1292].

Стилистические пометы в словарных статьях указывают на дискурсивный потенциал исследуемых библейских имен. Такие имена, как Агасфер и образованное от него прилагательное ahasverisch, а также прилагательное satanisch 'сатанинский' luziferisch 'люциферский' сопровождаются стилистической пометой bildungsspr. 'книжное' и отсылают к бытийному дискурсу с точки зрения социолингвистики, представленному произведениями художественной литературы, философскими и психологическими интрос-

пективными текстами. Фразеологизм *wie in Abrahams Schoß* 'как у Христа за пазухой' содержит помету *ugs.* 'разговорное' и говорит о его функционировании в бытовой дискурсе, основу которого составляет разговорная форма речи [2; с. 289-290].

Подведем итоги. За пределы религиозного дискурса вышли 9 библейских имен и прочно обосновались в дискурсе художественной литературы, а также литературоведческом дискурсе. Библейские имена в художественном тексте не только характеризуют героев и способствуют порождению вымышленного мира, но и задают определенную направленность вымысла и его интерпретации. Использование библейского имени дает автору возможность акцентуации характера героя и помогает читателю спрогнозировать конфликт и его разрешение. Атрибуты библейских персонажей играют роль мотивов в художественном тексте. Более того, именно атрибуты лежат в основе аллюзий и сравнений. Пять из девяти выделенных библейских имен зафиксированы в толковых словарях немецкого языка. Так же как и другие виды прецедентных имен библейские они способны к переходу в имена нарицательные. Грамматически апелляция подтверждается наличием определенного или неопределенного артикля и наличием формы множественного числа. Механизм транскатегориальной метонимии лежит в основе образования от библейских имен отыменных прилагательных с качественным значением. Кроме того, библейские имена обладают способностью к фразеологизации. В составе фразеологических выражений библейские имена выходят за рамки религиозного и художественного дискурсов и функционируют в дискурсе СМИ и бытовом дискурсе.

Библиографический список

1. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе : автореф. дис. ...канд. филол.наук : 10.02.04 / Ю.А. Блинова. Самара, 2007. 23 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Daemrich, Horst S.: Themen und Motive in der Literatur : ein Handbuch / Horst S. und Ingrid g. Daemrich. 2., überarb. und erw. Aufl. Tübingen ; Basel : Franke, 1995.
4. Debus, Friedhelm. Funktionen literarischer Namen // Sprachreport. 2004. № 1. P. 2-9.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. Dudenred. Unter Leitung von Günter Drosdowski. [Unter Mitw. Von Maria Dose ...]. 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag., 2006.

References

1. Blinova Y.A. Precedent proper names in German newspaper discourse. Abstract of PhD thesis. 10.02.04./ Y.A. Blinova. Samara, 2007. 23 p.
2. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse / V.I. Karasik.. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
3. Daemrich, Horst S.: Themen und Motive in der Literatur : ein Handbuch / Horst S. und Ingrid g. Daemrich. 2., überarb. und erw. Aufl. Tübingen ; Basel : Franke, 1995.
4. Debus, Friedhelm. Funktionen literarischer Namen // Sprachreport. 2004. № 1. P. 2-9.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. Dudenred. Unter Leitung von Günter Drosdowski. [Unter Mitw. Von Maria Dose ...]. 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag., 2006.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1 (0.054.6) ББК 81.2

Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации»
канд. педагог. наук, доцент кафедры русского языка

Биченок Л.П.

Россия, Москва, тел. +7(985)181-37-64

e-mail:ekate-fedulova@yandex.ru

*Military training and research center
The land forces «Combined arms Academy
Armed forces of the Russian Federation»*

*The department of Russian language
PhD, associate professor*

Bychenok L.P.

Russia, Moscow, +7(985)181-37-64

e-mail:ekate-fedulova@yandex.ru

Л.П. Биченок

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ С ИНОСТРАННЫМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ И ОСНОВНЫХ КУРСАХ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются особенности составления тестовых заданий для проверки знаний, умений, навыков иностранных военнослужащих на этапе первого сертификационного уровня подготовки, а также методика проведения данного вида контроля.

Ключевые слова: тест, виды тестовых заданий, методика проведения теста в военном вузе.

L.P. Bychenok

FEATURES TESTING OF FOREIGN TROOPS IN THE PREPARATORY AND BASIC COURSES IN THE MILITARY UNIVERSITY

The article discusses the features of drawing up of test tasks for checking knowledge and skills of foreign troops on the stage of the first level of training, as well as the methodology of conducting this type of control.

Key words: test, types of test tasks, methods of conducting the test at the military College.

Несомненно, на современном этапе изучения и применения тестирования как эффективного средства контроля разработка тестов, их классификация и внедрение в практический процесс обучения иностранных военнослужащих занимает особое место в методической, научной и повседневной работе преподавателей русского языка как иностранного.

Тест может быть надежным орудием измерения уровня знаний только тогда, когда:

- 1) определено то, что является предметом измерения и его содержанием с учетом коммуникативных потребностей иностранных военнослужащих;
- 2) установлены объем и границы этого предмета измерения, то есть теоретических основ обучения;

3) дано его лингвистическое описание как грамматической, так и лексической направленности;

4) определены как программные (общие) цели и задачи, так и цели и задачи каждого теста;

5) разработаны дифференциальные языковые и речевые задачи и цели в зависимости от уровня подготовленности обучающихся.

Таким образом, это научно-методический продукт, который является отдельным видом контроля с четко выраженными:

- тестовыми заданиями;
- целью контроля;
- параметрами контроля;
- содержанием контроля.

Выполнение теста должно соответствовать экспертной системе оценок, то есть эталону, который не должен выходить за рамки программных требований.

Использование тестовых методов контроля позволяет изжить такие недостатки существующей системы контроля, как:

1) выборочность и несистемность контроля, отсутствие перспективы развития учебной деятельности;

2) использование только внешнего контроля и оценки, когда в должной мере не формируется самоконтроль и самооценка воспроизводимой и порождаемой речи;

3) отсутствие в системе контроля одного из компонентов контроля – навыков самоорганизации собственной речевой и интеллектуальной деятельности;

4) диспропорции объектно-субъектных отношений в контроле (роль преподавателя – пассивная, в качестве только объекта контроля – обучаемые);

5) просчеты в дозировании контролируемых заданий и их равномерности в учебном времени.

Поэтому тестирование на сегодняшний день является наиболее актуальной формой контроля, так как имеет следующие возможности и преимущества:

- позволяет в наиболее сжатые сроки провести с высокой степенью объективную оценку знаний, навыков и умений большого количества испытуемых, чего не могут с такой эффективностью сделать другие формы контроля;

- может использоваться при входном, текущем, промежуточном и итоговом контроле, что позволяет преподавателю в единой форме осуществлять анализ и оценку изменений компетенций обучающихся, а это необходимо при обучении РКИ как преподавателю, так и слушателю;

- способствует единообразию в оценке знаний, навыков и умений обучающихся в России и других странах. Именно такая форма контроля, давно принятая за рубежом, необходима в связи со стремлением России к интеграции с образовательными системами различных стран, к унификации содержания обучения, утверждению общих уровней владения иностранным языком и признанием сертификатов, выдаваемых центрами государственного тестирования;

- понятно и знакомо иностранным слушателям, поскольку давно используется в их странах, в связи с чем не вызывает у них психологического дискомфорта;

- кроме функции контроля выполняет функцию самоконтроля; с помощью ключей к адапционным тестам, тестовым практикумам обучающиеся могут сами проверить

свой уровень компетенций, что является составной частью самостоятельной работы слушателей;

- наиболее удобны для дистанционного контроля и работы в Интернете;
- индивидуализируют учебный процесс, что важно для слушателя при изучении русского языка как иностранного, поскольку, анализируя и типизируя ошибки конкретного студента, преподаватель на их основе создает новые индивидуальные тесты, что значительно повышает эффективность усвоения учебного материала;
- имеют воспитательную функцию, так как у слушателей формируется чувство ответственности за результаты обучения, возникает конкуренция.

Следовательно, тестовая форма контроля знаний, умений и навыков отражает современный уровень развития методической науки, позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования и развития лингводидактического контроля в форме тестов.

С учетом вышесказанного в учебный процесс обучения иностранных военнослужащих на кафедре русского языка ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» введена система тестирования, охватывающая все уровни преподавания русского языка как иностранного. Система тестирования функционирует в двух формах – в качестве печатного материала учебного пособия: Л. П. Биченок «Русский язык. Тестовая диагностика», а также в виде электронных тестов, которые обучающиеся могут выполнить под руководством преподавателя в компьютерном классе во внеаудиторное время или же непосредственно на учебном занятии в качестве контроля изученного ранее материала.

С учетом использования в учебном процессе новейших технологий ряд тестов учебного пособия создавались таким образом, что их можно проводить не только в компьютерном классе, но и в компьютерном лингафонном кабинете. Это позволяет считать данное пособие отвечающим современным тенденциям обучения русскому языку как иностранному.

На сегодняшний день компьютерный лингафонный класс является многофункциональным средством обучения. Так, Е. В. Федяева, В. В. Бесценная отмечают: «Лингафонный кабинет компьютерного типа можно назвать универсальным средством, поскольку здесь можно проводить работу не только по формированию языковых (фонетических, лексических, грамматических), но и всех речевых умений и навыков (в области говорения, чтения, аудирования и письма)» [3; с. 131].

Необходимо подчеркнуть, что пособие действительно актуально, так как является единственным в своем роде – в нем отражается такая специальная направленность, как лексика тактических дисциплин. В свою очередь, необходимо, чтобы «обучение русскому языку в военных вузах характеризовалось профессиональной направленностью и осуществлялось с целью формирования военно-профессиональной речевой компетенции иностранных военнослужащих, профессионального языка будущих специалистов» [2; с. 217].

Рассмотрим особенности работы по учебному пособию Л. П. Биченок «Русский язык. Тестовая диагностика».

Данное учебное пособие предназначено для иностранных военных специалистов и слушателей, обучающихся на подготовительном и основных курсах высших учебных заведений Министерства обороны РФ. Цель пособия – диагностика уровня владения иностранными военнослужащими (далее ИВС) русским языком как иностранным, выявление их общего уровня знаний, умений, навыков по русскому языку, определение их

профессиональной коммуникативной компетенции, готовности и способности к изучению оперативно-тактических и военно-технических дисциплин на русском языке.

Пособие составлялось на основе лексико-грамматического материала как социально-бытовой, так и учебно-профессиональной сфер общения. Отбор языкового, речевого и страноведческого материала производился с учетом коммуникативных потребностей слушателей – будущих специалистов высшей военной квалификации.

Созданная таким образом система тестов позволяет обеспечить обучение, контроль, коррекцию и совершенствование как общих (унифицированных) речевых умений и навыков, так и профессионально ориентированных, определяющих успешность речевого общения в учебно-профессиональной деятельности.

Учебное пособие включает две части и ключи к ним, которые являются эталоном выполнения каждого теста. Первая часть содержит нормативно-ориентированную систему стандартизированных тестов вводно-грамматического курса. Вторая часть – основополагающая, включает набор критериально-ориентированных стандартизированных тестов на определение уровня знаний ИВС предложно-падежной системы русского языка.

Тесты пособия универсальны. Несмотря на то что их можно и не использовать на каждом занятии, они могут быть полезны при повторении, закреплении грамматического материала, возможны в качестве индивидуальной работы слушателей, дополнительной, а также самостоятельной работы под руководством преподавателя и без него. Таким образом, тесты применяются как дополнительный, тренировочный и контролирующий материал для текущего и промежуточного контроля. В целом они предназначены для решения главной задачи – подготовке ИВС к контрольным работам по ключевым темам учебной программы в целях обеспечения накопления, расширения информационного поля, актуального для данной категории слушателей, а также для определения готовности к обучению военной специальности на русском языке.

Разнообразные формы тестовых заданий способствуют формированию комплексных ЗУН в разных видах речевой деятельности. Так, многие тесты имеют установку не только «определить» или «вставить» ту или иную букву, но и «сделать выбор», «найти», «подобрать или употребить в соответствии с ситуацией речевого общения» ту или иную часть речи, грамматическую форму или фразу. Ряд тестовых заданий – это мини-тексты, диалоги, сюжетные ситуативные упражнения. Например:

✓ Вставьте правильные окончания имен существительных.

Это кабинет. Здесь работает начальник штаб_. Это его стол, стул, планишет и портфель.

На стол_ лежат его книг_, план, ручк_, карандаш_, документ_, устав_.

Рядом висят час_, лежит макет, стоят флаг_. Также на стен_ висят схем_, таблиц_, карт_, календарь.

На вешалк_ висят его вещ_: мундир, плащ, фуражк_, ремень. На мундире – орден_, медал_.

✓ Употребите местоимение НАШ в правильной форме.

- *Добрый день, Виктор!*

- *Привет, Андрей! Смотри, вот ___ аудитория.*

- *А где ___ места?*

- *Да вот. Там, где лежат ___ вещи.*
- *Ты уверен, что это ___ группа?*
- *Конечно, мы с ними были на семинаре. Командир ___ друг [1; с. 47-52].*

В ходе выполнения тестовых заданий слушатели не только повторяют грамматический материал, но и корректируют речевые умения и навыки в необходимых сферах общения.

Таким образом, тренировочный языковой и речевой материал пособия излагается по принципу от простого к сложному, опирается на базовый учебник изучаемого слушателями предмета «Русский язык». Он отбирался с учетом реальных коммуникативных потребностей слушателей в тех сферах общения, которые характеризуют учёбу иностранных военнослужащих на определенном этапе жизни в стране изучаемого языка, закладывают умения и навыки, которые будут способствовать формированию речевой компетенции ИВС в различных сферах общения, а главное, в сфере общения конкретных военных дисциплин вуза на последующих этапах обучения.

Библиографический список

1. Биченок Л. П. Русский язык. Тестовая диагностика. М. : ВУНЦ СВ ОВА ВС РФ, 2015. 171 с.
2. Богородицкая С. И., Помыткина О. Н. Изучение профессионально-ориентированной лексики на подготовительном курсе в военном авиационном вузе // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : сб. материалов IV международной научно-методической конференции (28-30 января 2016 г.). Воронеж : Научная книга, 2016. С. 217-221.
3. Федяева Е. В., Бесценная В. В. Использование компьютерного лингафонного кабинета при обучении русскому языку как иностранному // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : сб. материалов IV международной научно-методической конференции (28-30 января 2016 г.). Воронеж : Научная книга, 2016. С. 130-135.

References

1. Bychenok L. P. Russian language. Test diagnostics. M. : MTRS LF CAA AF RF, 2015. 171 p.
2. Bogoroditskaya S. I., Pomytkina O. N. The study of professionally oriented vocabulary at the preparatory course at the military aviation University // problems of teaching of philological disciplines foreign students : materials of the IV international scientific-methodical conference (28-30 January, 2016). Voronezh : Scientific book, 2016. p. 217-221.
3. Fedyaeva E. V., Bestsennaya V. V. Use of the computer language lab in teaching Russian as a foreign language // problems of teaching of philological disciplines foreign students : materials of the IV international scientific-methodical conference (28-30 January, 2016). Voronezh : Scientific book, 2016. p. 130-135.

УДК 378.147

*Ростовский государственный медицинский университет
подготовительный факультет
по обучению иностранных граждан
ст. преподаватель кафедры русского языка № 2
Ярославская И.М.
Россия, г. Ростов-на-Дону, тел.
89185278575
e-mail: yaroirina@yandex.ru*

*Rostov State Medical University
Preparatory faculty for training foreign citizens
Senior Lecturer of the Department of Russian as a foreign Language № 2
Yaroslavskaya I.M.
Russia, Rostov-on-Don, 89185278575
e-mail: yaroirina@yandex.ru*

И.М. Ярославская

**АККУЛЬТУРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ
ЭТАПА ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ
КАК ИНТЕГРАЦИЯ В НОВОЕ ДЛЯ НИХ ОБЩЕСТВО,
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И КУЛЬТУРУ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается вопрос аккультурации иностранных учащихся довузовского этапа обучения. Этап предвузовской подготовки приобретает первостепенное значение, потому что иностранным учащимся важно понять, как вести себя в новом социуме, чтобы жить в согласии с собой, со своими ценностями, с ценностями чужой культуры.

Ключевые слова: этап предвузовской подготовки; аккультурация, иностранные студенты; новый социум, ценности, нормы.

I.M. Yaroslavskaya

**ACCULTURATION OF INTERNATIONAL STUDENTS
OF PRE-UNIVERSITY TRAINING STAGE AS INTEGRATION
INTO A NEW SOCIETY, EDUCATIONAL SPACE AND CULTURE
OF THE COUNTRY THE LANGUAGE OF WHICH IS BEING LEARNT**

The article deals with the problem of acculturation of international students of pre-University training stage. Pre-University training stage for international students has the first-rate significance because it is important for them to understand how to behave in a new society in order to live in a harmony with themselves, with their values, with the values of foreign culture.

Key words: pre-University training stage; acculturation; international students; new society; values, norms.

Иностранные учащиеся, приезжающие на учёбу в любую страну, не могут существовать в изоляции от других людей. В процессе своей жизни и учёбы в России им будет необходимо не только общаться с представителями разных культур, (как правило, иностранные учащиеся занимаются в интернациональных группах), но и преодолевать

языковой, социальный, образовательный и культурный барьер страны, в которой им предстоит учиться в высшем учебном заведении в течение 5-6 лет. Т.е. иностранным учащимся необходимо интегрироваться в российскую окружающую среду.

Интеграция является одной из стратегий аккультурации, когда индивид готов принять ценности новой для себя культуры, а общество готово принять этого человека, уважая его культуру.

Учёные, занимающиеся вопросами аккультурации, выделяют политическую, экономическую, правовую, религиозную, психологическую, образовательную и другие виды аккультурации [1].

Образовательная аккультурация иностранных учащихся нами понимается как приспособление к условиям новой для них учебной культурно-языковой среды, как принятие и усвоение ими необходимых для жизни и учёбы норм и ценностей другой культуры, в данном случае, русской, при этом сохраняя свои обычаи и традиции.

Аккультурация будет более эффективной, если человек убеждён в преимуществах интеграции, а для иностранного учащегося она является высоко мотивированной необходимостью – получить профессию.

Термин «аккультурация» происходит от латинских слов *ad* – «к» и *cultura* – «образование, развитие».

Советский энциклопедический словарь определяет аккультурацию как «процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа» [4].

Исследования учёных, публикации и анализ статей по вопросам адаптации, аккультурации иностранных граждан, беседы с преподавателями-практиками, работающими с иностранной аудиторией, позволяют сделать вывод, что аккультурация – это процесс, когда в определённый промежуток времени через опыт общения люди осваивают то, что им необходимо для жизни в новом культурном пространстве.

Поэтому этап предвузовской подготовки, который составляет 9-10 месяцев, т.е. академический год, как для преподавателя, так и для иностранных учащихся приобретает первостепенное значение. Это период времени, в течение которого иностранные учащиеся-новички «впитывают» нормы и правила, определяющие стиль поведения, чтобы жить в согласии с собой, со своими ценностями, с ценностями чужой культуры.

Процесс аккультурации начинается с первых дней пребывания иностранных учащихся в России. Он продолжительный, кропотливый, многогранный, трудоёмкий. В процессе аккультурации в жизни иностранных учащихся происходят: а) физические изменения, которые выражаются в смене места жительства, в новых климатических и бытовых условиях;

б) биолого-экономические изменения: новые продукты питания, новая пища, финансовое ведение «хозяйства» самостоятельно, без родителей; при смене времён года – заболевания и др.;

в) культурные изменения: новый язык, новая система образования, новое культурное пространство, межгрупповые и межличностные отношения.

С изучения дисциплины «Русский язык» начинается учебная деятельность иностранных учащихся, поэтому основная нагрузка по введению учащихся в российскую бытовую и образовательную среду ложится на занятия по русскому языку.

Большую роль в процессе аккультурации, несомненно, играет преподаватель. «Преподаватель русского языка как знающий язык-посредник и первый, начинающий обучение иностранцев в новом социуме, одновременно должен быть не только высоко-

квалифицированным специалистом своего дела. Он должен быть психологом, чтобы установить контакт с учащимися на уровне их внутренних потребностей, возможностей и способностей, и воспитателем, чтобы тактично решать возникающие противоречия в педагогическом и воспитательном процессе.

Он должен быть дипломатом, т.е. уметь владеть собой, быть толерантным по отношению к учащимся, сдерживать отрицательные эмоции. Условно говоря, и доктором-психотерапевтом, который заботится о психическом состоянии учащихся, об устойчивости их нервной системы в преодолении трудностей» [6].

Следует учитывать и тот факт, что иностранные учащиеся отличны друг от друга по характеру, вероисповеданию. Они имеют разную эрудицию, разный исходный уровень знаний по предметам, собственное представление о мире, свою национальную ментальность, свои этнические культурные нормы и ценности, принципы и представления того общества, в котором они выросли.

Для социально-психологического выравнивания разных категорий учащихся нами используется «система, способствующая успешному знакомству иностранных учащихся с образовательной средой нового социума. Она включает в себя следующие этапы:

а) первый этап «организационный», цель которого – ознакомление иностранных учащихся с новыми для них требованиями обучения в высшей школе России, с правилами их передвижения по стране, формирования у них положительного отношения к вузовской социокультурной среде и т. д. ;

б) на втором этапе, называемом «методы диагностики», проводятся психолого-педагогические исследования мотивов и факторов выбора профессии;

в) на следующем этапе – «поисково-экспериментальном» – изучаются личностные особенности учащихся, определяются пути и способы максимального облегчения процесса адаптации, формируются эмоционально-волевые установки, нивелируются негативные социальные стереотипы, определяются ценностные ориентации;

г) на формирующем этапе осуществляется помощь преподавателей в подготовке и корректировке различного рода докладов, рефератов и т. д.;

д) завершающий этап обеспечивает участие студентов в различных видах практической внеаудиторной деятельности: студенческих конференциях, выставках творческих работ, конкурсах, олимпиадах, концертах и т. д.» [5].

Пути знакомства с другой культурой – аккультурация – познаётся иностранными учащимися через быт, познавательную учебную деятельность на занятиях по русскому языку и другим дисциплинам, через деятельность общения.

«Что такое быт? Это обычное протекание жизни в реально-практических формах; быт – это вещи, которые нас окружают, наши привычки и каждодневное поведение. Это не только жизнь людей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха ... . Связь этой стороны быта с культурой не требует пояснений. Ведь именно в ней раскрываются те черты, по которым мы обычно узнаём своего и чужого, человека той или иной эпохи, англичанина или испанца» [2: с.10].

Поэтому преподаватель-русист, помогая иностранным учащимся снимать некоторые трудности вживания в чужую культуру, проводит беседы на бытовые темы: «Жизнь в общежитии», «Питание и здоровье», «Режим дня», «Правила экипировки при смене времён года», «Организация свободного времени» др.

Познавательная учебная деятельность осуществляется путём выполнения различных действий в учебном процессе – экспериментирование, поиск информации, решение учебно-исследовательских задач и др.

Учащиеся должны не только понять и запомнить полученные знания, но и применить их на практике, формируя таким способом новый образ учебно-профессиональной деятельности.

Преподаватель систематизирует приобретённые знания учащихся, обобщает их, в случае необходимости возвращается к изучаемому явлению, объясняет ещё раз нормы и правила новых условий жизни.

Таким образом, аккультурация происходит при взаимодействии (а взаимодействие – есть взаимное сотрудничество) участников обучения и направлена на понятие другой культуры.

Очень важно для иностранных учащихся довузовского этапа обучения, желающих обучаться в новом социуме, понимать менталитет носителей языка – как русские люди видят мир, как живут, чем занимаются, какие вопросы решают, что их волнует, интересует, раздражает. Они должны знать некоторые события из истории нашей страны, чтобы адекватно воспринимать наиболее значимые исторические реалии, имена выдающихся деятелей науки, культуры, без знания которых сложно полноценно жить и учиться в России.

Иностранцам учащимся на этапе предвузовской подготовки с реалиями нашей страны помогает познакомиться учебное пособие «Здравствуй, Россия!» (авт. И.М. Ярославская, Т.П. Лебедева, И.А. Асадулаева, 2004). Оно доступно по языку и высоко информативно.

Читая данное пособие, иностранные учащиеся способны соотносить события, описываемые в рассказах, текстах-отрывках из художественных произведений русской литературы, которые они читают на занятиях, с историей развития России. Они могут представлять условия жизни русских людей в тот или иной период. Им легче сдавать экзамены по русскому языку за подготовительный курс, т.к. тексты для чтения, выносимые на экзамен, содержат культурологическую информацию России.

Особое внимание уделяется знакомству с будущей учебно-профессиональной деятельностью иностранных учащихся. Ведь спустя академический год они поменяют свой статус учащегося подготовительного факультета на статус студента высшего учебного заведения, где целенаправленно будут изучать основы выбранной профессии.

Иностранцы учащиеся автора статьи – это будущие студенты-медики, профессиональные познания которых включают в себя знакомство с некоторыми фактами из истории медицины, известными медиками, внёсшими большой вклад в развитие медицины, вопросы воспитания: будущий врач должен обладать нравственной культурой, быть тактичным, деликатным, заботиться о здоровье больного, постоянно совершенствовать свои знания. Постигать основы будущей профессии врача помогает учебное пособие «Медицина-моя жизнь» (авт. И.М. Ярославская, Т.П. Лебедева, И.А. Асадулаева, 2003).

Деятельность общения происходит в лингвокультурной среде на национальном и региональном уровне, в лингвокультурной среде образовательного учреждения, между представителями разных культур, между студентом и преподавателем, который является ретранслятором и интерпретатором культуры другого народа, между студентом и поликультурной учебной группой, студентом и представителями будущей профессии и т.д. [3].

Следовательно, в основе аккультурации лежит коммуникативный процесс, т.е. иностранные учащиеся знакомятся с новыми культурными условиями и овладевают разговорными навыками через общение. Поэтому процесс аккультурации можно рассматривать как приобретение коммуникативных навыков к новой культуре.

Процессу аккультурации иностранных учащихся этапа предвузовской подготовки способствует «вхождение», назовём это так, в учебно-исследовательскую работу.

Оно стимулирует мыслительную деятельность учащихся, развивает у них умение добывать и перерабатывать информацию, а полученные знания применять в своих творческих работах: написании эссе, рассказов, сочинений, докладов. Это позволяет иностранным учащимся негуманитарных специальностей принимать участие в различных конференциях как гуманитарного, так и естественнонаучного цикла, организуемых в конце учебного года, во внеаудиторных мероприятиях.

Одним из примеров может служить творческая работа студента из Иордании. Она называлась «Россия помнит их имена». Учащийся, взяв за основу формат энциклопедического словаря, представленный в разделе изучаемого пособия «Медицина – моя жизнь», красочно её оформил. Он проиллюстрировал свою работу портретами учёных, дал краткую биографическую справку о И.П. Павлове, И.И. Мечникове, А.П. Чехове как о врачах и писателе, о Г.А. Илизарове и др.

Учебно-исследовательская, а также творческая деятельность иностранных студентов важна и ценна, потому что позволяет ощущать результаты взаимного сотрудничества преподавателя и учащихся. В результате этой деятельности достигается образовательная цель изучения языка, которая заключается в осознании учащимися важности получения новых знаний.

Тезис учёных, занимающихся проблемами аккультурации, о том, что аккультурация ведёт к адаптации, несомненно, справедлив. Это подтверждается опытом работы в иноязычной аудитории, практикой преподавания русского языка иностранным учащимся, приезжающим с нулевым знанием русской культуры.

После годичного этапа предвузовской подготовки иностранный учащийся, сохраняя свою культурную идентичность, интегрируется в чужую культуру. Условия его жизни и учёбы влияют на его аккультурацию и вместе с тем способствуют адаптации. Иностранный учащийся, перерабатывая новую информацию, постигает культуру другой страны. Его поведение организуется и совершенствуется. С этим багажом первоначальных знаний о новой для него культуре иностранному учащемуся легче войти в образовательную среду высшего учебного заведения.

Библиографический список

1. Будаева З. А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации // Журнал «Вестник Бурятского государственного университета». 2014. № 6-2. С. 91-95. Код доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21472369>
2. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., «Искусство – СПб». 1994. 399 с.
3. Поморцева Н.В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект // Журнал «Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность». 2008. № 5. С. 69-75.

4. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1600 с.
5. Ярославская И.М. Организация воспитательной работы с иностранными учащимися // Материалы международной научно-практической конференции «Личностно-компетентный подход к повышению качества профессиональной подготовки иностранных учащихся». Курск: Изд-во КГМУ, 2011. С. 149-151.
6. Ярославская И.М. Организация обучения и воспитания иностранных учащихся предвузовского этапа преподавателем-русистом на основе здоровьесберегающих технологий // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Научные основы создания и реализации современных технологий здоровьесбережения». Прага: Изд-во Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2016. С. 504-507. Код доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=2609840&url=yamail%3A%2F%2F160440736725078285%2F1.2&name=!!!%20Белик%20сборник.pdf&c=582f6037053f>

References

1. Budaeva Z.A. Acculturation as a dominant theoretical marker of the process of globalization // Magazine «Bulletin of Burayt State University». 2014. № 6-2. P. 91-95. Mode of access: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21472369>
2. Lotman Y.M. Conversations about Russian culture. Mode of life and traditions of Russian Nobility (XVIII – early XIX century). SPb., «Arts – S-Petersburg». 1994. 399 p.
3. Pomortseva N.A. Linguacultural adaptation of foreign students to the process of the language teaching in the language surroundings: its social-psychological aspect // Journal «Bulletin of Peoples` friendship University of Russia» Series: Educational Problems: Languages and Speciality». 2008. № 5. P. 69-75.
4. Soviet encyclopedic dictionary. 2-nd Ed. M: Soviet encyclopedia, 1982. 1600 p.
5. Yaroslavskaya I.M. Organization of educational work with foreign students // Materials of international scientific and practical conference «Personal-competence approach to the improving of the quality of professional training of foreign students». Kursk: Ed.: KSMU. 2011. p. 149-151.
6. Yaroslavskaya I.M. Organization of teaching and education of international students of pre-University training stage by the teacher of the Russian language on the basis of health saving technologies // Materials of All-Russian research and practical conference with international participation «Scientific bases of development and realization of modern technologies of health protection» - Prague: Ed. Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2016. P. 504-507. Mode of access: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=2609840&url=yamail%3A%2F%2F160440736725078285%2F1.2&name=!!!%20Белик%20сборник.pdf&c=582f6037053f>

УДК 070

*Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске
магистрант направления лингвистики
(профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))*

Давлетшина С.Р.

Россия, г. Магнитогорск, тел. +7982

3324425

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

*Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk*

Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

master's degree student

Davletshina S.R.

Russia, Magnitogorsk, +7982

3324425

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

РОЛЬ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЖУРНАЛИСТА

В статье рассматривается процесс перехода традиционной структуры редакции СМИ в конвергентную. Эта тенденция становится закономерной. Цель исследования: показать как происходит формирование дополнительного набора профессиональных компетенций журналиста XXI века под воздействием изменений в периодических изданиях.

Ключевые слова: конвергенция, СМИ, конвергентная журналистика, универсальный журналист, IT-технологии, высшее образование.

S.R. Davletshina

MEDIA CONVERGENCE ROLE IN FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF THE JOURNALIST

In article process of transition of traditional structure of mass media's editorial office to convergent is considered. This tendency becomes natural. Research objective: to show as there is a formation of additional set of professional competences of the journalist of the 21st century as a result of changes in periodicals.

Key words: convergence, media, convergent journalism, universal journalist, IT technologies, the higher education.

В современных условиях отечественная система средств массовой информации меняется со стремительной скоростью. Трансформации происходят одновременно на нескольких уровнях: на организационном – переход редакций от вертикальной к горизонтальной (коммерческой) структуре; на технологическом – появление новых видов связи; на ментальном – кардинальные перемены в профессиональном сознании у представителей массовых коммуникаций.

Если в первом случае радикальные перемены обусловлены переходом страны к рыночной экономике, то два последних стали следствием медиаконвергенции. Под этим процессом мы понимаем не только появление цифровой площадки для обмена информацией через унифицированные каналы передачи, но и слияние смежных видов

массовой коммуникации – журналистики, рекламы, связей с общественностью и так далее [4; с. 114].

Сыграв решающую роль в судьбе отечественных СМИ, медиаконвергенция трансформировала их в мультимедийные организации. Главное отличие медиаконвергентных от традиционных структур заключается в поведении конвергентных редакций в цифровой среде. Речь идет о передаче посредством сетевых технологий сообщений одновременно по нескольким коммуникационным каналам. Наличие цифрового контента дает дополнительные возможности для развития медиакомпаний, привлечения большого количества пользователей. Отсюда появление принципиально новых инструментов (digital-маркетинг, digital-реклама), способных повысить конкурентоспособность, узнаваемость предприятия и его продукции [2; с. 11].

Изучая особенности деятельности и качественные черты конвергентных редакций на основе работ российских исследователей, автор пришел к следующему выводу: конвергентную редакцию стоит определить как производственно-творческую структуру, функционирующую в медиaprостранстве и производящую на базе новых информационных технологий медиапродукт для нескольких видов СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет). При этом обозначенные технологии заложены в широкодиапазонных соединениях: на макроуровне – это канал распространения цифрового контента, на микроуровне – это оборудование для цифровой журналистики, получившее название «мультимедийные ньюзрумы», которые позволяют медиакомпаниям преобразовываться в информационные центры [3].

Появление подобных структур позволяет вывести на качественный уровень нынешнюю журналистику и повысить ее творческий потенциал. На наш взгляд, интересную точку зрения по данному вопросу представил Дж. Бэрдоил. По его мнению, конвергенция имеет место одновременно на нескольких уровнях: технологическом, профессиональном и культурном. Сочетание перечисленных концептов образует «сетевую журналистику». Технологический фактор при этом не может рассматриваться как определяющий, потому как более существенные изменения происходят в профессиональных компетенциях «старых» и «новых» работников СМИ. «Технология является лишь инструментом, с помощью которого эти социально-культурные тенденции изменяют существующие связи в обществе» [1; с. 91]. Из чего следует, что под конвергенцией исследователь понимает не только трансформацию технологической площадки для обмена данными, но усиление гражданской позиции посредством оперативного распространения социально-значимой информации в Интернете, возможность для журналистов повысить свой профессиональный уровень.

На основе вышесказанного под «конвергентной журналистикой» мы понимаем тип производственно-творческой деятельности, которая осуществляется в условиях медиaprостранства и направлена на создание и распространение информационного продукта, способного совмещать в себе несколько видов коммуникаций (текстовый, графический, аудиовизуальный).

Очевидно, что функционирование новых СМИ порождает определенные требования к профессиональным качествам журналистов, которые должны уметь работать в конвергентных редакциях. Интересно, что изначально идея медиаконвергенции появилась в системе образования, а уже потом нашла свое отражение в профессиональных компетенциях современных практиков медиарынка. Обозначенное временное несоответствие случилось из-за влияния на российскую систему образования западных стандартов, требующих подготовки специалистов, обладающих универсальными умениями

и навыками. Именно этим объясняется появление в литературе по журналистике информации о медиаконвергенции: будущих специалистов знакомят со смежными сферами деятельности (рекламой, маркетингом, PR и т.д.), их особенностями.

Отсюда интенсивное использование термина «универсальный журналист». Данный термин впервые использовал известный британский журналист Д. Рэндалл. В своей одноименной книге он рассуждал о принципах журналистской работы, которые не утратили актуальность до сих пор [5]. Представление автора о журналисте сводится к определенному набору навыков, умений, уровню профессионализма. Слияние нескольких каналов связи (печать, радио, телевидение) означает, что человек должен следовать определенной модели поведения, главными принципами которой по-прежнему остается выполнение культурных, этических, морально-нравственных норм при осуществлении работы с достоверной информацией, исполнение своего профессионального долга.

Сегодня понятие «универсальный журналист» воспринимается шире с учетом всех происходящих изменений в медиаиндустрии. Ключевое отличие универсального журналиста от традиционного состоит в обладании специальными знаниями о формате, в умении использовать техническое оснащение, в максимальной реализации творческих способностей, в поиске нестандартных решений. Формирование этой идеи ставит перед образовательным процессом новые цели и задачи, отражающие специфику организационной и содержательной работы журналиста. Образовательные концепты, о которых пойдет речь далее, были утверждены Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Согласно программе подготовки бакалавров по направлению «Журналистика», специалист должен уметь решать различные задачи, возникающие в медийной среде. Помимо выбора актуальной темы для публикации, сбора, селекции и анализа материала, он обязан обладать знаниями и инструментальными навыками, позволяющими ему создавать материал с использованием знаковых систем (фото-, аудио-, видео-, графической, вербальной) в разных форматах, жанрах; также сюда входит умение продвигать медиапродукт на информационном рынке на базе современных технологий с использованием различных каналов (печати, радио, телевидения, Интернета). Профессиональные компетенции включают в себя (помимо традиционных общегуманитарных ценностей) умения оперативно ориентироваться в инновационных разработках [6].

Из этого следует вывод о том, что принципы работы «универсального журналиста» выстраиваются согласно протекающим в медиаиндустрии качественным преобразованиям. Помимо традиционных навыков работы с информацией особую роль играет умение создавать особый продукт в таких форматах, которые максимально подходили бы для освещения конкретного информационного повода. Использование различных технологий позволяет связывать все виды СМИ, повышать их потенциал для создания более качественной и оперативной подачи контента.

При осуществлении данной работы перед журналистами стоит основная цель: создание продукта для нескольких каналов коммуникации и управление этим информационным потоком из единого центра. Именно в такой среде достигается максимальная синергия всех СМИ, которую допустимо понимать как: 1) объединение нескольких видов СМИ (печать, телевидение, Интернет, радио); 2) слияние разобщенных медиа, которые размывают границы между различными технологическими устройствами. В результате иногда сложно осознать то, о каком именно медиа идет речь (радио в Интернете, трансляция телевизионного канала на портативном компьютере и т.д.).

Таким образом, на основании проведенного анализа мы приходим к следующему выводу: трансформация традиционной редакции в конвергентную влечет за собой кардинальную перестройку происходящих в ней процессов. Выражается она в изменении алгоритмов и принципов создания текстовых, аудио- и видеоматериалов. При этом новые возможности информационной среды касаются не только процесса подготовки и распространения медиапродуктов. Они приводят к «растворению» технологических, организационных и многих других структур, созданию новых бизнес-моделей и формированию совершенно иных видов человеческих отношений в процессе коммуникации. Также невозможно не отметить и то, что изменяется и профессиональная роль журналиста. Работник СМИ должен адаптироваться к событиям, происходящим в информационной среде. По нашему мнению, освоение новых способов работы с информацией представителями СМИ является ключевым моментом в организации образовательного процесса в вузах.

Библиографический список

1. Bardoel J. Network Journalism: Converging Competences of Old And New Media Professionals, 2001. 103 с.
2. Варганова Е.Л. К чему ведет конвергенция? М.: Информационное общество, 1999. 115 с.
3. Гинер Х.А. От медиакомпании к информационному центру // Официальный сайт гильдии издателей периодической печати. URL: <http://www.gipp.ru/print.php?id=14132> (дата обращения: 12.09. 2016).
4. Качкаева А.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М: [Б. и.], 2010. 200 с.
5. Рэндалл Д. Универсальный журналист. М.: Международный центр журналистики, 1996. 120 с.
6. Характеристика профессиональной деятельности бакалавров // Образовательный портал EDU-inform. URL: <http://www.edu-inform.ru/university/specializations/031300/> (дата обращения: 23.10.2016).

References

1. Bardoel J. Network Journalism: Converging Competences of Old And New Media Professionals, 2001. 103 p.
2. Vartanova E. L. To what convergence conducts? M.: Information society, 1999. 115 p.
3. Giner H. A. From the media company to information center//the Official site of guild of publishers of periodicals. URL: <http://www.gipp.ru/print.php?id=14132> (date of the address: 12:09. 2016).
4. Kachkayeva A. G. Journalism and convergence: why and as traditional media turn into multimedia. M: [B. and.], 2010. 200 p.
5. Randall D. is a universal journalist. M.: International center of journalism, 1996. 120 p.
6. Characteristic of professional activity of bachelors//Educational portal EDU-inform. URL: <http://www.edu-inform.ru/university/specializations/031300/> (date of the address: 10/23/2016).

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 372.882

Северный Арктический Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
канд. филол. наук, доцент кафедры литературы
Давыдова А.В.
Россия, г. Архангельск, тел. (8182) 660588
e-mail: davaliona@rambler.ru

*The Northern Arctic Federal University
named after M.V. Lomonosov*
The department of literature
PhD, associate professor
Davydova A.V.
Russia, Arkhangelsk, (8182) 660588
e-mail: davaliona@rambler.ru

А.В. Давыдова

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ КАК КОМПОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

Статья посвящена рассмотрению Северного текста русской литературы для детей как возможного компонента регионального содержания в школьном изучении. Предлагается выделить два критерия (историко-литературный и жанрово-тематический), на которых базируется типология произведений и которые могут быть рассмотрены как ведущие логические принципы при отборе литературного регионального материала для изучения в школе и при разработке системы уроков по Северному тексту русской литературы для детей.

Ключевые слова: региональное содержание в школьном изучении литературы; Северный текст русской литературы для детей; принципы изучения; методы изучения.

A.V. Davydova

THE NORTHERN TEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN AS THE COMPONENT OF REGIONAL CONTENTS IN SCHOOL STUDYING

Article is devoted to consideration of the Northern text of the Russian literature for children as possible component of regional contents in school studying. It is offered to allocate two criteria (historico-literary and genre and thematic) on which the typology of works is based and which can be considered as the leading logical principles at selection of literary regional material for studying at school and at development of the system of lessons of the Northern text of the Russian literature for children.

Key words: regional contents in school studying of literature; The Northern text of the Russian literature for children; principles of studying; studying methods.

Воспитательное, образовательное и эстетическое значение художественной литературы для детей обосновал ещё В.Г. Белинский [1; с. 78]. Помимо того что произведения, созданные для ребёнка, решают целый спектр психолого-педагогических задач, дают информацию о мире, воспитывают, формируют особое коммуникативное поле и эстетический вкус, они также являются важнейшим средством передачи подрастающему поколению культурно-исторического и духовного опыта, средством для становле-

ния гармоничной, адекватной национальному восприятию картины мира личности.

Особую роль в решении этих задач играет региональное содержание в литературном образовании современного российского школьника, закреплённое в Федеральном законе «Об образовании» (статья 29, п. 8), где указывается, что субъекты Российской Федерации в области образования могут устанавливать «региональные (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов» [6]. Рассмотрим специфику Северного текста русской литературы для детей как компонента регионального содержания литературного образования школьников.

Прежде чем перейти к сути вопроса, необходимо уточнить, что мы будем понимать под термином «Северный текст русской литературы». В последние годы заметно возрос интерес учёных-филологов к исследованию локальных художественных текстов, которые воспринимаются как выражение национального менталитета. В связи с этим наряду с традиционными для русской литературы петербургским и московским текстами сегодня говорят и о Северном тексте. Это понятие в современной науке не сложилось окончательно. В данной работе будем руководствоваться определением Е.Ш. Галимовой: «это создававшийся преимущественно на протяжении полутора столетий (с середины XIX века до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *северорусский вариант национальной картины мира* (курсив. – Е.Г.), наделённый наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [3; с. 405]. Исследовательница важнейшей характеристикой Северного текста считает восприятие «Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в “запечатлённом” виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [Там же; с. 408]. Кроме того, она отмечает, что это «смысловое ядро» Северного текста дополняется и другими оценками с противоположной семантикой: мифологическими (Север как «край земли», «край света», место гибели и страданий), конкретно-историческими (место ссылки, каторги, мучений, смерти), бытовыми и пр.

Исследовательница вслед за Д.С. Лихачёвым и В.Л. Яниным отмечает, что под Русским Севером понимается «прежде всего территория Архангельской и Вологодской областей, бассейны рек, текущих в Белое море» [8; с. 115]. Такое определение границ содержания Северного текста русской литературы, на наш взгляд, близко к пониманию термина «регион» в образовательной концепции, предложенной Т.С. Буториной: «Мы отмечаем, что понимаем регион широко, включая в это понятие не только территорию Архангельской области, но и районы Баренцева региона. Регион нельзя обособлять от всех остальных территориальных образований. Иначе разрушается очень ценное в нашем наследии – интернациональное и коллективное начало» [2; с. 30].

Особой и важной частью Северного текста русской литературы являются книги, предназначенные для детского чтения. Свообразным общим местом у специалистов, занимающихся проблемами детского чтения, стало утверждение, что ни одна взрослая книга не сможет заменить ребёнку произведения, созданного специально для него. Это в полной мере относится и к Северному тексту русской литературы, образцы которого, несомненно, могут и должны стать органичной частью регионального содержания в школьном изучении. Они призваны не просто создать некую проекцию, слепок северорусского мира в произведении, но и решить сверхтекстовые задачи формирования внутреннего мира юных северян. Важно также отметить, что «восприятие Севера как мифопоэтического пространства», характерное для Северного текста русской литературы, удивительно родственно детскому образу мышления с его способностью соеди-

нять реальность и сказку, тяготением к чуду, стремлением создавать условные миры. Не оттого ли многие произведения Северного текста, не предназначенные изначально для юных читателей, так органично вошли в круг их чтения? Так, например, в хрестоматиях, ориентированных на школьников, где собраны произведения писателей и поэтов Русского и Европейского Севера [4,7], мы встретим имена Н. Тряпкина, Н. Рубцова, А. Яшина, О. Фокиной, Ф. Абрамова, Е. Овсянкина и др.

Не имея возможности подробно описать весь корпус текстов, составляющих Северный текст и входящих в круг детского чтения, мы остановимся только на произведениях, созданных писателями специально для читателя-ребёнка. Детскую читательскую группу мы предлагаем определять в контексте этой работы довольно широко – от 7 до 17 лет, только для того, чтобы в самом общем смысле провести границу между литературой «для взрослых» и «для детей». Кроме того, не останавливаясь на подробном анализе отдельных произведений, попытаемся предложить типологический обзор Северного текста русской литературы для детей.

При характеристике последнего, на наш взгляд, два критерия могут стать основными, они же могут быть рассмотрены как ведущие логические принципы при отборе литературного регионального материала для изучения в школе и при разработке системы уроков по северному тексту русской литературы для детей.

Первый принцип – **историко-литературный**. Его сформулировал и обосновал в статье «Север России в истории русской литературы XX века (по материалам словаря Пушкинского Дома)» [9] А.М. Любомудров. Мы, вслед за ним, предлагаем свой опыт типологии той части Северного текста русской литературы, которая имеет своим адресатом ребёнка.

Определяющим критерием разграничения писателей и их произведений мы предлагаем считать специфику художественной картины мира, во многом обусловленную тем местом, которое занимает Русский Север в жизни конкретного автора. Для одних он – малая Родина, причём, на наш взгляд, здесь нужно различать писателей и поэтов – уроженцев Севера, представителей русской нации и малочисленных коренных народностей: слишком оригинально и самобытно художественное мировосприятие последних. Для других Север – не дом по рождению, но место, где прошли долгие годы жизни. Восприятие Русского Севера у этих авторов отличается от видения мира и представителей первой группы (оно несколько отстранённо), и от отношения тех литераторов, которые были уроженцами других мест и лишь ненадолго приезжали на Север.

Итак, среди великих певцов Севера, родившихся и выросших в Архангельске, прежде всего следует назвать Б.В. Шергина (1896 – 1973) и С.Г. Писахова (1879 – 1960). Их творчество питает сама суть поморской жизни с её строгими нравственными традициями, бесконечной и глубокой верой; неповторимым северным говором; суровыми, стойкими, жертвенными и живыми русскими характерами; с её чуткостью к красоте внешнего мира и человеческой души. Таланты этих авторов были настолько велики, а их личностный опыт столь самобытен и целен, что они не могли не повлиять в житейском и творческом планах на современников и последователей.

Особое место в Северном тексте детской литературы принадлежит наследию Е.С. Коковина (1913 – 1977), автора трилогии о жизни архангельских мальчишек «Детство в Соломбале», «Морская школа» и «Первая любовь». Е. Коковин, журналист и художник, умеет сочетать информативность и вымысел, публицистическую объективность и точность с проникновенным лиризмом. Искренняя интонация его книг, воздействующая на ребёнка лучше любого прямого наставления, берёт своё начало в том личном

опыте, который автор кладёт в основу многих своих произведений. Так, неудивительно, что большая часть книг писателя, родившегося в семье моряка и закончившего мореходную школу, связана с темой моря («Жили на свете ребята», «Экипаж боцмана Рябова, или Необыкновенные приключения маленьких матросов на большой реке», «Мы поднимаем якоря», «Возвращение корабля», «Корабли моего детства» и др.). Творчество Е. Коковина ещё раз подтверждает мысль о том, что хорошая детская книга не может быть неискренна, и, чтобы воспитывать, она должна точно улавливать веяния эпохи и одновременно говорить о вечном, о дружбе, любви, верности, призвании...

К произведениям Е. Коковина (по авторской интонации и стремлению максимально объективно отразить жизнь) близки повести Н.А. Вурдова – «Робинзоны студёного острова» и «Дорога на всю жизнь». В дилогии писатель повествует о реальных событиях, об организованной в 1942 г. школьной экспедиции на Новую землю, где дети работали, чтобы помочь голодающему населению Архангельска. Это книги о подчас непростых отношениях подростков, о дружбе, преодолении себя, взрослении, любви к родному краю и ответственности за него.

Центральным образ Русского Севера и, в частности, Архангельска становится в книгах современных писателей, задача которых – в художественной и занимательной форме рассказать ребёнку об истории, культуре, традициях Поморья. Это особая разновидность детской литературы – книги-учебники, каким было, например, знаменитое «Путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции» С. Лагерлёф.

Таковы произведения писательницы и талантливого архитектора, реставратора С.А. Ефремовой «Сказка о девочке Вере и застывшей музыке», «Сказка о поющем и говорящем доме», «Каргопольская сказка», «Сказка Красного Бора», «Сказание о старом поморе».

В Северном тексте русской литературы для детей нашла своё отражение традиция подростковой прозы. Среди современных писателей – уроженцев Севера, которые в своём творчестве обращаются к вопросам нравственного и социального самоопределения личности подростка, взаимоотношений ребёнка со сверстниками, родителями, учителями и переосмыслиют в связи с новыми общественными и литературно-художественными тенденциями популярный жанр «школьной повести», нужно назвать имя писательницы из Сыктывкара Е.В. Габовой (1952 г.р.). Её повести и рассказы из сборников «Никто не видел рыжего», «Не вставайте с левой ноги» и другие помимо того, что рассматривают устойчивые для подростковой прозы темы, оригинально отражают северорусское поэтическое восприятие мира.

Опирается на традиции детской юмористической литературы в своём творчестве архангельская писательница Е.Б. Антропова (1959 г.р.). Её книги – «Сказка про Шляпу Китайскую», «Волшебная пуговка Путси-Там», дилогия о Потеряшкине, «Ляп-Пузыря» и «Чепушиные истории» – тяготеют к сказочному жанру, предназначены для читателей младшего возраста, отличаются смысловой цельностью, искренностью и просвещающей сквозь простоту формы и языка нравственной глубиной. Проза Е.Б. Антроповой по своей нескрываемой авторской любви к герою и маленькому читателю приближается к поэзии.

Давая общую характеристику Северного текста, А.М. Любомудров замечает: «Литераторы Севера преимущественно поэты. Лирическая стихия преобладает над эпико-прозаической» [9; с. 18]. Это не совсем справедливо для Северного текста детской литературы. Так, например, из русских поэтов – уроженцев Севера, которые ориентируются в своём творчестве на детскую аудиторию, мы можем назвать, пожалуй, только Н.С. Влащенко (1937 г.р.), члена Союза писателей, профессионального педагога, всю жизнь по-

святившую работе в детском саду. Первый поэтический сборник автора – «Лягушата» – издан в 1999, затем появились добрые и светлые книги «Зонтик для друзей», «Чудосундучок», «Ёжик без сапожек», «Лесные тропинки». Поэзия для самых маленьких – жанр «лёгкий» лишь на первый взгляд. Чтобы для малышек сочинить хорошие стихи, недостаточно просто зарифмовать строки. Нужно уметь видеть мир таким, каким его видит ребёнок. Этим удивительным даром, несомненно, обладает поэтесса.

Куда больше имён можно назвать, если вспомнить писателей, которые обращаются к детской аудитории лишь в некоторых своих произведениях. Назовём, например, имя М.И. Барышева (1923–1979), чьи детство и юность прошли в рыбацком стане Териберка на берегу Баренцева моря. В 1956 г. вышел его сборник рассказов для детей «Маленькие поморы», затем была издана повесть «Особый патруль» и автобиографический сборник рассказов «Панозеро».

Традиционную для детской литературы «природоведческую» линию развивает в своём творчестве вологодский писатель И.Д. Полуянов (1926–2008). Он продолжает традиции М. Пришвина, И. Соколова-Микитова, В. Бианки, Л. Кассиля. Большинство его произведений посвящены родному северному краю: «Барабанщики весны», «За синей птицей», «Певучий мостик», «Горох на тысячу дорог», «Месяцелов». Важно, что, рассказывая о жизни природы детям, автор поднимает вечные, всегда значимые проблемы взаимоотношения человека и окружающего мира, такие актуальные сегодня проблемы экологического просвещения, а также стремится передать народный, фольклорный взгляд на северный мир.

Особое место книги для детей занимают и в творчестве известного современного писателя М.К. Попова (1947 г.р.), живущего и работающего в Архангельске. Он автор сказки «Онежская жемчужина», в которой добрый молодец Никита спасает красоту Онеги; «Истории перламутровой раковины»; уже упомянутой книги «Золотой ларец», где читатель вместе с главным героем – мальчиком-помором Санькой – сможет узнать больше о своём крае. Перу М. Попова принадлежит и художественно-историческая повесть «Берестяная история, или Приключения отрока Онфима», действие в которой происходит в первой половине XIII века, а главный герой мальчик Онфим в своих берестяных грамотках описывает весь недолгий век святого князя Александра Невского.

Интересны также произведения северорусских авторов, где освещена столь актуальная для региона тема взаимоотношений русских и представителей малочисленных коренных народов. Так, ярким именем в истории северной детской литературы является имя Пэли Пунуха / Т.П. Синицина (1894–1971), педагога, журналиста и писателя. Новый мир открыл для себя П. Пунух, работая в 1920-е годы учителем в ненецких школах на Новой Земле, в Канино-Тиманской тундре. Этот опыт лёг в основу его книг для детей 1930-х гг. «Борька в тундре», «Девочка Савоне», «Пята тысячелетий» («Изпод пяты веков») и др.

Другой опыт национальных взаимоотношений показан в повести Е. Коковина «Полярная гвоздика» и ряде рассказов автора, повествующих о дружбе ненецких и русских детей.

Однако в Северном тексте детской литературы отражён также взгляд на диалог культур с другой стороны. Особое место здесь занимает творчество писателей и поэтов, относящихся к малым коренным народам Крайнего Севера, в чьих произведениях отражён уникальный мифопоэтический взгляд на мир и человека в нём.

Одним из первых писателей-ненцев, книги которого отчасти посвящены детям, называют А.П. Пырерка (1905–1941), учёного-лингвиста, создателя ненецкой письмен-

ности, фольклориста. Сказки и книга «Единственный сын старушки» опираются на традиционные ненецкие мифологические представления о жизни. Автобиографическая повесть А. Пырерка «Младший сын Вэдо» рассказывает о трудной судьбе ненецкого мальчика-сироты, о его опыте общения с русскими людьми и русской культурой, достоверно передаёт национальное мироощущение.

Автобиографична и повесть ненецкого писателя, педагога и общественного деятеля П.А. Явтысого (1932–2005) «Рождённые в нартах». В ней автор обращается к своему детству, выпавшему на страшные 1940-е, рассказывает о том, как подростки, заменив отцов, трудились для общей победы. Поэтические сборники П. Явтысого («След аргиша», «Бег оленя», «Праздник оленевода» и др.) не адресованы непосредственно детям, но сам строй его лирики, простота образов и приёмов, отсутствие подтекста, искренность и предельность в выражении чувств лирического героя делают его стихи близкими детскому восприятию.

В 1998 г. П.А. Явтысый создал детскую литературно-творческую группу «Суюкоця» («Оленёнок») при Этнокультурном центре НАО вместе с ненецким прозаиком и поэтом А.И. Пичковым (1934–2006). Особое место в творчестве последнего занимают стихи и проза для детей: повести «Розовый узор» и «Сятук», поэтический сборник «Едем в тундру на оленях». Любовью к родине и людям проникнуты и посвящённые детям стихи В.Н. Ледкова (1933–2002) из сборников 1960-х гг. «Детям моего стойбища», «Быстроногий оленёнок» и др. «Певцом Ямала» называют критики поэта Л.В. Лапцую (1939–1982), автора поэм и стихов для детей: «Мальчик из стойбища», «Эдейка», поэма-сказка «Гер» и др.

Писатели искренне переживают проблемы и трудности своего народа, ратуют за сохранение национальных традиций, с одной стороны, и мечтают о просвещении ненцев – с другой. Большинство из них ясно осознаёт, что будущее народа – в руках детей, возможно, поэтому почти все яркие литераторы интуитивно выходят к материалу детской литературы. Это тот случай, когда неразделимыми оказываются история, традиции, сила художественного слова и задачи воспитания юношества; это литература действенная, призванная не только отражать жизнь, но и сберечь её, и менять.

Произведения для детей в творчестве всех названных в этой части обзора авторов составляют лишь часть творческого наследия, но для нас, разумеется, особенно интересны авторы, чей художественный интерес прежде всего сосредоточен на создании книг для юных читателей. Так, талантливо пишет для детей Н.Н. Куратова (1930 г.р.) из Сыктывкара. Даже названия её произведений пронизаны пафосом радостного приятия жизни: «Давайте знакомиться и дружить», «Горсть солнца», «Миша растёт с каждым днём».

На коми и на русском пишет прозу для детей младшего школьного возраста Е.В. Козлова (1954 г.р.). Любимый жанр писательницы – рассказ. Со сборником рассказов «Синее стёклышко» она входит в литературу в 1988 г.; затем были изданы книги «Я и братишка Ивук», «Снежный человек», «Волшебные очки», «Озорник».

Произведения Северного текста детской литературы, созданные представителями коренных народов, на наш взгляд, наделяются их авторами особыми дополнительными функциями. Северорусские писатели, подчёркивая региональную самобытность жизни, традиций, природы в своих книгах на первое место всё-таки ставят человека, героя. Это лично ориентированная литература. Писатели Крайнего Севера часто стремятся к яркой презентации своего народа, делая упор на универсальные обобщения, на создание подробнейшей модели национальной жизни. Это можно объяснить особым типом мировосприятия, основанного на коллективно-мифологическом начале, когда человек мыс-

лится малой частью вселенского мира. С другой стороны, многие современные авторы всё чаще создают свои произведения для детей на национальных наречиях, словно пытаясь зафиксировать, закрепить в языке традицию, сохранить её для будущих поколений.

Вторую большую группу создателей Северного текста детской литературы составляют писатели, не являющиеся уроженцами Русского Севера, но на протяжении долгого времени проживающие на его территории.

Многие годы плодотворно пишет для детей В.П. Чиркин. Он родился в 1937 г. в Дагестане, а живёт в Котласе Архангельской области. Его «поэтическую прозу» составляют рассказы («В гостях у дедушки в деревне», «Размороженные воробьи: рассказы о детях») и сказки («Брыкадил: почемучные сказки для детей и взрослых», «Сладкоежка и дымовой: настоящая сказка»). В разных регионах России известно творчество Т.Н. Ломбиной (1949 г. р.), живущей в Сыктывкаре. Её книги адресованы детям разного возраста: и подросткам (сборник рассказов «Из пункта “А” в пункт “Б”»), и дошкольникам (учебники-сказки «Читайка» и «Грамотейка»). Не менее известны и книги О.М. Гарнат (Ольги Максимовой), писателя, поэта, члена Товарищества детских и юношеских писателей России. Она родилась в 1954 г. в Украине, но уже долгие годы живёт в Мурманске и пишет замечательные книги для детей. Среди самых талантливых – повесть «Долгая дорога к дому, или Приключения щенка Фунтика», посвящённая отцу писательницы; повесть для подростков «Найди свою Троию»; повесть для взрослых и детей о семье «Мой любимый соловей». Работа над произведениями для детей и о детях есть и в творческом опыте архангельского писателя и поэта, родившегося в Ленинграде, В.Н. Чубара (1962 г.р.). Он является автором повести для подростков «Вместе весело шагать, или Мы стоим за гаражами», успевшей получить положительные отклики современных критиков.

Дар живо и лаконично передавать настроение и эмоции, понятные детям, был присущ поэту и писателю В.М. Калинин (1910–1981), который с 1936 г. жил и работал в Холмогорах. В 1955 г. в Архангельском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Первая книжка», в 1958 – «Стихи детям». Позже увидели свет сборники «Малютка», «Солнце в блюдечке», «Первое знакомство». Н.К. Жернаков писал о стихах В. Калинина: «В них то особенное, глубокое понимание воспитательной силы художественного слова, то поэтическое осмысление мира в детском восприятии, без назидательного нравоучения, которые отличают поэта истинного... в них светлая душа и золотое сердце автора» [5; с. 6].

Нельзя не вспомнить также имя Ю.А. Горбунова (1929–1994), поэта и прозаика из Северодвинска, создававшего замечательные книги для малышей – «Алёшкин мостик», «Как стать капитаном», «Кораблик с белым парусом».

В различных жанрах прозы и поэзии для детей работает О.С. Бундур (1974 г. р.) из г. Кандалакша Мурманской области. С 1973 г. было издано около 20 книг автора; писатель часто публикует свои произведения в детских литературно-художественных журналах «Чиж и ёж», «Кукумбер», «Весёлые картинки», «Познайка» и др. Главная тема лирики Олега Бундура для детей – поэзия гармоничных семейных отношений, без которой невозможно развитие цельной человеческой личности. Об этом его книги «Книжка про нас», «Если в доме каждый рад», «Без папы скучаю», «Как воспитывать папу», «Папу с мамой берегу», «Мама в командировке», «Папа приехал». Даже в названиях поэтических сборников запечатлено удивительно светлое, доброе и открытое авторское отношение к миру, которое передаётся читателю, – «Здравствуй, день!», «Здравствуй, солнце!», «Друг без друга не прожить». Писатель искренне восхищается удивительным миром Севера,

ставшим для него родным, что нашло отражение в сборниках рассказов «Медвежка», «У нас на Крайнем Севере», «Заповедный кордон» и целом ряде стихотворений (сборники «Каша с видами на море», «В гостях у белого медведя»).

К третьей группе создателей Северного текста детской литературы мы отнесли литераторов, лишь ненадолго приезжавших на Русский Север. Однако даже краткое пребывание на поморской земле порой оставляло в творчестве художников заметный след. Среди представителей этой группы собственно детских писателей не так уж много. Прежде всего назовём Л.А. Кассиля (1905–1970). Целый ряд его рассказов 1930–1940-х гг. связаны с «северными» впечатлениями («Батарейный заяц», «Вторая половинка песни», «Федя из Подплава», «Черемыш – брат героя»), а статья, посвященная Е. Коковину и обращённая к юным читателям «Сиверко – поморский ветер», характеризует писателя не только как талантливого критика, но и человека, влюблённого в Русский Север. Вспомним также имя М.С. Пляцковского (1935–1991). Известного детского поэта, прозаика и драматурга. Его впечатления от путешествия в Арктику и на Чукотку отразились в лирике (стихотворения «Морошка», «Чукотка», «Высокие широты», поэтический сборник «Ёлка бежит по тундре»), художественно-музыкальной композиции «Белый Север», созданной совместно с С.Г. Гладковым и нескольких рассказах («Умка хочет летать», «Тюлентяй» и др.).

Другие писатели, которых нельзя не назвать в этой части нашего обзора, пишут главным образом для взрослых, но нравственный, воспитательный и художественный потенциал их произведений о Севере так велик, что эти книги по праву входят в круг детского чтения. Так, З.С. Давыдов (1892–1957) не был собственно детским писателем, лишь одно его произведение – роман «Беруны» – примыкает к детской литературе. Книга посвящена истории Крайнего Севера и увлекательно рассказывает юным читателям о приключениях поморов, вынужденных несколько лет прожить на необитаемом арктическом острове Малый Берун. В историю Северного текста детской литературы как автор одного романа вошёл и В.А. Каверин/Зильбер (1902–1989). Это знаменитая книга «Два капитана», повествующая о том, как честь, упорство, благородство, сила духа и любопытство помогают человеку не только найти истинные дружбу и любовь, но и исполнить свои мечту и долг. Особое место среди авторов Северного текста детской литературы принадлежит двум москвичам – Ю.П. Казакову (1927–1982) и Ю.И. Ковалю (1938–1995). Удивительно одарённые люди, тонкие художники, которые, однажды соприкоснувшись с Севером, уже не смогли вырвать его из своих сердец. Их произведения о природе и людях Севера («Никишкины тайны», «Мальчик из снежной ямы» Ю. Казакова; «Чистый Дор», «Листобой» Ю. Коваля) воссоздают образ Поморья как волшебного, чудесного края, таящего в себе несметные природные и духовные сокровища.

Подобный историко-литературный подход позволяет при изучении упорядочить пёстрый художественный материал, выстроить его по хронологическому принципу и связать Северный текст русской литературы для детей с наиболее общими тенденциями в развитии отечественного литературного процесса XX–XXI вв.

При таком подходе к характеристике интересующего нас регионального материала, несомненно, решается задача формирования неких общих системных представлений о детской литературе, связанной с Севером, но при этом довольно сложно сформировать у учащихся целостное понимание художественной картины мира, которая, как в метатексте, возникает в произведениях о Русском Севере; в рамках историко-литературного подхода внимание уделяется прежде всего индивидуально-авторским особенностям восприятия мира, обусловленным тем местом, которое занимает Русский Север в жизни конкретного литератора.

Постижение универсальной северорусской художественной картины мира, образа Севера в самом общем смысле должно стать важнейшей задачей при изучении Северного текста русской литературы для детей с опорой на другой – жанрово-тематический – принцип. Тогда в основе типологии произведений будут лежать прежде всего особенности хронотопа, поскольку именно они определяют специфическую геопоэтику любого регионального, в том числе Северного, текста. В связи с этим, думается, можно условно, выделить несколько групп произведений, в каждой из которых определяющим для развития сюжета, авторской идеи, художественной системы текста будет тот или иной его элемент – образ или мотив, – который будет как бы продуцировать возникновение специфической для Северного текста картины мира. И даже при наличии индивидуально-авторских особенностей восприятия при анализе текстов явно можно выделить общие места, некую универсальную опорную образно-мотивную систему, отражающую мифопоэтическую картину мира, характерную для Северного текста русской литературы для детей.

Так, например, мы предлагаем выделять произведения, где основными для формирования образа Севера являются пространственные локусы города и деревни. Необходимо уточнить, что существует целый ряд текстов, в основе которых находится смысловая оппозиция или антиномия «город – деревня», традиционная для русской литературы и, в связи с северным текстом, особенно актуальная для деревенской прозы второй половины XX века. Именно противопоставление или сопоставление города и деревни рождает образ Севера в повестях Г. Аксёнова «Бажонный», А. Ломковского «Я – Абакшин!», А. Мошковского «Не опоздай к приливу», А. Петухова «Сить – таинственная река», отчасти в сказках С. Писахова.

В Северном тексте русской литературы для детей важное место занимают произведения, где центральным становится образ Архангельска. Вспомним рассказы Б. Шергина «Миша Ласкин», «Детство в Архангельске»; автобиографическую повесть М. Маркова «Трудное детство»; прозу Е. Коковина (трилогия «Детство в Соломбале», «Экипаж боцмана Рябова», «Жили на свете ребята», «Мы поднимаем якоря» и др.). Кроме того, инварианты образа города можно найти в прозе Е. Габовой (Сыктывкар в книге «Никто не видел рыжего», образ северного города в рассказе «И отец мой, и мама моя») и А. Мошковского (заполярный город Матросск в повести «Не погаснет, не замёрзнет»).

Следующим ярким локусом, формирующим специфический инвариант Северного текста для детей является остров. В детской литературе о Севере он часто связан с мотивом освоения арктических островов (Е. Коковин «Полярная гвоздика», «Первая любовь»; Л. Платов «Архипелаг исчезающих островов»), мотивом робинзонады (М. Скорыходов «Северные робинзоны», Н. Вурдов «Робинзоны студёного сотрова», З. Давыдов «Беруны») либо природоведческой тематикой, когда северный остров видится как отдельный природный космос (О. Бундур «Каша с видами на море», «Заповедный кордон»; В. Хлебович «Животные и мы»).

В Северном тексте русской литературы для детей особняком стоят произведения, где жанрово- и сюжетообразующим является символический мотив пути как постижения героем мира и самого себя. Интересно, что центральным пространственным образом при этом в Северном тексте становится не традиционный для русской литературы образ дороги, как, например, в повести Н. Вурдова «Дорога на всю жизнь», но различные инварианты гидронимов – море и река. Морское путешествие совершают герои книги Б. Шергина «Океан-море русское», романа Н. Аулова «Под полуночным солнцем», рассказа М. Попова «Иванова кочка» и др. Вдоль по северным рекам пролегает

путь персонажей таких книг, как «Самая лёгкая лодка в мире» Ю. Коваля, «В белую ночь у костра» Ю. Коринца; «Мальчик и река», «Экипаж боцмана Рябова» Е. Коковина, «Певучий мостик» И. Полуянова. Именно в связи с образом реки часто в Северном тексте русской литературы для детей возникает и важный для художественной северорусской картины мира образ леса/тайги, тогда как в связи с образом моря через мотив отражения появляется образ северного неба, с одной стороны, и антиномичный морю образ тундры – с другой.

И наконец, назовём группу произведений, в центре которых изображение образа Крайнего Севера, Арктики. Об этом пишут как русские авторы (М. Курунный «Дымок над чумом», Э. Аленик и К. Фаворская «Малая зимовка», А. Мошковский «Три белоснежных оленя», А. Членов «Как Алёшка жил на Севере», Е. Коковин «Рассказы зимовщика», О. Бундур «У нас на Крайнем Севере», «В гостях у белого медведя»), так и, естественно, представители малых коренных народов Севера.

Таким образом, жанрово-тематический подход к рассмотрению Северного текста русской литературы для детей помогает вписать восприятие региона у конкретных авторов в единую систему художественных представлений о Севере, которая сформировалась в русской литературе, ориентированной на ребёнка.

Изучение Северного текста русской литературы для детей как специфического компонента регионального содержания школьного филологического образования предполагает владение навыками различных видов литературоведческого анализа. Имеются в виду не только традиционные для практики школьного изучения методы биографического, композиционного, пообразного анализа, но и специфические, обусловленные художественной природой Северного текста. Первым таким подходом может служить локально-исторический метод, основные теоретические положения которого были сформулированы Н.П. Анциферовым и развивались в трудах Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, Р.Д. Тищенко и А.Л. Осповат, В.Н. Топорова и др. В XXI веке метод Н.П. Анциферова перерастает границы «петербургского текста» и расширяется тематически, о чём свидетельствуют, например, труды Д.С. Московской. Кроме того, понимание Русского Севера как «мифопоэтического пространства» естественно обуславливает необходимость использования при интерпретации произведений метода мифопоэтического анализа, который будет в рамках Северного текста сближаться с разработанным М.М. Бахтиным хронологическим анализом, поскольку в центре изображения у писателей находится тот или иной вариант северорусской пространственно-временной картины мира.

Даже такой конспективный обзор позволяет сделать вывод о том, насколько разнообразен и обширен Северный текст детской литературы, насколько мощный историко-литературный, воспитательный потенциал содержится в нём, какие обширные горизонты для методического и педагогического творчества открывает региональное содержание.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Подарок на Новый год. Детские сказки бабушки Ирины // Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г. Добролюбов Н. А О детской литературе. М., 1954. С. 81-85.
2. Буторина Т.С. НРК в образовании и воспитании в условиях Архангельской области // Национально-региональный компонент в образовании (для школ Архангельской области) / Отв. ред. Т.С. Буторина. Архангельск, 1994. С. 3-30.
3. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как региональный свертхтекст // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика:

- сборник научных статей. Материалы V и VI Поморских чтений по семиотике культуры / Под ред. Н.М. Теребихина. Архангельск: САФУ, 2011. 504 с.
4. Детская литература стран Баренцева региона: хрестоматия / Отв. Ред. Э. И. Николаева. Архангельск: Поморский университет, 2005. 290 с.
  5. Жернаков Н.К. Таким он был. // Правда Севера. – 1981 – 31 января. С. 6.
  6. Закон Российской Федерации «Об образовании». URL: <http://www.ozpp.ru/zknd/obra>.
  7. Литературный Север: Книга для учащихся 5-8 классов / Сост. Л.С. Скепнер. Архангельск: изд-во Поморского педуниверситета, 1995. 431 с.
  8. Лихачёв Д.С., Янин В.Л. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. 1986. № 1. С. 115-118.
  9. Любомудров А.М. Север России в истории русской литературы XX века (по материалам словаря Пушкинского Дома) // Северный текст русской литературы. Вып. 1 / Сост. Е.Ш. Галимова. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 5-19.

References

1. Belinsky V.G. A gift for New year. Children's fairy tales of the grandfather Irenaios//Belinsky V.G., Chernyshevsky N.G. Dobrolyubov N.A. About children's literature. M, 1954. P. 81-85.
2. Butorina T.S. NRK in education and education in the conditions of the Arkhangelsk region/The National and regional component in education (for schools of the Arkhangelsk region) / Ed/ of T.S. Butorinaa. Arkhangelsk, 1994. P. 3-30.
3. Galimova E.Sh. Northern text of the Russian literature as regional supertext//Geocultural space of the European North: genesis, structure, semantics: collection of scientific articles. Materials V and VI of the Pomor readings on culture semiotics / Ed. of N.M. Terebikhin. Arkhangelsk: SAFU, 2011. 504 p.
4. Children's literature of the countries of the Barents region: anthology / Ed/ of E.I. Nikolaev. Arkhangelsk: Pomor university, 2005. 290 p.
5. Zhernakov N.K. It was it.//North truth. – 1981 – January 31. P. 6.
6. The law of the Russian Federation "About education". URL: <http://www.ozpp.ru/zknd/obra>.
7. Literary North: The book for pupils of 5 - 8 classes /Ed. of L.S. Skepner. Arkhangelsk: Pomor teachers training university, 1995. 431 p.
8. Likhachyov D.S., Yanin V.L. Russian North as monument of domestic and world culture// Communist. 1986. № 1. P. 115-118.
9. Lyubomudrov A.M. The North of Russia in the history of the Russian literature of the 20th century (on materials of the dictionary of the Pushkin House)//The Northern text of the Russian literature. Vol.1 / Ed. of E.Sh. Galimova. Arkhangelsk: Pomor university, 2009. P. 5-19.

УДК 821.161.1

*Санкт-Петербургский государственный
Медицинский университет им. И.И. Меч-
никова*

*канд. филол. наук, доцент кафедры рус-
ского языка*

Белова А.В.

*Россия, Санкт-Петербург, +79119447714
e-mail: annaventina@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I.Mechnikov*

*PhD, associate professor of Russian
language*

Belova A.V.

*Russia, Saint-Petersburg, +79119447714
e-mail annaventina@gmail.com*

А.В. Белова

ЧЕХОВСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ: СТАРШИЙ БРАТ АЛЕКСАНДР ЧЕХОВ

В статье рассматривается личность старшего брата Антона Чехова – писателя Александра Павловича Чехова.

Ключевые слова: Антон Чехов, личность, биография, мемуары.

A.V. Belova

CHEKHOV'S ENVIRONMENT: ELDER BROTHER ALEXANDER CHEKHOV

In article the identity of the elder brother Anton Chekhov – the writer Alexander Pavlovich Chekhov is considered.

Key words: Anton Chekhov, personality, biography, memoirs.

Интерес к чеховскому миру, его личности, окружению, семье не уменьшается, что подтверждают, например, киноработы последних лет, такие как «Утомлённые солнцем» Никиты Михалкова (1994 г.), а также фильм Михаила Угарова «Братья Ч» (2014 г.) В канву повествования о семье комдива Котова в фильме «Утомлённые солнцем» вплетаются последние, предсмертные слова Александра Павловича Чехова, старшего брата Антона Павловича, которые вкладываются в уста одного из героев фильма, умирающего в собственном доме посёлка ХЛАМ: «Я прожил такую длинную жизнь и что же я вижу перед смертью? Какие-то поезда с гусями! Как обидно глупо!».

«В основе сюжета фильма «Братья Ч» – события одного летнего дня из жизни семьи Чеховых на даче в середине 80-х годов 19 века. 26-летний Антон самоотверженно, с трудом содержит большую и неблагополучную семью: разорившегося отца, болезненную мать, сестру, старших и младших братьев.

С утра до вечера он занят поденной литературной работой – пишет короткие комические рассказы в дешёвые журналы. Антон Чехов, будущий великий писатель, в фильме только осознает собственный дар.

Рядом с Антоном его старшие братья – Николай, талантливый художник, так и не написавший своего живописного шедевра, и Александр, ближайший друг и отчаянный завистник Антона, одаренный писатель, «профукавший свой талант» [13].

В 2012 году в издательстве «Захаров» вышла книга «Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка», в которой собраны в хронологии сохранившиеся письма

Антон Павлович и Александр Павлович Чеховых, а также воспоминания Ал.П. Чехова об их общем детстве. Подобное издание позволяет познакомиться с сокровенным миром братьев Чеховых, с ушедшей эпохой, окутанной флёром возвышенных идей, чистоты и идеалов.

Многие современные исследователи А.П. Чехова используют «архивные и печатные материалы о Чехове, порожденные эпохой 1880–1917 гг. – это тысячи источников, интересных именно своей массовостью. Именно с начала 1880-х гг. Чехов становится известен широкому читателю, а 1917 г. – “культурный взрыв”, резко отделивший чеховских современников и последующую эпоху с принципиально иной системой ценностей, когда размышления о Чехове стали размышлениями о предшествующем, а не “своем” этапе развития культуры». Объектом исследований зачастую становится «система ценностей современников Чехова, проявившаяся в источниках и определявшая их отношение к писателю» [2].

«Полезными являются мнения современников не только о Чехове, но и отраженные в статьях, которые условно можно было бы назвать “Наше современное состояние”. А главное – многие слова, которыми чеховские современники говорили о себе, о Чехове, о своем времени, стали для нас мертвыми и скучными, мы не понимаем, какие чувства, эмоции, какие переживания, какой психологический опыт за ними стоит. “Пошлость”, “вера”, “скучная жизнь”, “сумерки”. Между тем для Чехова и его читателей это были живые слова. Поэтому изучить то или иное время – это прежде всего сделать его для себя живым, а единственный путь для этого – наполнить время спорами, желаниями, репликами людей, конкретными деталями» [2]. Безусловно, в этой связи анализ биографической прозы о младшем брате Ал.П. Чехова и изучение жизненного и творческого пути последнего даёт обширный материал для дальнейшего исследования писателя А.П. Чехова и его эпохи.

По сохранившимся воспоминаниям современников и родных Александр Павлович Чехов был личностью незаурядной, человеком обширных познаний, обладающий внутренней силой, натурой оригинальной, неуёмной, несомненно одарённой. Ещё будучи гимназистом, Александр Чехов выделялся среди учеников таганрогской гимназии своими успехами. «Скорее можно было ожидать блестящего будущего от его (Антон. – А.Б.) старшего брата, Александра, который и способности большие проявлял и гимназию окончил с золотой медалью. Оказалось не то» [8]; «В Александре они (учителя. – А.Б.) видели юношу, одарённого блестящими способностями. Особенно успевал он в русской словесности. Хорошо писал сочинения. Там думали, что именно из него выйдет настоящий писатель, но никак не из Антона Чехова» [8].

Вот как вспоминает об Александре Чехове Ан. Мельников: «На <...> Александра, юношу блестящего, великолепно говорившего, занимавшегося философией и немецкой поэзией, все окружавшие привыкли, казалось, смотреть как на какое-то восходящее светило» [7].

Ал.П. Чехов становится писателем, «но далеко не настоящим»[8]. Первые шаги его в литературе совпадают с началом литературной деятельности младшего брата, Антона Чехова. Оба они начинают с юмористических изданий: старший – в петербургских, младший – в московских.

Жизнь Ал.П. Чехова складывалась непросто. Он вынужден много работать, чтобы содержать семью, состоящую из жены и троих детей (впоследствии дочь и жена скончались, и от первого брака у Александра Павловича останутся двое сыновей). Он ра-

ботает у А.С. Суворина в «Новом времени». О профессии репортёра он интересно пишет в своих «Записках репортёра»: «Жизнь и работа хроникёров, или, как принято называть их – репортёров, одна из тех особых жизней, которые не укладываются ни в какие рамки. Самым лучшим эпиграфом её можно поставить изречение: не весте ни дне, ни часа <...> сон, обед, отдых, работа – всё зависит от случая и события <...> Приведу пример из собственной практики. Зимой, часов в восемь вечера, сидя благодушно с семьёю за чаем, я получил из редакции лаконическую записку: “Публика слышала где-то взрыв. Узнайте”. Оставив чай недопитым, я немедленно оделся и отправился на поиски, а к десяти с половиною часам того же вечера уже доставил в редакцию точные известия о том, что на Болотной улице, на таком-то заводе произошёл от неосторожного обращения с огнём взрыв газового резервуара» [11].

«Газета, – пишет там же Ал.П. Чехов, – по тогдашним цензурным и иным условиям была принуждена печатать отчёты о событиях общественной жизни не иначе, как по известному шаблону, в основе которого были положены краткость, сжатость, сдержанность и сухое изложение фактов. Живая, интересная сторона события, таким образом, в газету не попадала» [11].

Подробности и интересные детали происшествий Ал.П. Чехов записывает в свою тетрадь, из которой частично черпает сюжеты и образы рассказов и повестей. Живость, остроумие и оригинальный талант, которым отличаются его письма и записки, однако, не всегда присутствуют в беллетристических произведениях.

«Это был беллетрист с большим талантом, но что-то помешало ему развиваться» [5].

«Смолоду весьма способный юморист “Будильника” и других подобных же журналов, г. Александр Чехов <...> примкнул к “Новому времени” как постоянный сотрудник <...> В промежутке газетных трудов он также беллетрист и написал довольно много рассказов <...> которые <...> хорошо читались» [1].

«Александр Чехов писал газетные романы толщиной, может быть, не только в полторы, но и в две, в три стопы бумаги <...> Не обладая той выдумкой, в отсутствии которой Тургенев упрекал средних русских писателей, Александр Чехов брал, сюжеты своих рассказов и романов из жизни, из уголовных процессов, везде, где их можно было взять» [4]. «Удивительный человек! – говорил мне о нём (об Ал.П. Чехове. – А.Б.) Чехов. – Посмотрите, каким остроумием блещут его письма. Сядет за рассказ – опускает крылья, теряет всё остроумие [3].

Перу Ал.П. Чехова принадлежат также воспоминания о брате Антоне Чехове, его детстве и отрочестве. Именно они, по мнению Ф. М-та, послужили причиной отчуждённости между Александром и его родными. «Александр Павлович как-то отошёл от дружной тесной семьи Чеховых. Был, что называется, отрезанным ломтем» [8]. «Брат его (Антон Чехов. – А.Б.) Александр Павлович (за подписью А. Седой) зарисовал с большой подробностью и даже в беллетристической форме, впрочем несколько мешающей, то время, когда будущий писатель, ещё маленьким школьником преодолевал первые трудности науки и помогая отцу в его торговом деле <...> Беллетристическая форма, какой отдаёт предпочтение Александр Чехов, к сожалению, допускает возможность преувеличений и сгущения красок <...> автор невысокого художественного вкуса, которому часто недоставало именно чувства меры, А. Седой, надо думать, увлёкся в сгущении тонов этого быта <...> и превратил его в кошмар, каким он не был» [6].

«При природном таланте у Александра Чехова не хватило энергии и настойчивости, чтобы выбиться в настоящего, охотно печатаваемого беллетриста, и он погиб

на чёрной газетной работе» [3]. «Незадачливая была эта жизнь <...> Незадачливая доля» [8].

«Александр Павлович Чехов был человек нездоровый, наклонный подчас сильно выпить» [5] – так отзываясь Н.М. Ежов в своих воспоминаниях об Ал.П. Чехове. О подобном пагубном пристрастии сотрудников газет упоминается и в работе В.Е. Хализева: «“Шестидесятники”, вопреки своим надеждам и представлениям о результатах реформ, увидели торжество денег и ненужность интеллигентского труда, разгул пошлости, то, что на поверхности оказалась человеческая “пена”, когда оказалось, что интеллигенции, чтобы выжить, приходится работать на износ и т.п. Конечно, писали прежде всего те, кто не выстоял в этой ситуации, не “пробился”, в отличие от того же Чехова (которого А. Скабичевский совершенно справедливо предупреждал, что большинство газетной братии умирает от пьянства и нищеты). Но таких, слабых и измученных жизнью, в России, движущейся к капитализму, были десятки и десятки тысяч» [10].

«Психологический мир Александра Чехова, – пишет А. Грузинский-Лазарев, – любопытнейшая загадка. Этот человек весьма часто переживал какое-то раздвоение личности, когда воображаемое казалось ему действительным, а в действительности он бродил, как в смутном сне. В воспоминаниях его о брате много такого, чего никак не могло быть ни по времени, ни по месту, и в чём, однако, он по-видимому, был вполне добросовестно уверен, ибо в противном случае не выносил бы таких легко опровержимых рассказов в печать. Судьба была благосклонна к Александру Чехову в том отношении, что позволила ему кончить жизнь без явной психической болезни, но по границе её он скользил многие годы» [4]. А. Грузинский-Лазарев считал Ал.П. Чехова талантливым, но возмутительно ленивым человеком. Но, на наш взгляд, сложно назвать ленивым человека, который был не только блестяще образован, но и постоянно занимался самообразованием, такого жадного до жизни и до людей. Да, человеком системы Александр Чехов не был, его натуре был свойствен постоянный поиск. Его силы и талант расплылись на десятки областей жизни и творчества. Имея пагубную склонность к алкоголю, он, тем не менее, обладал немалой силой воли, удерживаясь надолго от приступов запоя. Вот как о этом вспоминал сын Ал.П. Чехова, Михаил Чехов: «Судьба (а может и он сам) подшутила над ним: он был автором книг на тему “Алкоголизм и борьба с ним” <...> однажды отец согласился на опыт гипноза. Отец и О. (Ольдерогге – известный профессор, лечивший алкоголиков гипнозом. – А.Б.) сели друг против друга и, если мне не изменяет память, О. быстро задремал под взглядом отца» [12]. «Меня ужасала сила его глаз и его громкий голос» – так вспоминал себя в детстве Михаил Чехов [12]. Читаем у него же: «Он (об отце. – А.Б.) привил мне любовь к знанию, но все мои попытки изучения философских систем или наук никогда не носили систематического характера и были не больше, как вспышками увлечения. Мне много приходилось и приходится страдать от неумения систематически работать <...> я уважал его и даже благоговел перед ним <...>».

Сам отец не знал, что значит страх и препятствия. И ему действительно всё покоялось. Его громадная воля и физическая сила производили неотразимое впечатление не только на одного меня <...> Но <...> он был слишком большой оригинал в жизни, и это помешало ему использовать свои знания и громадную жизненную энергию сколько-нибудь систематически и в каком-нибудь определённом направлении» [12].

Александр Павлович действительно был своеобразным и оригинальным человеком, судя по воспоминаниям его сына Михаила: «Он органически не выносил ничего

обыкновенного, привычного, трафаретного. Он не мог, например, иметь одни карманные часы, как все люди, он имел их 14 или 15 и т.п. <...> Не мог помириться с тем, что люди платят деньги за то, что можно сделать самому и при том дешевле <...> любил путешествовать и умел это делать <...> в отце моём жил дух протеста против общественных устоев того времени <...> Этот протест <...> носил характер бунтарства. Он подавал, например, демонстративно на улице руку городовому, а к высокопоставленным лицам ездил в костюме совершенно для этого неподходящем» [12]. Многие оригинальные идеи, (удачно и не очень) воплощённые в жизнь, описаны в его дневнике, который хранится в Московском архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в архивном личном фонде М.А. Чехова.

Заболев, Александр Чехов заставил доктора открыть истинный диагноз: рак горла. «У него не было страха смерти <...> он ужасно мучился <...> опухоль медленно душила его», – вспоминал Михаил Чехов.

Умный, образованный, темпераментный и во многом талантливый Александр Павлович Чехов оставил после себя след в литературе: ему принадлежит ряд интересных произведений и поистине бесценные воспоминания об Антоне Чехове. У него было четверо детей, один из которых (младший сын) стал впоследствии ведущим актёром МХАТа, затем создателем своей актёрской школы в США, где жил с 1939 года. Михаил Александрович Чехов написал книги: «Путь актёра: Жизнь и встречи», «Воспоминания. Письма», «Об искусстве актёра» и др.

В литературном потоке 1880 – начала 90-х годов существует ряд писателей-прозаиков, интересных прежде всего в связи с именем А.П. Чехова. Знакомство с их произведениями, несомненно, имеет и самостоятельный интерес. В разное время в журналах и газетах, таких как «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Развлечение», «Москва», «Русский сатирический листок» и мн.др., писателем Александром Чеховым было опубликовано большое количество рассказов и фельетонов (из сохранившихся – более 200) под своим именем и под псевдонимами: А. Седой, Агафопод Единицын, А.Чеховъ, Алоэ, Пан Халявский и др. Отдельно изданные книги: А. П. Седой. В погоне за теплом и солнцем. СПб., 1913; А. Седой (Чехов). Из детства А. П. Чехова. СПб., 1912; А. Седой. В гостях у дедушки и бабушки. СПб., 1912; А. Седой (Ал. Чехов). Хорошо жить на свете! Повесть. СПб., 1904; А. Седой. Княжеские бриллианты [и др. рассказы]. СПб., 1904; А. Седой. Святочные рассказы. СПб., 1895; А. Седой. Птицы бездомные [и др. рассказы]. СПб., 1895; Александр Чехов. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892 [14].

«Господин Шекспир», «Маленькая польза», «Ненастоящий Чехов», «Разбойник пера и мошенник печати», «Душа моя» – так обращался в своих письмах Антон Павлович Чехов к своему старшему брату Александру. Переписка братьев Чеховых насчитывает около 500 писем. Это бесценный материал для изучения жизни и творчества Александра Павловича и Антона Павловича Чеховых.

Библиографический список

1. Амфитеатров А. Загадочный документ // Собр. соч. Т. XIV. СПб., 1912. С. 210-211.
2. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и русское общество 1880-1917 гг. // Автореферат докт. дисс. Москва, 2013. 630 с. [Электронный ресурс <http://www.dissercat.com> (дата обращения 30.10.16)]
3. Грузинский-Лазарев А. Воспоминания // Русское слово. 1914. № 151. С. 4.

4. Грузинский-Лазарев А. Пропавшие романы и пьесы Чехова // Энергия. Спб. III. 1914. С. 162-164.
5. Ежов Н.М. А.С. Суворин // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 115.
6. Измайлов А. Жизнь-личность-творчество. Чехов. М., 1916. С. 16-20.
7. Мельников Ан. Из воспоминаний о П.И. Мельникове // Сб. Нижегород. Учен. Арх. комиссии в память П.И. Мельникова. 1910. Т. IX. С. 31.
8. М-т Ф. Брат знаменитости // Раннее утро. 1913. № 115. С. 3.
9. Тараховский А.Б. Арабески // Приазовский край. 1904. № 189. С. 4.
10. Хализев В.Е. Из читательских писем к Чехову / В.Е. Хализев // Научные доклады Высшей школы. Филол. науки. 1964. № 4. С. 164-174.
11. Чехов Ал.П. Записки репортёра // Исторический вестник. 1907. Т. 109, 110. № 7. С. 70-72.
12. Чехов М.А. Путь актёра: Жизнь и встречи / Михаил Чехов. М.: АСТ; АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 554 с.
13. Электронный ресурс <http://www.kinopoisk.ru/> (дата обращения 15.10.2016)
14. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 03.11.2016)

References

1. Amphitheatres And. Mysterious document // SOBR. T. XIV. SPb. 1912. P. 210-211.
2. Bushkanets L.E. A.P. Chekhov and Russian society of 1880-1917 // Abstract Doctor yew. Moscow, 2013. 630 p. [Electronic <http://www.dissercat.com> resource (date of the address 30.10.16)]
3. Georgian-Lazarev A. Memoirs // Russian word. 1914. № 151. P. 4.
4. Georgian-Lazarev A. The gone novels and plays of Chekhov // Energy. Sat. III. 1914. P. 162-164.
5. Ezhov N.M. A.S. Suvorin // Historical bulletin. 1915. № 1. P. 115.
6. Izmaylov A. Life-personality-creativity. Chekhov. M., 1916. P. 16-20.
7. Millers of An. From memories of P.I. Melnikov // Sat. Nizhegor. Uchen. Arkh. Komissiya in P. I. Melnikov's memory. 1910. T. IX. P. 31.
8. M-t F. Brat of a celebrity // Early morning. 1913. № 115. P. 3.
9. Tarakhovsky A. B. Arabesques // Azov region. 1904. № 189. P. 4.
10. Halizev V.E. From reader's letters to Chekhov / V.E. Halizev // Scientific reports of the Higher school. Filol. sciences, 1964. № 4. P. 164-174.
11. Chekhov Al.P. Ave of the Item. Reporter's notes // Historical bulletin. 1907. Т. 109, 110. № 7. P 70-72.
12. Chekhov M.A. Put of the actor: Zhizn and Meeting / Mikhail Chekhov. M.: Nuclear heating plant; Nuclear heating plant MOSCOW: KEEPER, 2007. 554 p.
13. Electronic <http://www.kinopoisk.ru/> resource (date of the address 10/15/2016)
14. Electronic <https://ru.wikipedia.org> resource (date of the address 11/3/2016)

УДК 398.2

*Магнитогорский государственный технический университет им. Носова в г. Магнитогорске
магистрант, направления лингвистики
(профессионально-деловая коммуникация в международном сотрудничестве (английский язык))*

Давлетшина С.Р.

*Россия, г. Магнитогорск, тел. +7982
3324425*

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

*Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk*

Linguistics (Professional-Business Communication in the International Cooperation (the English language))

master's degree student

Davletshina S.R.

*Russia, Magnitogorsk, +7982
3324425*

e-mail: lanadavletshina@mail.ru

С.Р. Давлетшина

МАСТЕРСТВО Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА В РАССКАЗЕ «ДОМ С ФОНТАНОМ»

На примере рассказа Л. Петрушевской «Дом с фонтаном» в статье рассматривается психологизм как своеобразное средство отображения внутреннего мира человека, внимание читателей акцентируется на психологическом приеме «детализация».

Ключевые слова: рассказ Л. Петрушевской «Дом с фонтаном», психологизм в художественной литературе, детализация.

S.R. Davletshina

L. S. PETRUSHEVSKAYA'S SKILL IN CREATION OF ART PSYCHOLOGISM IN THE STORY «THE HOUSE WITH THE FOUNTAIN»

On the example of L. Petrushevskaya's story «The house with the fountain» in article is considered psychologism as a peculiar means of display of interior, the attention of readers is focused on psychological reception «specification».

Key words: L. Petrushevskaya's story "The house with the fountain", psychologism in fiction, specification.

Проза Л. Петрушевской подчинена принципу циклизации: «Чемодан чепухи», «Счастливые кошки», «В садах других возможностей», «Богиня парка», «Квартира коломбины», «Жизнь – это театр», «Два царства» и другие. Жанровая форма цикла позволяет автору изобразить жизнь в ее гранях: добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, любви и ненависти, дружбы и вражды, красоты и безобразия. В произведениях Л. Петрушевской обязательно присутствует психологический аспект, который представляет особый интерес для исследователей современной прозы [3]. Художественный психологизм – это один из критериев художественности литературного произведения. В этом смысле проза писательницы есть продолжение традиций русской классической литературы 19 века, в частности, психологического направления. Авторы классических про-

изведений всегда интересовал внутренний мир героя. В этом направлении работали выдающиеся авторы философско-эстетической мысли Г.В.Ф. Гегель, Ф.В. Шеллинг, Н.Г. Чернышевский, М.М. Бахтин, Г.Д. Гачева, Л.Я. Гинсбург, А.Б. Есин, А.Н. Иезуитов, В.В. Компанеец, Б.О. Корман, Д.С. Лихачев, О.Н. Осмоловский, Т.И. Сильман.

Цель нашего исследования – рассмотреть психологизм как своеобразное средство отображения внутреннего мира человека. Для достижения цели мы поставили следующие задачи: на примере рассказа Л. Петрушевской «Дом с фонтаном» описать приемы создания психологизма, одним из которых является детализация; дать определение психологизму.

Итак, наше исследование следует начать с определения термина «психологизм». Как пишет Борис Проскурин в своей статье «Художественный психологизм до и после Фрейда», художественное исследование внутреннего мира человека в литературе конца XIX – начала XX века называется «художественным психологизмом» [4]. Психологизм в художественной литературе, как правило, рассматривается в трех аспектах: как родовый признак литературы; как определенное выражение психики автора, как эстетический принцип, сознательно выбранный писателем и определяющий художественное целое произведения; как непосредственная цель писателя, как специальная разработка способов и форм художественного воплощения внутреннего мира человека [1; с. 304]. На примере рассказа Л. Петрушевской рассмотрим психологические приемы, оказывающие сильное психологическое воздействие на читателя, и способы их репрезентации в тексте.

Петрушевскую привлекает повседневная жизнь среднестатистического человека. «Психология» заключается в обычных вещах и явлениях. Чем может заинтересовать «спектакль жизни», за которым мы наблюдаем каждый день, так как сами вписаны в его сценарий. Каждый человек исполняет, может, и не главные, но все-таки определенные важные роли. В произведениях Петрушевской («Дом с фонтаном», «Найди меня, сон», «Незрелые ягоды крыжовника», «Невинный глаза», «Лабиринт» и т.д.) бытие не так уж просто устроено; оно таит в себе «иной» мир. В ее «садах других возможностей» есть место счастью и горю, радостям и печалям, спокойствию и волнениям, бодрствованию и унынию, добру и злу, отзывчивости и равнодушию, верности и предательству. Жизнь утрачивает реальные границы: действительность совмещается с «иным миром». Слегка приоткрывая завесу в «сады других возможностей», Л. Петрушевская показывает ее истинное лицо (жизни). Она выворачивает жизнь наизнанку, обнажая души людей.

В таком рассказе «Дом с фонтаном» (из цикла рассказов «Найди меня, сон») в основе сюжета лежит фантастическая ситуация: безграничная любовь к близкому человеку, способная вернуть его из царства мертвых. По сравнению с другими рассказами из этого цикла («Западня», «Найди меня, сон», «Детский праздник»), эта история воздвигнута над обыденностью жизни: одновременно выражает невыразимую печаль, пронизывающую насквозь боль, сумасшедшую радость, настоящее чудо.

При подробном изучении «Дома с фонтаном» можно найти огромное количество приемов психологизации. В рассказе несколько раз упоминается о деньгах, которые обезумевший от горя отец заплатил за надежду на воскрешение дочери. Эта психологическая деталь имеет две грани: с одной стороны, показывает полное, глубокое отчаяние

мужчины, готового отдать последнее за исцеление девушки или хотя бы за саму возможность исцеления; с другой – очередной раз напоминают о том, что деньги в нашей жизни играют огромную роль, даже способны распоряжаться судьбами людей. Если бы у отца не было денежных средств, то медицинские работники не помогли бы ему в краже и реанимации «спящей красавицы». Ситуация, так правдиво показанная в рассказе, имеет место быть и в реальной жизни. Как часто, чтобы спасти жизнь человеку, требуется большая сумма денег. Настоящее горе для родителей, тяжелая болезнь ребенка, заставляет первых действовать решительно, без промедления: брать деньги взаймы, обращаться за помощью к родным и знакомым, при помощи СМИ вымалывать средства у равнодушной части аудитории. Глубокая трагедия и в рассказе, и в телевизионных новостных сюжетах передается через детали: слезы матери, скорбь и отчаяние отца, потухший взгляд ребенка. Данные детали можно умело описать или запечатлеть на камеру, что окажет сильное психологическое воздействие на зрителя. Это воздействие можно назвать суггестивным, основанным на внушении аудитории тех или иных чувств, нужных автору для отклика, участия в общей беде, для сотрудничества. Так, читатель рассказа Л. Петрушевской становится частью переживаемого отцом горя: слоняется по больнице, ожесточенно пытается воскресить дочь, вспоминает радостные моменты их совместной жизни. Все события чередой проходят сквозь нас, пронизывают сердца чутких и равнодушных читателей. Мы не понимаем, от чего эта семейная катастрофа так затрагивает нас, ведь происходит множество подобных историй, но именно эта останавливает наши взоры и заставляет задуматься над ценностью жизни, силой родительской любви. Ответ очевиден: автору удалось умело реализовать на практике теорию психологических приемов. Использовать суггестивные средства так, чтобы мы еще долго находились под впечатлением поведенного нам несчастья, переходящего в безудержную радость.

К тому же великая любовь отца к дочери проявляется не только в материальных вещах, но и в неосознанных. Например, когда несчастный чувствует страдания девушки, слышит ее мольбы «не делать этого», то есть не затрачивать свои ресурсы, денежные и душевные, на ее спасение, на страдания по скрывающемуся за горизонт «солнцу». Все душевные муки, невероятные страдания мужчины мы слышим в его внутреннем монологе, в общении с самим собой. Тем самым автор обращает внимание на объективные черты личности, которые отличают ее от окружающих. По мнению отечественных литературоведов Л.Я. Гинсбург и Г.Н. Пospelова, повествование от лица главного героя включается в произведение для того, чтобы проследить нравственное развитие героя [2; с. 215-217].

И мы видим, насколько тяжки и невыносимы эти страдания, невольно сами поддаемся тем эмоциям, которые переполняют отца умершего ребенка. Многие психологи утверждают, что между отцом и дочерью существует какая-то непреодолимая душевная тяга, даже большая, чем у матери с дочерью. Первый мужчина, который начинает вас любить и любит всегда как никто другой, – это отец. Может быть, поэтому в рассказе именно отец, а не мама, не смирился со смертью девушки и протянул ей руку помощи.

Благодаря детализации читатель начинает искать в произведении не внешнюю сюжетную занимательность, а изображение сложных и интересных душевных состояний. Тогда писатель подчеркивает психологическое состояние героя, окружающую его

действительность, позволяя читателю произвести психологический анализ и прочувствовать, понять то, что переживает герой в данный момент. Такой психологический прием делает изображение внутреннего мира очень емким, потому что писатель конкретизирует, но при этом не ограничивает читателя определенными рамками и дает полную свободу воображению, раскрывает в человеке самые лучшие качества (доброту, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь). В таких эпизодах психологизм не исчезает, он существует в сознании читателя.

Таким образом, психологизм является особым приемом, формой, позволяющей верно и живо изобразить душевные движения. Существуют три основные формы психологического изображения: прямая, косвенная и суммарно-обозначающая. Психологизм имеет собственную внутреннюю структуру, то есть складывается из приемов и способов изображения, наиболее распространенными из которых являются внутренний монолог и психологическое авторское повествование. Помимо них встречается использование снов и видений, героев-двойников и приема детализации.

Итак, мы выяснили, что такое «психологизм», рассмотрели приемы художественной психологизации и пришли к выводу, что психологический компонент, присутствующий в текстах любого жанра, оказывает сильное суггестивное воздействие на читателя. Эту мысль подтверждает рассказ Л.С. Петрушевской «Дом с фонтаном».

Библиографический список

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Гинсбург Л.Я. О психологической прозе. М.: Художественная литература, 1977. 412 с.
3. Петрушевская Л.С. Найди меня, сон. М.: Вагриус, 2003. 340 с.
4. Проскурин Б. Художественный психологизм до и после Фрейда (русский и зарубежный опыт) // Борис Проскурин. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/3/5.pdf> (дата обращения: 20.11.2016).

References

1. Bakhtin M. Questions of literature and esthetics: researches of different years. M.: Fiction, 1975. 504 p.
2. Ginsburg L.YA. About psychological prose. M.: Fiction, 1977. 412 p.
3. Petrushevskaya L. S. Find me, a dream. M.: Vagrius, 2003. 340 p.
4. Proskurin B. Art psychologism before and after Freud (the Russian and foreign experience)//Boris Proskurin. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/3/5.pdf> (date of the address: 11/20/2016).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LINGVOCULTUROLOGY

УДК 378.808:2(073.4) ББК 74.58:81.2Рус

*Институт русского языка и культуры
Московского государственного универси-
тета имени М.В. Ломоносова
доктор пед. наук, профессор, зав. кафед-
рой русского языка*

Степаненко В.А.

Россия, г. Москва, тел. +7(985)967-54-48

e-mail: stepanenkovera@gmail.com

*канд. пед. наук, доцент кафедры русского
языка*

Нахабина М.М.

Россия, г. Москва, тел. +7(495)433-77-28

e-mail: ciemsu-org@mail.ru

*Institute of Russian language and Culture
Moscow State University*

*head of Russian language Department, doc-
tor of pedagogical Sciences, full professor*

Stepanenko V.A.

Russia, Moscow, +7(985)967-54-48

e-mail: stepanenkovera@gmail.com

*PhD, associate professor of Russian lan-
guage*

Nakhabina M.M.

Russia, Moscow, +7(495)433-77-28

e-mail: ciemsu-org@mail.ru

В.А. Степаненко, М.М. Нахабина

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА В НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕСТАХ

Национально ориентированная методика имеет свою достаточно продолжительную историю. Она реализовывалась в обучении русскому языку в национальных школах с самого начала советского периода, затем ее идеи и достижения были использованы в методике русского языка как иностранного. В советский период эти два направления взаимообогащались, и исследования в области преподавания русского языка в национальных школах использовались методистами РКИ.

В настоящее время национально ориентированный подход вновь актуален. Общеизвестно, что в языке многое обусловлено национальными традициями, а также необходимым условием преподавания русского языка является учет этнокультурной специфики учащихся, их этнопсихологических и когнитивных особенностей. Данный подход может применяться и в такой лингвометодической области, как тестирование.

Ключевые слова: национально ориентированный подход, методика преподавания иностранных языков, диалог культур, тестирование по русскому языку как иностранному.

V.A. Stepanenko, M.M. Nakhabina

A REFLECTION OF THE CULTURAL ASPECT IN NATIONALLY ORIENTED TESTS

The nationally-oriented methodology has a rather long history. It is implemented in teaching Russian language in national schools from the beginning of the Soviet period, then, its ideas and achievements have been used in the methods of Russian as a foreign language. In the Soviet period, these two lines of mutually enriching,

and research in the field of Russian language teaching in national schools used Methodists of Russian as a foreign language.

Currently, nationally-oriented approach will be discussed. It is recognized that in many languages, due to national traditions, as well as a necessary condition for the teaching of the Russian language is the account of ethnic and cultural specificity of the students, their ethno-psychological and cognitive features. This approach can be applied in such a methodological- linguistic field as testing.

Key words: nationally-oriented approach, methodology of teaching foreign languages, dialogue of cultures, test of Russian as a foreign language.

Одной из ключевых тенденций преподавания русского языка как иностранного и неродного является национально ориентированная направленность обучения, которая реализуется в национально ориентированном подходе. Данный подход связан в первую очередь с билингвально / бикультурным мышлением, а именно – с учётом национальных традиций образования в конкретной стране при использовании современных методов и технологий обучения. Национально ориентированный подход определяет стратегию и методы обучения, позволяет решать как общие, так и конкретные методические задачи.

В настоящее время тема национально ориентированного подхода к обучению вышла на новый виток актуальности. Тема эта, детально разработанная в начале развития методики РКИ, нашла отражение в учебниках и пособиях 60-х, 70-х годов, курсах по фонетике, корректировочных курсах, созданных на подготовительном факультете для иностранных граждан МГУ. Это были пособия, специально написанные для польских, немецких, болгарских, венгерских, чешских стажеров; учебники для студентов-арабов. После создания единого учебника по русскому языку как иностранному «Старт-1», «Старт-2», «Старт-3», национально ориентированный подход нашёл отражение в национальных версиях этого учебника для Кубы, Афганистана, Вьетнама, Северной Кореи. Данный подход получил развитие в национально ориентированных версиях учебника «Дорога в Россию», созданных в Китае, в Индии, в Иране, в Корее и др. Общепринятым было положение, что методика, построенная с учетом функционально-семантических, фонетических, лексических, синтаксических особенностей родного языка, способствует более эффективному усвоению иностранного языка, в данном случае – русского.

В настоящее время национально ориентированное обучение рассматривается шире, чем учет функциональных особенностей родного языка. В методике преподавания иностранных языков широкое распространение получило представление о том, что для полноценного общения на иностранном языке необходимо не только знание языкового материала и умение владеть им, но и знание культуры носителей изучаемого языка. С позиции знакомства с культурой народа при изучении языка методистами выделяются лингвострановедческий, лингвокультурологический, страноведческий, социокультурный подходы. Необходимость опираться на них при написании современных учебников и учебных пособий считается очевидной, что обосновывается в работах известных методистов и лингвистов.

Так, С.Г. Тер-Минасова рассматривает обучение иностранным языкам в аспекте межкультурной коммуникации, под которой понимает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам». С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что эффективность общения зависит не только от знания языка, но и от множества других факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого. Ранее подобный подход мы находим у известных основоположников теории лингвострановедения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

Обучение в рамках диалога культур дает учащимся возможность не только понимать культуру изучаемого языка, но и осознавать ценность и своеобразие своей культуры. С точки зрения мотивации обучения, как показывает опыт, проявление интереса к культуре и истории своей страны человека, изучающего русский язык, исключительно оправданно. Это доказал практически уникальный опыт создания мультимедийного курса «Россия-Испания. Исторические судьбы», ориентированного на испаноговорящих студентов. Тематика текстовых материалов курса посвящена испанцам, оставившим след в истории России. Данный поворот к пониманию концепции диалога культур позволяет убедиться, в том, что уважение и интерес к стране учащегося располагает к диалогу между обучающим и обучаемым, что и приводит к реализации основной из установок современной методики: учащийся не объект, а субъект обучения.

Вопрос о том, должны ли существовать национально ориентированные варианты тестов по русскому языку как иностранному, неоднократно обсуждался специалистами по ТРКИ и вызывал большое количество дискуссий и споров. Однако в таких ситуациях часто сама жизнь диктует свои правила игры. В 2013 году в Киргизской Республике был принят Указ президента «О мерах по развитию государственного языка и совершенствованию языковой политики», в котором были определены первоочередные меры и приоритеты развития языковой политики, основные принципы которой были изложены в Национальной Программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики на 2014-2020 годы. В соответствии с правительственной Программой к 2018 году государственные и муниципальные служащие, независимо от их этнической принадлежности, должны овладеть русским языком (официальным), на уровне В2, а к 2020 году на уровне С1. Одним из главных критериев отбора кандидатов на государственные и муниципальные должности является теперь уровень владения государственным (кыргызским языком), вторым официальным (русским) и одним измеждународных языков, принятых ООН.

Таким образом, перед киргизскими коллегами встала задача создания нормативных документов и тестов по русскому языку как официальному. Разработка системы уровней владения русским языком как официальным была поручена Национальному центру тестирования Министерства образования и науки Киргизской Республики.

На первом этапе реализации Национальной Программы была разработана шкала языковой компетенции для различных категорий государственных и муниципальных служащих в зависимости от задач, поставленных перед ними. Разработанная система определения уровня владения русским языком как официальным соотносится с требованиями, предъявляемыми к определенным категориям госслужащих, проходящих тестирование.

Для реализации Указа Президента Киргизской Республики «О мерах по развитию государственного языка и совершенствованию языковой политики в Киргизской Республике» от 6 июня 2014 года № 119 была создана государственная система тестирования по русскому языку как официальному (ТРКО). За основу была взята Российская государственная система тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ).

Разработка системы уровней владения русским языком как официальным, лингвометодическое описание данных уровней и создание соответствующей системы тестирования имеют определяющее значение для современной теории и практики преподавания русского языка. Интеграционные процессы в области языковой политики, происходящие в последнее время в мире, выдвинули задачу установления общих уровней владения для одного языка в разных странах и для разных языков в одной стране, что создает основу для обеспечения международного признания языковых сертификатов, эквивалентности академических дипломов.

В связи с введением многоязычного образования в Киргизии принято решение о необходимости создания унифицированной единой системы тестирования по определению уровня владения государственным языком, официальным и одним из международных языков, принятых ООН, – КЫРГЫЗТЕСТ .

Система государственного тестирования по русскому языку как официальному (ТРКО) по системе КЫРГЫЗТЕСТ включает следующие уровни, соотносящиеся с соответствующими с уровнями системы ТРКИ и коррелирующие с уровнями европейской системы языкового тестирования ALTE:

- элементарный уровень (A1);
- базовый уровень (A2);
- средний уровень (B1);
- продвинутый уровень (B2);
- высокий уровень (C1).

Разработчиками киргизской государственной системы тестирования по русскому языку как официальному (ТРКО) являются авторские коллективы Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова Российской Федерации и Министерства образования и науки Киргизской Республики.

Первый опыт создания подобных тестов привёл авторов к мысли о необходимости содержательного наполнения тестового материала фрагментами культурологического характера, которые описывают страну учащегося и могут быть связаны с его жизненным опытом, что делает тест более интересным и эмоционально значимым.

Поэтому тестовые материалы, созданные для Киргизии, имеют страноведческую направленность – в них рассказывается об истории Киргизии, её памятниках (башня Бурана), о литературе (Чингиз Айтматов), об исторических личностях и современниках страны.

Так, в типовом тесте Базового уровня в тесте по чтению имеется следующее задание:

Задания 5 – 9. Прочитайте фрагменты статей из газет и журналов. Определите их тему или основную идею.

5.Кадырбек Мырзабаев – почётный консул кыргызской республики в Российской Федерации, в Хабаровске. Недавно корреспондент журнала «Деловая аудитория» взял у него интервью. На вопрос, какие книги лучше читать, Кадырбек ответил так: «Я люблю перечитывать произведения кыргызского писателя Чингиза Айтматова «Первый учитель», «Белый пароход» и другие. Ещё я люблю перечитывать романы Ф.М. Достоевского. А молодёжи я советую читать литературу тех стран, в которые они едут. Если в Россию, то, конечно, неплохо знать историю России.

Кадырбек Мырзабаев считает, что молодые люди должны читать...

(А) только детективы

(Б) классическую литературу

(В) литературу тех стран, в которые они едут

В тесте «Лексика. Грамматика» имеется задание, которое предполагает выбор правильной формы из предложенных вариантов словосочетаний:

Задания 23 – 40. Выберите правильный вариант.

Недалеко от Бишкека находится интересный ... (23) – башня Бурана. Есть красивая легенда, которая рассказывает об истории ... (24).

Старики говорят, что давным-давно ... (25) была прекрасная дочь. Её звали Монара. Хан очень любил ... (26), и решил узнать, что ждёт её в жизни. Он позвал ... (27) и приказал им рассказать о будущем дочери. Все они, кроме одного, сказали, что девушка будет очень счастливой. И только один мудрец сказал: «Конечно, вы хотите

услышать от меня, что ваша дочь будет жить долго и счастливо. Но я должен сказать вам правду. Вы можете убить меня, но я скажу вам, что ждёт ... (28).

23. А. исторического памятника

Б. исторический памятник

В. историческому памятнику

Г. об историческом памятнике

24. А. этой башни

Б. эту башню

В. эта башня

Г. в этой башне

25. А. у одного богатого хана

Б. один богатый хан

В. одному богатому хану

Г. об одном богатом хане

26. А. своей дочери

Б. свою дочь

В. со своей дочерью

Г. о своей дочери

27. А. всех мудрецов

Б. все мудрецы

В. всем мудрецам

Г. обо всех мудрецах

28. А. бедная Монара

Б. о бедной Монаре

В. с бедной Монарой

Г. бедную Монару

Нам представляется, что данное направление, базирующееся на интересе к культуре учащегося, перспективно и значимо для повышения мотивации и эффективности изучения языка.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Курлова И.В., Нахабина М.М., Степаненко В.А., Частных В.В. Мультимедийный курс «Россия-Испания: исторические судьбы». URL: [http / www.spain.cie.ru/](http://www.spain.cie.ru/)
3. Тер-Минасова С.Г.. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture. M.: Indrik, 2005. 1038 p.
2. Kurlova I. V., Nakhabina M. M., Stepanenko V. A., Tchastnykh V.V. Multimedia course "Russia-Spain: historical destiny". URL: [http / www.spain.cie.ru/](http://www.spain.cie.ru/)
3. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. M.: Slovo, 2000. 624 p.

УДК 81'38:81'42

Минский государственный лингвистический университет
Магистрант кафедры общего языкознания
Чударь А.Н.
Беларусь, г. Минск, тел. +3(7529)294-76-98
e-mail: aleksandra.chudar@mail.ru

Minsk State Linguistic University
The chair of general linguistics,
master's degree student
Chudar A.N.
Belarus, Minsk, +3(7529)294-76-98
e-mail: aleksandra.chudar@mail.ru

А.Н. Чударь

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕГЛАЙНАХ К КИНОФИЛЬМАМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются особенности функционирования средств языковой выразительности фонетического, графического, лексико-стилистического и синтаксического уровней в англоязычных теглайнах к кинофильмам. Согласно количественным данным, приведенным в статье, средства выразительности являются значимой составляющей текстов данного жанра: они встречаются в большинстве теглайнов. Наиболее распространенными средствами языковой выразительности, которые используются в теглайнах, являются фонетические.

Ключевые слова: рекламный текст, экспрессивность, теглайн, средства выразительности.

A.N. Chudar

EXPRESSIVE MEANS IN ENGLISH MOVIE TAGLINES

The article deals with the usage peculiarities of phonetic, graphical, lexical and syntactic expressive means in English movie taglines. The statistical data indicate the importance of expressive means for the genre under discussion, as they are used in the majority of taglines. Phonetic expressive means are the most common type of expressive means in movie taglines.

Key words: advertisement, expressiveness, tagline, expressive means.

Введение

Теглайн к кинофильму представляет собой своеобразный девиз к фильму, который наиболее кратко и ёмко отражает его содержание и замысел: *Отдел борьбы с нечистью ждет новую кровь* (Ночные стражи, 2016). Языковые особенности теглайна обусловлены его основными функциями – экспрессивной (привлечение внимания и эмоциональное воздействие на потенциального потребителя) и информативной (передача основной информации о содержании фильма).

Несмотря на то, что первые теглайны появились более века назад, они до сих пор остаются практически неисследованным явлением. В то время как классический рекламный слоган изучен достаточно хорошо, теглайну посвящено лишь несколько работ (публикации М.С. Кунавиной, Н.П. Соболевой) [6;10]. При этом теглайн – это особый речевой жанр, важный для современной культуры, поэтому он нуждается в более глубоком изучении. Данные обстоятельства определяют актуальность и новизну нашего исследования.

Экспрессивность – это свойство, определяющее возможность рекламного текста

оказывать влияние на адресата [7; с. 22]. Экспрессивность в рекламном сообщении достигается в первую очередь за счет использования различных средств художественной выразительности (рифма, метафора, каламбур, аллюзия и т.д.) [8]. Использование нескольких экспрессивных средств в одном рекламном сообщении усиливает эмоциональность рекламы, повышает ее воздействующий потенциал [6].

Как вид рекламного текста, теглайн также характеризуется определенной степенью экспрессивности, важная роль в формировании которой принадлежит средствам выразительности. При создании теглайнов используются различные виды языковых средств: фонетические, графические, грамматические (синтаксические), лексико-стилистические. Цель статьи – определить типы средств выразительности, которые используются в теглайнах, и установить их частотность.

Для выявления особенностей использования средств выразительности в теглайнах нами было проанализировано 820 англоязычных теглайнов с интернет-сайта <http://www.imprawards.com/index.html>. Мы остановились на данном источнике, так как это одно из наиболее полных собраний англоязычных теглайнов.

Исследование показало, что из 820 теглайнов какие-либо средства выразительности встречаются в 622 единицах (76 %), что указывает на важность риторической составляющей для данного речевого жанра. При этом частотность отдельных приемов различается: какие-то средства выразительности являются более характерными для исследуемого речевого жанра, а какие-то – менее характерными.

Фонетические средства выразительности.

Наше исследование продемонстрировало, что на фонетическом уровне наиболее часто при создании теглайнов используются такие приемы, как ритм, рифма, аллитерация, фонетическая компрессия, апокопа.

Рифма. Рифма представляет собой созвучие в окончаниях двух или нескольких слов. Наличие такого созвучия в теглайне к кинофильму позволяет облегчить его восприятие и запоминание: *Dare to be square* (The Boxtrolls, 2014). Как правило, рифмуются слоги значимых слов, которые разделяются группой других слогов: *Bigger. Bolder. Blonder* (Legally Blonde 2: Red, White & Blonde, 2003); *B is for Bobinski – seemingly nice. Until you discover his circus of mice* (Coraline, 2009).

В теглайнах к кинофильмам используется и консонанс – особый вид рифмы, основанный на более или менее полном совпадении согласных в словах. Ударные гласные при таком типе рифмы обычно не совпадают: *Back 2 work* (Despicable Me 2, 2013); *Fame meets farm* (Leading Lady, 2014).

Рифма должна стилистически подходить рекламному сообщению. И с этим связаны ограничения на использование данного приема в рекламе фильмов определенных жанров. Так, например, рифма редко используется в теглайнах к серьезным историческим фильмам или к фильмам драматического содержания. Обычно рифма присутствует в рекламе комедийных фильмов или фильмов ужасов: из общего количества теглайнов, содержащих рифму, 42 % (22 единицы) составляют теглайны к комедийным фильмам, 11 % (6 единиц) – теглайны к фильмам ужасов, 26% (14 единиц) – к детским фильмам и мультфильмам, 21% (11 единиц) – к триллерам и драматическим фильмам: *It takes all kinds of critters to make farmer Vincent's fritters* (Motel Hell, 1980); *From gentle to mental* (Me, Myself, & Irene, 2000).

Ритм. Ритм – это чередование звуковых элементов (отдельных звуков или звуковых сочетаний), которое происходит с определенной частотой. Ритм, как и рифма, улучшает восприятие и запоминаемость теглайна потенциальными потребителями.

Ритм не так заметен, как рифма, но теглайн с определенным ритмом легче читается и быстрее запоминается. В связи с этим теглайны с ритмом встречаются достаточно часто – 44,5 % (365 единиц) теглайнов нашей выборки. Примеры: *Love him. Hate him. You don't know him* (2016: Obama's America, 2012); *Bad is good again* (American Outlaws, 2001).

Аллитерация. Аллитерацией называется повторение одинаковых или похожих звуков в теглайне, придающее ему особую звуковую выразительность [2] (иногда аллитерацию – повторы согласных звуков – противопоставляют ассонансу – повтору гласных). Примеры: *A roaring rampage of revenge* (Kill Bill: Vol. 1, 2003); *A fight for our future* (The Last Mountain, 2011). Прием аллитерации встретился в 3,4 % теглайнов (28 единиц).

Согласно теории фоносимволизма, звуки и звуковые сочетания вызывают определенные ассоциации [6]. Так, например, звук [r] ассоциируется с решительностью, мужественностью, динамичностью; звуки [p] и [b] вызывают ощущение основательности, надежности; звуки [l] и [n] воспринимаются как нежные, женственные, они ассоциируются с легкостью, плавностью и тягучестью. Звук [ɪ] передает ощущение чего-то маленького, воздушного [3]: *Life, love, lust... and everything in between* (Live Flesh, 1998); *Be bad* (Be Cool, 2005).

Несмотря на мнение многих исследователей о том, что связь между различными звуками языка и вызываемыми ими ассоциациями существует, доказать это достаточно сложно, поскольку часто одни и те же звуки могут придавать сообщению как позитивную, так и негативную окраску, а также вызывать различные ощущения у разных людей [7; с. 200].

Фонетическая компрессия. Фонетическая компрессия (6,1 % теглайнов – 50 единиц) представляет собой выпадение звуков во вспомогательных глаголах и частицах. Данный прием часто используется в рекламных текстах, в т.ч. в текстах теглайнов, для создания эффекта разговорной речи:

Family isn't a word. It's a sentence (The Royal Tenenbaums, 2001).

Just because she's passed on... Doesn't mean she's moving on (Over Her Dead Body, 2008).

Выпадение g. *G-dropping* (выпадение g) представляет собой прием, при котором конечный g в герундии и причастии настоящего времени заменяется апострофом: *Everyone's gettin' lined up* (Barbershop, 2002). На самом деле при использовании данного приема выпадения звуков не происходит. Меняется тип используемых согласных: вместо заднеязычного [ŋ] используется альвеолярный согласный [n]. Таким образом, окончание *-ing* [ɪŋ] меняется на *-in'* [ɪn]: *He's Icin' & Slicin'* (Jack Frost 2: Revenge of the Mutant Killer Snowman, 2000); *Imagine having to win over the girl of your dreams every friggin' day* (50 First Dates, 2004).

Как правило, *g-dropping* используется в сниженной разговорной речи, характерной для представителей низших социальных классов [9]. Так, в большинстве своем фильмы, в теглайнах к которым используется данное средство выразительности, представляют собой комедии с довольно несложным сюжетом. Данный прием встретился в 0,7 % проанализированных нами теглайнов (6 единиц).

Графические средства выразительности.

При создании теглайнов к кинофильмам также (14 % теглайнов – 112 единиц) используются различные графические средства выразительности.

- Замена слов символами (2,07 % теглайнов (17 единиц)): *Wanted ... everyone !s @ r!sk* (Blackhats, 2013); *It mu5t be found* (The Fifth Element, 1997).
- Графическое выделение фрагмента слов (1,34 % теглайнов (11 единиц)): *CATch her if you can...* (Cat Run, 2011); *Uncle Sam wants YOU to see this movie!* (An Inconvenient Tax, 2009).
- Окказиональное написание слов через дефис (0,7 % теглайнов (6 единиц)): *It's all about me-ow!* (Garfield, 2004); *Life's a pic-a-nic* (Yogi Bear, 2010); *Oc-tow-berfest* (Cars 2, 2011).
- Использование многоточий (9,5 % теглайнов (78 единиц)): *A comedy where old school ... meets middle school* (Rebound, 2005); *Could Mr. Wrong actually be... Mr. Right?* (Crush, 2002).

Лексико-стилистические средства выразительности.

На лексико-стилистическом уровне в теглайнах используются такие приемы, как метафора, олицетворение, фразеологические конструкции, паронимазия, каламбур.

Метафора. Метафора – один из самых распространенных приемов в рекламе [1]. Метафора представляет собой употребление слова в переносном значении, основанное на сравнении предмета с каким-либо другим предметом, схожим с ним по каким-либо признакам: *Life blooms in extraordinary places* (Dreamland, 2006). Метафоры встретились в 3,1 % теглайнов (25 единиц).

Как правило, выделяют два основных вида метафор: характеризующие и номинативные [5; с. 62]. Номинативные метафоры указывают на какой-либо объект. Они не описывают предмет, а просто идентифицируют его. Понимание такой метафоры не предполагает вариантов, ее интерпретация всегда однозначна, примеры: *глазное яблоко, ножка стула*. Характеризующие метафоры наделяют объект какими-то качествами, предполагают возможность различий в интерпретации, возникновение различных ассоциаций: *разбитое счастье, червь сомнения* [5; с. 62]. Именно такой вид метафор используется при создании теглайнов к кинофильмам: *A biting comedy* (Wag the dog, 1997); *A high caliber woman* (Red, 2010).

Олицетворение. Олицетворение (персонификация) часто рассматривается как разновидность метафоры. Оно представляет собой перенос отдельных свойств, характеристик одушевленных объектов на неодушевленные: *Insanity runs in the family* (Girl Most Likely, 2013); *A comedy that never takes it foot off the gas* (Hit and Run, 2012). Чаще всего при олицетворении какие-либо объекты неживого мира наделяются определенными качествами, чертами человека (1,95 % случаев (15 теглайнов) из нашей выборки): *Life never gets old* (While We're Young, 2015); *Break dancing isn't dead. It's been in a coma* (Kickin' It Old Skool, 2007).

Аллюзия. Аллюзия представляет собой прием, заключающийся в соотнесении описываемого события или явления с каким-либо литературным, мифологическим, историческим, политическим фактом, закрепившимся в речи. Аллюзия может представлять собой отсылку на библейские, художественные тексты, заголовки более ранних произведений и т.п. Мы нашли аллюзии в 1,34 % теглайнов (11 единиц).

Автор обычно рассчитывает на то, что аллюзии, которые он использует в своем произведении, вызовут какие-то заранее определенные им ассоциации и, таким образом, обогатят смысл текста. Однако возможность читателей считать скрытые смыслы в произведении зависит от множества факторов, к которым можно отнести возраст, пол, уровень образования (и, соответственно, начитанность), профессию, круг интере-

сов и даже вероисповедание. Так, например, читатели с несформированным религиозным сознанием могут столкнуться с трудностями восприятия не только религиозных текстов, но и произведений художественной литературы, в которых присутствуют какие-либо отсылки на эти тексты [4].

Рассмотрим пример: *Paradise lost. Paradise found* (Highwater, 2008). Аллюзия в данном теглайне содержит отсылку к библейскому понятию – *paradise* ‘рай’. В целом словосочетание *потерянный рай* (*paradise lost*) достаточно давно закрепилось в языке. Следует отметить, что существует также и художественное произведение Дж. Мильтона «Потерянный рай» [«Потерянный рай» (англ. «Paradise lost») – произведение английского поэта Джона Мильтона, впервые изданное в 1667 г. – А. Ч.], однако создатель теглайна, скорее всего, не рассчитывал на то, что данная поэма известна всем представителям целевой аудитории данного фильма.

В слогане *Before Romeo & Juliet, there was* (Tristan & Isolde, 2006) используется отсылка на произведение У. Шекспира «Ромео и Джульетта». История любви героев кинофильма соотносится с историей главных героев художественного произведения английского драматурга.

В основе аллюзии, содержащейся в теглайне *A comedy about finding the American dream in the most unexpected way* (The Guru, 2003), лежит отсылка к одной из реалий американского общества – так называемой американской мечте, которая представляет собой идеал жителей Америки как в материальном, так и в духовном плане. Американская мечта может трактоваться по-разному, но, как правило, она включает в себя стремление человека к успеху, признанию, богатству и славе, к достижению благосостояния и уверенности (что выражается в наличии собственного дома, хорошей работы и определенного положения в обществе). Данное выражение также обозначает идеалы свободы и равенства возможностей, которые лежат в основе американского общества (каждый человек может достичь того, что он хочет, если будет прилагать к этому достаточно усилий) [10; p. 15–16].

Использование фразеологизмов. Фразеологизм – устойчивое и идиоматичное сочетание слов, свойственное определенному языку. Фразеологизмы были использованы в 3,9 % теглайнов (32 единицы) нашей выборки.

Существует несколько вариантов использования фразеологизмов в рекламных текстах:

1. Использование фразеологизмов в их первоначальном виде: *A fish-out-of-water comedy* (Aquamarine, 2006); *A big problem calls for a big head* (Hey Arnold! The Movie, 2002).

2. Использование модифицированных фразеологизмов: *Every ant has his day* (Antz, 1998). Изначальный вариант – *Every dog has his day* (‘будет и на вашей улице праздник’, дословно ‘у каждой собаки бывает свой день’). Поскольку данный фильм – история о муравье, то слово *dog* (‘собака’) было заменено на слово *ant* (‘муравей’).

Проанализируем еще несколько примеров:

- *A perfect mismatch* (My First Mister, 2001). Изначальный вариант фразеологизма – *A perfect match* (‘идеальная пара’). Фильм – история любви двух совершенно разных людей, которые, по мнению многих, совершенно не подходят друг другу (*mismatch*).

- *Birds of a feather plot revenge together!* (The Birder, 2014): первоначальный вариант фразеологизма – *Birds of feather flock together* (‘Яблоко от яблони недалеко падает’ / ‘рыбак рыбака видит издалека’, дословно ‘Птицы одного пера держатся вместе’).

Фильм рассказывает историю птицевода, желающего отомстить человеку, из-за которого он потерял работу.

Парономазия. Парономазия, представленная в 2,4 % теглайнов (20 единиц), – это прием, заключающийся в комическом или образном сближении слов, которые сходны по своему звучанию и морфемному составу (паронимов): *Face your fears* (Fear Clinic, 2014); *Love, life and other lies* (Posthumous, 2014); *Back in black* (Menin Black II, 2002); *A place you leave is a place that lives forever* (The Lost City, 2006). Парономазия часто используется в сфере рекламной коммуникации, так как с помощью этого приема можно придать тексту рекламного сообщения особую образность и выразительность.

Каламбур. Каламбуром называется прием, основанный на использовании разных значений одного слова или разных слов/словосочетаний, сходных по звучанию, в одном контексте. Часто такой прием также называется «игрой слов». Каламбуры были использованы в 0,9 % теглайнов (7 единиц). Примеры теглайнов:

- *A little adventure will go a lawn way* (Gnomeo & Juliet, 2011). События данного фильма происходят на небольшом пространстве – лужайке (*lawn*), однако имеют большое значение в жизни персонажей (*go along way*).

- *Born to bee wild* (Bee Movie, 2007). Каламбур строится на том, что звучание глагола *to be* ('быть') в английском языке схоже со звучанием слова *bee* ('пчела').

- *Last rites... and wrongs* (Death at a Funeral, 2007). Данный каламбур основан на сходстве звучания таких слов, как *rite* ('обряд, ритуал') и *right* ('правильность, правда'), антонима слова *wrong* ('ошибка, заблуждение') (действие данного фильма происходит на похоронах).

- *Love is in the hair* (There's Something About Mary, 1998). Данный фильм – романтическая комедия о поиске главным героем девушки своей мечты. Так как фильм посвящен не просто любви, а любви к конкретной девушке, в данном каламбуре обыгрывается сходство в звучании таких слов, как *air* ('воздух') и *hair* ('волосы').

- *Ein! Zwei! Die!* (Dead Snow, 2009). Немецкое слово *drei* 'три' схоже по звучанию с английским словом *die* 'умри'. Таким образом, *Ein! Zwei! Drei!* ('Раз! Два! Три!') заменяется на *Ein! Zwei! Die!* ('Раз! Два! Умри!'), что вполне уместно при создании слогана к фильму ужасов.

Каламбур, как правило, используется для достижения комического эффекта, поэтому его часто можно обнаружить в слоганах к мультипликационным или детским фильмам (57 % случаев – 4 теглайна), а также комедиям (43 % случаев – 3 теглайна).

Синтаксические средства выразительности.

Основными языковыми средствами синтаксического уровня, которые используются при создании теглайнов к кинофильмам, являются повторы, эллиптические конструкции, параллелизм, антитеза, инверсия, парцелляция, градация.

Повторы. Лексический повтор представляет собой прием, основанный на намеренном повторении языковой единицы (как правило, слова) в одном высказывании или небольшом фрагменте текста. Повторы используются в рекламных текстах достаточно часто, поскольку они привлекают внимание, позволяют читателю лучше и быстрее запомнить рекламное сообщение: *Love heals. Love absolves. Love burns* (The Burning Plain, 2009); *Be afraid. Be very afraid* (The Fly, 1986). Так, повторы встретились в 9,4 % проанализированных нами теглайнов (77 единиц).

Существует несколько разновидностей лексического повтора: анафора, эпифора и морфологический повтор.

Анафора – вид лексического повтора, в основе которого лежит повтор в каждом отрезке речи начальных слов или начальных звуков слов: *He Knows No Fear. He Knows No Danger. He Knows Nothing* (Johnny English, 2003); *Bad behavior. Bad attitude. Bad example* (Role Models, 2008).

Эпифора представляет собой вид лексического повтора, основанный на повторении конечных слов каких-либо отрезков речи: *Just because they serve you... doesn't mean they like you* (Clerks, 1994); *Some see what's possible, others change what's possible* (Jobs, 2013).

Морфологический повтор основан на повторении одних и тех же морфем – корней или же различных аффиксов. Выделяется два основных вида морфологического повтора.

- Корневой повтор: *Once upon a time... Can happen anytime* (A Cinderella Story, 2004).

- Аффиксальный повтор: *A fearless life. A reckless love* (Noble, 2014); *Consumption is evolution* (Feed, 2005).

Эллиптические конструкции. Эллиптические конструкции (3 % теглайнов, 24 единицы) представляют собой неполные предложения, то есть предложения, в которых отсутствует один или несколько членов предложения (чаще всего опускается один из главных членов предложения): *United by revolution, divided by the past* (Night Catches Us, 2010). Эллипсис позволяет выделить главные элементы теглайна, в то время как подразумеваемые элементы могут быть восстановлены из контекста. С помощью эллиптических конструкций можно создать сжатый, но в то же время эмоционально и информационно наполненный теглайн.

В проанализированных теглайнах представлены следующие виды эллиптических конструкций:

- Конструкции, в которых отсутствует подлежащее: *Ever have regrets in your life?* (Chain Link, 2008); *(D is for Dad – he's sweet but he's boring.) Works all day long while Coraline's exploring* (Coraline, 2009).

- Конструкции, в которых отсутствует подлежащее и часть сказуемого: *Connected by chance, bound by love* (The Chester Story, 2003); *Back in the game. Out of his league* (Mr. 3000, 2004).

- Конструкции, в которых отсутствуют оба главных члена предложения: *Along time ago in a galaxy far, faraway...* (Star Wars, 1977); *Beyond science. Beyond sanity. Beyond control* (Beyond the Black Rainbow, 2012).

Параллелизм. Параллелизм представляет собой прием, при котором различные элементы высказывания имеют одинаковую или схожую грамматическую структуру. Такими параллельными элементами могут быть словосочетания, части предложения и сами предложения: *A love lost in the past. A love struggling for a future* (The Yellow Handkerchief, 2010); *A challenge he never imagined. A teacher he never expected* (The Karate Kid, 2010); *A real place you could never imagine. Strange creatures you will never forget* (Island of Lemurs: Madagascar, 2014). Параллелизм довольно часто (80 единиц – 9,8 % теглайнов) используется в теглайнах к кинофильмам, поскольку параллельные предложения позволяют придать определенный ритм теглайну, делают его более выразительным и запоминающимся.

Антитеза. Антитеза – стилистическая фигура, основанная на резком противопоставлении каких-либо свойств, качеств, характеристик предмета или явления, использо-

вании противоположных понятий, образов: *Fake cops, real trouble* (Let's Be Cops, 2014); *A comedy about life at the top, as seen from the bottom* (The Nanny Diaries, 2007); *A huge adventure in a tiny world* (Arthur and the Invisibles, 2007). Антитеза позволяет создать контрастный, эмоционально яркий и запоминающийся теглайн. Данный прием был использован в 7,3 % теглайнов (60 единиц) из нашей выборки.

Инверсия. Инверсия – это стилистический прием, представляющий собой нарушение принятого в языке порядка слов в предложении: *In a divided city friendship is the last line of defence* (Close to Home, 2007). В данном предложении на первое место вынесено обстоятельство места, что не характерно для английского языка. Другие примеры: *Behind every code is an Enigma* (The Imitation Game, 2014); *Behind a beautiful face, beneath a dangerous smile, lies a rage that can't be stopped* (The Hand That Rocks the Cradle, 1992). В нашей выборке инверсия была использована в 2,3 % теглайнов (19 единиц).

Чаще всего инверсия используется для выделения наиболее важной информации в предложении – определенного слова или группы слов, поскольку из-за изменений в структуре предложения они получают дополнительный акцент, выделяются интонационно – теглайн в целом получает дополнительную эмоциональную окраску. Пример: *A romantic comedy about a marriage that truly is forever* (Camille, 2008). В данном предложении обстоятельство *truly* ‘действительно, на самом деле’, вынесенное в позицию перед глаголом, становится более значимым.

Парцелляция. Парцелляция (77 единиц, 9,4 % теглайнов) представляет собой прием, при котором высказывание намеренно разделяется на несколько самостоятельных отрезков. Показателем парцелляции в письменном тексте является точка: *Don't. Trust. Anyone* (Before I Go to Sleep, 2014); *On Hollywood Boulevard... Anything can happen* (Footprints, 2010); *A hero will rise. On four legs* (Scooby-Doo, 2002). Парцелляция (1,95 % теглайнов, 16 единиц) позволяет упростить понимание высказывания, поскольку небольшие отрезки текста воспринимаются легче, а сам текст становится более эмоциональным.

Градация. Градация (15 единиц, 1,8 % теглайнов) представляет собой прием, в основе которого лежит ряд слов, каждое из которых является более эмоционально окрашенным, чем предшествующее. Основная функция градации – создание иллюзии развития какого-либо качества, процесса: *Kids can be mean... adults can be meaner* (Rid of Me, 2011); *Same big family... even bigger adventure* (Cheaper by the Dozen 2, 2005).

Существует два основных типа градации: прямая (если последующее слово в ряду является более эмоционально окрашенным, чем предшествующее) и обратная (если каждое последующее слово менее эмоционально окрашено, чем предшествующее). В теглайнах, как правило, используется прямая градация: *Drunk and drunker* (Last Call, 2013); *Day 1: Exposure. Day 3: Infection. Day 8: Epidemic. Day 15: Evacuation. Day 20: Devastation. The days are numbered* (28 Days Later, 2003).

Комбинация средств выразительности в теглайне. Часто в одном теглайне может присутствовать несколько различных средств, что придает теглайну большую эмоциональную окраску, усиливает его запоминаемость: *A comedy for anyone who's ever had a dream. And then jumped out a window* (Sleepwalk with Me, 2012) (фонетические (фонетическая компрессия) + синтаксические (парцелляция); *A big problem calls for a big head* (Hey Arnold! The Movie, 2002) (лексико-стилистические (фразеологизм) + синтаксические (повтор); *It's all about... ME* (The Emperor's New Groove, 2000) (фонетические (фонетическая компрессия) + графические (графическое выделение). В некоторых случаях использование средств выразительности одного уровня автоматически ведет к появлению средств выразительности другого уровня, т.е. их использование взаимосвя-

зано: *A challenge he never imagined. A teacher he never expected* (The Karate Kid, 2010) (синтаксические (параллелизм) + фонетические (ритм)).

Выводы.

Таким образом, можно отметить, что различные средства выразительности – фонетические, графические, лексико-стилистические и синтаксические – являются важной составляющей кинематографических теглайнов. Как показало наше исследование, средства выразительности используются в большинстве теглайнов (622 единицы – 76 % теглайнов). Интересный и запоминающийся теглайн зачастую привлекает широкую аудиторию и играет важную роль в достижении кассового успеха фильма.

Наиболее распространенными средствами выразительности, которые используются в теглайнах, являются фонетические – они встретились в 47,4 % (510 единиц) проанализированных нами теглайнов. За ними следуют синтаксические (32,1 % теглайнов – 345 единиц), лексико-стилистические (10,4 % теглайнов – 112 единиц) и графические средства (10,1 % теглайнов – 190 единиц). Наибольшая распространенность фонетических и синтаксических средств выразительности связана с тем, что удачно оформленный с точки зрения формы и структуры теглайн запоминается гораздо быстрее, в т.ч. и при восприятии на слух (в отличие от графических средств выразительности, используемых лишь в печатной рекламе). Лексико-стилистические средства выразительности, ориентированные на содержательную сторону, также участвуют в создании экспрессивного заряда теглайна, а соответственно, и облегчают запоминание, однако используются реже.

Библиографический список

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Самара, 2006. 20 с.
2. Горелов И. Н., Седов Ф. К. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. Книга для внеклассного чтения учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
4. Котова Л. Н. Об одной разновидности имплицитных лакун // Вестн. Удмурт. ун-та, 2011. № 2. С. 130–136.
5. Кузьмина Н. А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 336 с.
6. Кунавина М. С. Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных теглайнов на русский язык // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. Филологические науки, 2013. № 4. С. 31–37.
7. Ладутько М. В. Морфемы как средство создания эмотивности поэтического текста // Русский язык и литература, 1999. № 2. С. 86–93.
8. Мощева С. В. Способы достижения экспрессивности в рекламном тексте: языковые и неязыковые выразительные средства: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2008. 108 с.
9. Рогожина Г. С. Фоносемантика газетного заголовка // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. Языкознание, 2012. Т. 7, № 1. С. 3–6.

10. Соболева Н. П. Проблемы и особенности перевода рекламных текстов, содержащих фразеологические единицы (на материале русскоязычных и англоязычных слоганов к фильмам) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). С. 187–190.
11. Флоря А. В. Русская стилистика: курс лекций. 5-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2013. 891 с.
12. Щуклина Т. Ю. Лингвистические средства создания экспрессивности русских рекламных текстов // Филология и культура, 2008. № 12. С. 4–6.
13. Van Herk, G. What is sociolinguistics / G. Van Herk. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2012. 262 p.
14. Webber, E. Merriam-Webster's dictionary of allusions / E. Webber, M. Feinsilber. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, 1999. 608 p.

References

1. Belousova N. P. Main characteristics of slogan as a subgenre of the modern Russian advertising discourse : thesis abstract. ... Cand. Sc. in Philology : 10.02.01. Samara, 2006. 20 p.
2. Gorelov I. N., Sedov F. K. Fundamentals of psycholinguistics. M., 2001. 304 p.
3. Zhuravlev A. P. The sound and meaning. M., 1991. 159 p.
4. Kotova L. N. About one type of implicit lacunas // The Bulletin of Udmurt State University, 2011. № 2. P. 130–136.
5. Kuzmina N. A. The modern Russian language. Lexicology: theory, training, control. M., 2010. 336 p.
6. Kunavina M. S. Peculiarities of verb translation in taglines from English into Russian // The Bulletin of Moscow State University. Ser. Philology, 2013. № 4. P. 31–37.
7. Ladutsko M. V. Morphemes as the means for emotivity creation in poetry // Russian language and literature, 1999. № 2. P. 86–93.
8. Moscheva S. V. Means of expressivity creation in advertising: verbal and non-verbal expressive. Ivanovo: Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 2008. 108 p.
9. Rogozhina G. C. Phonosemantics of the newspaper heading // The Bulletin of Leningrad State University. Ser. Linguistics, 2012. Vol. 7, № 1. P. 3–6.
10. Soboлева N. P. Problems and peculiarities of translation of Russian and English taglines with phraseological units // Philology. Theory and Practice. 2013. № 12 (30). P. 187–190.
11. Florya A. V. Russian stylistics: lectures. M., 2013. 891 p.
12. Schuklina T. U. Linguistic means of the expressivity creation in Russian advertising // Philology and Culture, 2008. № 12. P. 4–6.
13. Van Herk, G. What is sociolinguistics / G. Van Herk. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2012. 262 p.
14. Webber, E. Merriam-Webster's dictionary of allusions / E. Webber, M. Feinsilber. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, 1999. 608 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 81:008(07)

*Ереванский государственный
университет
доктор филол. наук, профессор,
завкафедрой русского языкознания,
типологии и теории коммуникации
Брутян Л.Г.
Армения, г. Ереван, тел. 37493 408039
email: lilit.brutian@gmail.com*

*Yerevan State University
Doctor of philological sciences, full
professor, Head of Chair of Russian
Linguistics, Typology and Theory of
Communication
Brutian L.G.
Armenia, Yerevan, tel: 37493 408039
email: lilit.brutian@gmail.com*

Л.Г. Брутян

УЛЫБКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу одного из средств невербальной коммуникации, а именно улыбке как разновидности мимики. Показывается, что улыбка многозначна не только в рамках одной культуры, но и по-разному проявляется и интерпретируется в разных лингвокультурах, поэтому изучение этого средства невербальной коммуникации актуально и важно во избежание конфликтов культур и межкультурного непонимания.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, невербальный язык, улыбка, культура, интерпретация, межкультурный конфликт.

L.G. Brutian

SMILE IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to the analysis of one of the means of non-verbal communication, in particular, to the smile as a variety of face expression. It is shown that smile is polysemnatic not only within one culture but that it has various manifestations and interpretations in different linguo-cultures, hence, to avoid intercultural conflicts and misunderstanding it is important and urgent to study the given means of non-verbal communication.

Key words: intercultural communication, non-verbal language, smile, culture, interpretation, intercultural conflict.

В настоящее время налицо резко возросший интерес к проблемам коммуникации, в том числе межкультурной коммуникации, обусловленный интенсификацией контактов самого разного типа вследствие целого ряда причин общественно-политического, экономического, технологического характера. Этим, в свою очередь, объясняется стремление понять механизмы осуществления эффективной коммуникации с целью минимизации столкновений и, тем более, конфликтов в процессе общения и в результате – гармонизации отношений между коммуникантами.

Если учесть, что каждый знак языка (вербального, а также невербального) интерпретируется неоднозначно в зависимости от ситуации общения, контекста и других факторов даже в рамках одной лингвокультуры, одного языка и что в разных лингвокультурах он может пониматься по-своему, то с этой точки зрения обращение к исследованию знаков невербального общения (а они еще более неуловимы), тем более в контексте межкультурной коммуникации, приобретает большую **актуальность и важность**.

Невербальная коммуникация – это важная составляющая процесса коммуникации, которая может иметь место без вербального сопровождения и параллельно с вербальной коммуникацией. В последнем случае невербальные средства коммуникации либо усиливают то, что выражено вербально, либо вступают в противоречие с тем, что сообщается словами. Уже хотя бы поэтому чрезвычайно важна правильная интерпретация невербальных средств общения. Исследования показывают, что при общении вербальной составляющей придается всего 7% значимости, 38% – паралингвистическим средствам и 55% – невербальным средствам общения [см. 13; с. 177, 117, 12; с. 95]. Получается, что 93% смысла выводится по тому, как мы говорим, а не по тому, что мы говорим. Действительно, жесты, телодвижения, взгляд иногда бывают красноречивее слов. Слова, таким образом, «лишь верхняя и не самая значительная часть огромного айсберга, которому можно уподобить нашу коммуникацию. Иногда невидимая часть айсберга важнее для взаимопонимания (или играет значительную роль в его нарушении), чем вербальная» [3; с. 10]. Мысль о большей важности (в определенном смысле) невербальных средств общения была высказана еще в древности. Так, Конфуцию принадлежит фраза: «Лучше увидеть лицо, чем услышать имя». А вот что думает по этому поводу Ларошфуко: «У всякого чувства есть свойственные лишь ему одному жесты, интонации и мимика; впечатление от них, хорошее или дурное, приятное или неприятное, и служит причиной того, что люди располагают нас к себе или отталкивают» [5; с. 72]. Ницше писал: «Люди свободно лгут ртом, но рожь, которую они при этом корчат, все-таки говорит правду» [6; с. 303].

Важной составляющей невербальной коммуникации является **мимика**. Посол Китая в России в одном из своих интервью признался: «Никакие книжные знания и документы не заменяют человеческого общения. Я хочу видеть выражение лица моего собеседника, понять, почему он улыбается или огорчен» [12; с. 263]. Действительно, выражением лица можно выразить очень многое, не обращаясь к словам. Не случайно в этом смысле выражение *“на твоём (его) лице все написано”*. Изменение выражения лица, т.е. мимика, является важным элементом невербальной коммуникации, так как помогает говорящему излагать свои мысли полнее, точнее, понятнее для собеседника, передавать отношение к тому, о чем говорится. Является ли мимика универсальной или культурно специфичной? Как справедливо считает А.П. Садохин, «хотя многие исследователи согласны с тем, что представители разных культур одинаково реагируют на некоторые раздражители, но только печаль, счастье и отвращение проявляются одинаково всеми людьми, а прочие эмоции могут выражаться по-разному» [9; с. 164].

Из мимических движений лучше всего исследована **улыбка**. Что же из себя представляет такой, на первый взгляд, понятный всем знак общения? Что же такого магического в улыбке, почему она имеет волшебную силу бумеранга? Вот что пишет об улыбке Н.И. Формановская: «Улыбка, как и вежливость, существует только для другого, никакой “самоценностью” она не обладает, а, посланная собеседнику, имеет истинную магическую силу. Послушаем В. Солоухина: “А ведь у людей в распоряжении

есть... улыбка. Посмотрите, почти все у человека предназначено для самого себя: глаза – смотреть, ноги – ходить, рот – поглощать пищу, – все нужно самому себе, кроме улыбки. Улыбка самому себе не нужна. Улыбка предназначена другим людям, чтобы им с вами было хорошо, радостно и легко"... Продолжая эту мысль, можно сказать, что улыбка создает "силовое поле положительного знака"!» [13; с. 119-120].

Улыбка как знак невербальной коммуникации многозначна: с ее помощью передают свое хорошее настроение, симпатию к своему собеседнику, снисхождение или иронию по отношению к нему, показывают доброжелательность, а также хорошее воспитание. Важно при этом отметить, что не только в рамках одной и той же культуры улыбка выражает разные смыслы и используется в разных ситуациях – улыбка очень по-разному используется и интерпретируется в разных культурах. Принято считать, и по праву, что «на Западе все улыбаются». При этом в целом улыбка во всех культурах Запады ассоциируется прежде всего с радостью, положительными эмоциями, тогда как типичная улыбчивость азиатов может являться одновременно как выражением положительных эмоций (симпатии, радости и т.д.), так и средством скрыть негативные (недовольство, удивление, растерянность и т.д.) [см. 9; с. 163].

Рассмотрим подробнее особенности улыбки в разных культурах. А.В. Павловская пишет в этой связи: «Каждый народ улыбается в разных ситуациях. Конечно, есть улыбка вежливости, присущая, кстати, в большой степени английской культуре и являющаяся частью воспитания и хорошего поведения. Вошел в лифт – улыбнулся: мол, все в порядке, я свой. Задел плечом на улице – еще улыбка: не волнуйтесь, я ничего плохого не имел в виду, драки не будет. В магазине продавец улыбается покупателю: неплохо бы и купить чего-нибудь, – а покупатель продавцу: не бойся, не обману. Есть улыбка американская – крайняя степень формальности, когда в нее часто не вкладывается уже никакого смысла, ничего, кроме механического движения мышц да демонстрации работы своего дантиста. Но у каждого народа существуют моменты, когда улыбка является естественным и неудержимым выражением чувств, когда за ней стоит истинное движение души и сердца. Особенно это заметно у народов, привыкших скрывать свои чувства. Неулыбчивые по природе финны расплываются, хотя и против воли, когда встают на лыжню, которая опутывает всю эту довольно немаленькую страну. Суровые неразговорчивые исландцы не могут сдержать радости, оказавшись в бассейнах с природной горячей водой, которые разбросаны по всему острову. Сдержанные англичане улыбаются детской чистой улыбкой в двух ситуациях: в саду и за чашкой чая» [7; 216]. Как видим, у разных народов есть улыбки, идущие от души (такие улыбки характерны, к примеру, для русского человека), а есть улыбки дежурные, этикетные. Вот что говорит по этому поводу известный русский кинорежиссер Никита Михалков: «Для русского человека внешние проявления жизни имеют намного меньше значения, чем внутренние. За границей – наоборот. Во Франции, например, можно нахамить человеку, но если это делается с улыбкой, то и оскорбляться необязательно... Сколько раз за границей я покупался на эту видимую приветливость. Но улыбка там ничего не стоит – это способ общения и... отчуждения. Для нас же улыбка значит очень многое. Русский на улыбку летит, как бабочка на огонь, а натывается на стеклянную стену» [10; с. 28-29]. В связи с указанным выше вспоминается рассказ об одной ереванке, много лет прожившей во Франции. Как-то в Ереване в перестроечные годы она, заядлая вязальщица, долго выбирала нитки в одном магазине, где ее очень терпеливо обслуживала молоденькая продавщица, показывая

каждой моток ниток, на который указывала потенциальная покупательница. В итоге та ничего не купила, раздраженно бросив в лицо продавщице фразу: «А почему вы не улыбаетесь?» Для этой армянки оказалась важнее не внутренняя доброжелательность, готовность быть полезной, а отсутствие улыбки.

Очень много сказано и написано о пресловутой американской улыбке. В США улыбка является неотъемлемым атрибутом коммуникации, знаком успешности и благополучия. Как пишет В.Г. Крысько, «начальник должен показывать подчиненным, а подчиненные – клиентам, покупателям, что все идет хорошо. Быть угрюмым – все равно что быть грязно одетым. Они приучены улыбаться, и это им нетрудно делать» [4; с. 276]. С.Г. Тер-Минасова по поводу американской улыбки пишет следующее: «Знаменитая американская улыбка вызывает разную реакцию у русских: одни восхищаются приветливостью (принимая ее за естественную положительную реакцию), другие недоумевают, третьи не одобряют и относятся подозрительно. Свидетельство русского языка: словосочетания *дежурная улыбка*, *вежливая улыбка* имеют отрицательные коннотации: дежурная – значит, по обязанности, вежливая – значит, не от души. Сатирик Михаил Задорнов назвал американскую улыбку хронической. Комментарии излишни: хронической в русском языке бывает только болезнь. На фотографиях в прессе американские деятели улыбаются счастливой белозубой американской улыбкой. В культуре Америки улыбка также и социальный признак преуспевания. Если вы выдвинули свою кандидатуру на любой общественный пост, вы должны улыбаться на всех фотографиях, чтобы будущие избиратели видели: у этого человека все в порядке, у него есть деньги, успех, спокойная совесть, он улыбается, он доволен, ему можно довериться. Автоматизм американской улыбки настолько велик, что жена президента Хилари Клинтон улыбается фотографам даже на траурной церемонии похорон принцессы Дианы. *Keer smiling* – девиз американского образа жизни: “что бы ни случилось – улыбайся”. Напускной оптимизм в любой ситуации – вот та черта американского национального характера, которая официально одобрена и внедряется всеми средствами, в том числе и языковыми» [11; с. 190-191]. Г. Гачев, говоря в свойственной ему метафорической форме об американской улыбке, которая имеет важные функции в обществе, называет ее “рабочим халатом”, “спецодеждой лица”: «Потому такие “чиирфул”=бодренькие, улыбаются, приветливы: это просто рабочий халат на жизнь всю, спецодежда лица. Ибо если ты – “глуми”, мрачен, озабочен своими проблемами, значит, ты – плохой работник можешь быть, испортишь деталь на конвейере труда, и тебя не примут на работу... А отчего ж такие “чиирфул”, все улыбаются?... Это маска, чтоб не подать виду, наружу выглядеть преуспевающим = значит, спасенным, богоугодным, отмеченным» [1; с. 434, 449]. И тем не менее, даже если американская улыбка – это всего лишь маска, внешняя оболочка, наличие улыбки намного приятнее, чем ее отсутствие. Так считает и замечательный советский писатель Юрий Нагибин, описывая американцев, их поведение, улыбку “от уха до уха”: «В американцах много привлекательного. Они гостеприимны и широки, они откровенны, искренни, отзывчивы, очень обязательны и точны. Иметь дело с американцами приятно... При всем том американцы эгоцентричны и неприметливы к окружающим. Чужая душевная жизнь их мало интересует. И потому не стоит переоценивать сердечность американцев при знакомстве и случайных встречах: восторженные крики, **улыбки от уха до уха**, похлопывание по плечу, можно подумать, что человек жить без тебя не может, а весь этот внешний энтузиазм сиюминутен, он не имеет ни корней, ни будущего. Впрочем, когда ты это знаешь и соответственно относишься, американская повадка кажется довольно милой. Разве лучше холод,

сухость, равнодушие? Что ни говори, а при поверхностном общении форма много значит» («Наука дальних странствий»).

Людей Запада удивляет, а иногда и пугает неулыбчивость, угрюмость и мрачность русских: «Одна из странных особенностей представителей русской культуры в глазах Запада – это мрачность, неприветливость, отсутствие улыбки. В наше время, когда международные контакты становятся все более массовыми и интенсивными, проблема улыбки неожиданно встала особенно остро. Русские не улыбаются (а отсюда уже – “мрачные дикари”, агрессивные от природы и тому подобный вздор), они неулыбающаяся нация, и поэтому нужно быть с ними настороже: от этих мрачных типов можно ожидать чего угодно. Как это ни смешно для русских, но фурор, произведенный М. С. Горбачевым в Англии в декабре 1984 года, с которого началось его “триумфальное шествие” в западном мире, был вызван, в частности, приятным сюрпризом – улыбающимся советским правителем высокого ранга. <...> У русских совершенно другой менталитет, другие традиции, другая жизнь, другая культура – в этом вопросе все прямо противоположное. Чем выше общественная позиция человека, тем серьезнее должен быть его имидж. ...Призыв Карнеги “Улыбайтесь” приводит к реплике: “Чему улыбаться-то? Денег не платят, вокруг проблемы, а вы – улыбайтесь”. Обращает на себя внимание употребление местоимения *чему*: русское сознание не воспринимает улыбку как адресованную *кому*, как бы не видит в ней коммуникативного смысла, воспринимая ее как отражательный, симптоматический сигнал настроения – благополучия”. <...> Часто пишут об особой “мрачности” русских, связанной с определенной традицией поведения. Причина здесь не в особенностях характера русских, а в особенностях их поведения. В России не принято улыбаться посторонним. В лучшем случае, это воспринимается как проявление глупости, но улыбка незнакомому человеку в определенной ситуации, в темном подъезде, например, может стать и опасной. В русском языке есть поговорка: “Смех без причины – признак дурачины”. Серьезное, сосредоточенное выражение лица русских на улице – не признак их особой мрачности, а лишь традиция, считающая улыбку чем-то сокровенным и предназначенным близкому и приятному человеку”. Традиция эта имеет глубокие корни. Улыбка и смех – только в минуты радости, отдыха, легкости души. Во всех остальных случаях это глупость. Итак, претензия Запада к “загадочной русской душе”: почему не улыбаются? Наоборот, русские люди, попав в англоязычный мир, недоумевают по поводу улыбок». «Когда меня, – пишет далее С. Г. Тер-Минасова, – счастливицу, вернувшуюся из стажировки в Лондонском университете..., коллеги спросили, что же меня поразило больше всего, я ответила сразу: “Они улыбаются. Везде: на улице, в поликлинике, у лифта, абсолютно повсюду улыбаются совершенно незнакомым людям”..., от чего у меня несколько месяцев был культурный шок...». Автор резюмирует: «Итак, они огорчены, возмущены, шокированы... тем, что мы не улыбаемся; мы с удивлением отмечаем, что они улыбаются всем, всегда и везде. Решение этой “загадки” очень простое и лежит на поверхности: это типичнейший пример конфликта культур. ...В западном мире улыбка одновременно и формальный знак культуры, не имеющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься, и, разумеется, как и у всего человечества, биологическая реакция на положительные эмоции; у русских – только последнее. И не надо по этому поводу ни волноваться, ни пожимать плечами, ни подозревать в кознях – все нормально, все естественно: в одной культуре – так, в другой – иначе» [11; с. 187, 189-192]. В контексте сказанного выше Д.Б. Гудков абсолютно справедливо замечает: «Многие случаи КН

(коммуникативных неудач. – Л.Б.) в общении русских с американцами связаны со степенью знаковости улыбки в, соответственно, русском и американском ЛКС (лингвокультурном сообществе. – Л.Б.). Для русских улыбка оказывается в значительно большей степени “означена”, чем для американцев, для последних значение приобретает именно отсутствие улыбки, которое может восприниматься ими как знак нежелания вступать в контакт или стремления этот контакт прервать» [2; с. 61]. Приведем пример конфликта культур в связи с неверной интерпретацией “американской улыбки”. Группа американских студентов, находясь в Ереване, зашла в ресторан. Их обслуживал молодой официант. Одна из американок несколько раз улыбнулась ему, так как она сама работала официанткой и знала, какой это тяжелый труд. Поэтому она решила улыбкой подбодрить молодого человека. Когда студенты выходили из ресторана, официант ждал их у входа и предложил улыбавшейся ему девушке пойти с ним. Ее отказ вызвал у него гневную реакцию, которую поддержали друзья, стоявшие рядом. Американские студенты вступились за свою соотечественницу, в результате чего произошла драка, закончившаяся коллективным приводом в милицию. Улыбка, имевшая для американки значение “я понимаю ваши трудности”, для того, к кому она была обращена, имела значение “я приглашаю тебя к ухаживанию и готова на это ухаживание ответить”. Молодой человек почувствовал себя обманутым. Неверная интерпретация знака одним из коммуникантов в итоге привела к серьезному конфликту [см. 2; с. 62-63].

Выше вскользь упоминалась специфичность улыбки азиатов. Особенно отличается “улыбка японская”, неправильная интерпретация которой может привести к культурному шоку. Например, европейцев шокирует то, что японцы с улыбкой говорят о таких вещах, как болезнь или смерть близких людей. Это послужило основой для формирования стереотипа об их бездушии, жестокости и цинизме. Однако в подобных случаях улыбку надо понимать в том смысле, какой она имеет в японской культуре поведения, а не в европейской. В Японии улыбка означает нежелание беспокоить окружающих своими личными горестями и проблемами. В книге «Ветка сакуры» Вс. Овчинников пишет: «Если фразу “у меня серьезно заболела жена” японец произносит с улыбкой, дело тут не в каких-то загадках восточной души. Он просто хочет подчеркнуть, что его личные горести не должны беспокоить окружающих. Обуздывать, подавлять свои эмоции ради учтивости японцы считают логичным. Но именно эта черта чаще всего навлекает на них подозрение в коварстве». Во время второй мировой войны, когда в японские семьи стали приходиться известия о гибели близких, родственники встречали эти новости с улыбкой, хотя, несомненно, они испытывали глубокую скорбь. В этом – проявление японской деликатности [8; с. 206-208]. Улыбка – это признак хорошего воспитания, вежливости и деликатности. В Японии улыбка, смех являются также признаком смущения и неуверенности. По этой причине возникают ситуации непонимания, когда европеец сердится, а японский партнер, смущаясь, улыбается. Если европеец не знает этой особенности японской культуры, то его гнев увеличивается, поскольку он может подумать, что над ним смеются [9; с. 163].

Улыбка в Японии – это и знак дружеского расположения, и знак скрытности, и выражение сдержанности, и выражение открытого проявления чувств, и знак смущения, растерянности в сложных ситуациях. Улыбка японца может означать: “Я понимаю” или “Я не понимаю”. Неудивительно поэтому, что самая обычная улыбка японцев – это “загадочная улыбка”. Такие улыбки встречаются и на лицах будд в храмах, и на лицах каменных статуй, украшающих улицы [см. 8; с. 206-208].

И в конце приведем мудрые, замечательные слова Матери Терезы, известной на весь мир сестры милосердия: «Если даже нет ничего, чтобы помочь нуждающемуся, всегда можно подарить человеку улыбку или рукопожатие. Часто это даже больше, чем все остальное».

Библиографический список

1. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. М.: Восток-Запад, 2007. 256 с.
4. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 191 с.
5. Ларошфуко де. Суждения и афоризмы. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 382 с.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла//Ницше Ф. Сочинения. М., 1990, т. 2. 832 с.
7. Павловская А.В. Англия и англичане. М.: Изд-во Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. 272 с.
8. Пронников В.А. Ладанов И.Д. Японцы/Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Наука, 1985. 348 с.
9. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М: ИНФРА-М., 2010. 288 с.
10. Тер-Аракелян Р.А. Лекции по переводной грамматике. Ереван: Макмиллан-Армения, 2006. 143 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008а. 264 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008б. 344 с.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.

References

1. Gachev G.D. Mentalities of the world peoples. M., 2003. 544p.
2. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. M., 2003. 288 p.
3. Kashkin V.B. Principles of the theory of communication. M., 2007. 256 p.
4. Krysko V.G. Ethnopsychology and intercultural relations. M., 2002. 191 p.
5. Laroshfuko F. de. Thoughts and aphorisms. M., 1990. 382 p.
6. Nitzshe F. On the other side of good and evil // Nitzshe F. Works. M., 1990, vol. 2. 832 p.
7. Pavlovskaya A.V. England and the English. M., 2005. 272 p.
8. Pronnikov V.A., Ladanov I.D. The Japanese. M., 1985. 348 p.
9. Sadokhin A.P. Intercultural communication. M., 2010. 288 p.
10. Ter-Arakelian R.A. Lectures on translational grammar. Yerevan, 2006. 143 p.
11. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. M., 2008. 264 p.
12. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures. M., 2008. 344 p.
13. Formanovskaya N. I. Speech etiquette and the culture of communication. M., 1989. 159 p.

УДК 811.612.91

Воронежский государственный университет

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и искусств

Пляскова Е.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +79515406008

e-mail: elenaplyaskova@yandex.ru

Voronezh State University

the Department of Humanities and arts

PhD, associate professor

Plyaskova E.A.

Russia, Voronezh, +79515406008

e-mail: elenaplyaskova@yandex.ru

Е.А. Пляскова

КУЛИНАРНЫЕ ОБРАЗЫ КАК КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЕ СИМВОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЬЕТНАМСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

В статье рассматриваются некоторые кулинарные образы вьетнамской культуры, ставшие символами кулинарного кода культуры, репрезентированные в компаративных фразеологизмах.

Ключевые слова: вьетнамская фразеология; компаративные фразеологизмы; национальная картина мира; лингвокультурология.

E.A. Plyaskova

CULINARY WORDS ARE AS CULTURALLY SIGNIFICANT SYMBOLS (BASED ON THE VIETNAMESE COMPARATIVE IDIOMS)

This article discusses some culinary words of Vietnamese culture that have become symbols of the culinary code of culture, represented in the comparative phraseology.

Key words: vietnamese phraseology; comparative idioms; national picture of the world; cultural linguistics.

Роль еды в жизни человека трудно переоценить. Как совершенно справедливо отмечает Е.В. Капелюшник, «кулинарные традиции, формирующиеся на протяжении длительного времени, дают богатый материал для анализа мифологических, религиозных представлений нации, социально-исторического, духовно-нравственного и бытового жизненного опыта народа» [5]. Поэтому неудивительно, что с течением времени продукты питания и популярные блюда приобретают символическое значение и становятся культурными символами. «Разнообразные элементы пищевой традиции, получая образные и оценочные значения, обретая символические смыслы, становятся единицами кулинарного кода, который репрезентируется как на внеязыковом уровне (в обрядах, ритуалах), так и в языковой системе» [6; с. 7].

У каждого народа культурно значимыми становятся различные образы. Например, для русской культуры такими образами-символами, составляющими кулинарный (или пищевой) код культуры, являются *хлеб, каша, молоко, редька* и др. Эти единицы «обладают, помимо общезыкового, еще и особым значением как знаки второй семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [3; с. 34-35].

Русский кулинарный код изучен достаточно хорошо. См., например, работы

Е.В. Капелюшник [6], М.Л. Ковшовой [7; с. 230-301], А.В. Боровковой [2] и др. Интересным представляется выявить символическое значение кулинарных образов другой культуры. Рассмотрим символику вьетнамских кулинарных образов. Выбор вьетнамской культуры не случаен, т.к. широко известно своеобразие вьетнамской национальной кухни.

Символика образов ярче всего проявляется во фразеологизмах, которые являются «трансляторами культурных смыслов» [6; с. 9]. «Представляется, что носитель языка, будучи также носителем культурного знания, пусть во фрагментированном, обобщенном виде, воспроизводя и воспринимая фразеологизм, понимает не только его языковое значение и сопряженную с ним оценку происходящего в мире, не только эмоцию, которую вызывает образ фразеологизма. Носителем языка воспринимаются и транслируются заключенные в данном фразеологизме культурные смыслы...» [7; с. 266]. Иное дело, если мы сталкиваемся с фразеологизмами другого языка. Изучение иноязычных фразеологизмов позволяет понять особенности восприятия мира носителями иной культуры, ведь «базовые понятия национальной культуры находят воплощение в символах, образах, концептах, а также в константах культуры, адекватное восприятие которых представителями другой культуры очень затруднено...» [12; с. 176].

Особенно интересны, на наш взгляд, компаративные фразеологизмы, возникшие на базе сравнений, которые «служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – ее оценивания в образах-эталонах» [10; с. 241]. При изучении данных фразеологизмов возникает вопрос об истоках культурной мотивации тех или иных образов-эталонов. Как утверждает В.А. Маслова, «...эталон отражает не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира» [8; с. 44], «выбор эталонов или символов в наивной картине мира, как правило, мотивирован» [8; с. 71]. Однако со временем эта мотивация оказывается затемненной для носителей языка, тем более она может быть непонятна носителю иной культуры. Задача исследователя – проникнуть во «внутренний мир» фразеологизма, т.е. эксплицировать интуитивные представления носителей языка об образах, лежащих в основе фразеологизма и влияющих на понимание его общего смысла.

Кулинарные образы вьетнамской культуры уже привлекали внимание исследователей [см., например: 4; 7; 11], однако кулинарные образы-символы компаративных фразеологизмов еще не были предметом специального изучения.

Если в русской кухне основными традиционно являются хлеб и каша (достаточно вспомнить пословицу «Хлеб и каша – пища наша»), то во вьетнамской кухне основной продукт – рис. Рис для вьетнамцев – «это история, культура, культ, самосознание нации» [4; с. 17]. Вьетнамский стол невозможно себе представить без риса. Слово *ăn cơm* «есть, принимать пищу» состоит из двух частей: *ăn* «есть» и *cơm* «варёный рис». Ср. следующие пословицы и фразеологизмы: *ăn cơm nếm thắm về sau* (горька работа, да рис сладок), *có gạo mới gạo ra cơm* (есть рис – значит есть еда), *áo vải cơm rau* (простая рубашка, рис с овощами), *áo mẹ cơm cha* (рубашка мамы, рис папы), *bát cơm tanh áo* (пиала риса, лоскут рубашки) «необходимый минимум для жизни», *cơm no áo ấm* (сытный рис, теплая рубашка), *áo dày cơm nặng* (толстая рубашка, много риса), *nhường cơm sẻ áo* (уступить рис, поделиться одеждой) и др. Символика риса как основы жизни во вьетнамской культуре совпадает с символикой хлеба в русской.

Значимость риса для вьетнамской культуры проявляется и в олицетворении риса в некоторых фразеологизмах, например: *câm như thóc* (нем как зёрнышко риса), *im như thóc* (молчать как зёрнышко риса).

Особенности вьетнамской кухни отражены также во фразеологизмах *chua như mẻ* (кислый как рисовый грибок) «о неприятном, очень высоком женском голосе», *như như đổ mẻ vào mặt* (говорить как <будто> бросать рисовый грибок на лицо) «ругать, оскорблять», *khinh như mẻ* (презирать как рисовый грибок) «пренебрежительно относиться к другим». Мэ (*mẻ*) – грибок, образующийся на забродившем варёном рисе и имеющий кислый вкус. Он используется для приготовления мяса, супа. Во фразеологизмах вкусовые качества продукта метафорически переносятся на человеческие отношения, а рисовый грибок является символом чего-либо неприятного.

Если обычный рис вьетнамцы едят каждый день и он им никогда не надоедает, то этого нельзя сказать о клейком рисе (это особый сорт риса). Раньше его готовили только на праздники или по особым случаям (например, на свадьбу, похороны, День памяти предков, 1-й и 15-й дни по лунному календарю и т. д.). Сейчас клейкий рис готовят в любой день, но его нельзя съесть много, т.к. он вызывает в желудке неприятные ощущения. Переваренный же рис становится совсем невкусным. Отсюда выражение *chán ngán như cơm nếp nát* (надоесть как переваренный клейкий рис). Переваренный клейкий рис становится во фразеологии символом-эталоном чего-либо слишком надоевшего. Ср. русский эквивалентный символ во фразеологизме *надоесть как горькая редька*.

Из рисовой муки во Вьетнаме делают лапшу. Во фразеологии варёная лапша является эталоном физической вялости и, как следствие, слабости: *mềm như bún* (мягкий как варёная лапша) «слабый (о руке / руках)».

Во вьетнамской кухне большое количество разнообразных соусов, и это тоже нашло отражение во фразеологии, где соусы являются символом волнения, раздражения, душевного страдания. Например, фразеологизм *gắt như mắm* (раздразниться как рыбный соус) используется в ситуации, когда человек легко выходит из себя. Соус мам (рыбный соус) делается из рыбы или креветок, которые солят в бочках и оставляют на 1-3 месяца; вытекающая из бочки жидкость и есть соус. Он солёный и имеет не очень приятный запах тухлой рыбы. Такой соус используется для приготовления разных блюд, а также подаётся к несоленому мясу, вареным овощам. Во фразеологизме свойство человека выходить из себя метафорически уподобляется свойству готового соуса вытекать из бочки.

Еще один фразеологизм: *khinh khinh như chĩnh mắm thối* (презрительно / презрительный как кувшин испорченного рыбного соуса) «презрительно относиться к кому-либо; быть презрительным по отношению к другим». Рыбный соус и так имеет неприятный запах, а испорченный соус тем более. Фразеологизм также построен на игре значений (*khinh khinh* «презрительный» и «неприятно пахнущий») и противопоставлении внутренней несодержательности и внешнего высокомерия.

Одним из самых вкусных и популярных соусов во Вьетнаме считается соус Бан. Это соус из риса и соевых бобов, впервые сделанный в деревне Бан. Для его приготовления сваренный рис оставляют бродить, жареные соевые бобы замачивают в воде на 7 суток. Воду из соевых бобов смешивают с забродившим рисом и наливают в кувшин. Этот кувшин с соевым соусом оставляют на солнце на 2-6 месяцев (лучше на 2 года). В течение этого времени крестьяне взбалтывают соус каждое утро. Во фразеологии страдающая душа человека метафорически уподобляется взболтанному соусу: *nát như trong Bần* (взболтанный как соевый соус Бан) «страдать, волноваться».

Символом вьетнамской культуры является пирог чынг – национальное блюдо (варёный рисовый пирог с начинкой из мяса и гороха), которое обязательно готовится на вьетнамский Новый год (Тэт) и символизирует землю. Пирог заворачивается в листья донга (бамбука) в виде квадрата, перевязывается крест-накрест и варится в большой кастрюле при сильном кипении 10-12 часов, после этого вынимается и укладывается под пресс в свежую воду на 8-10 часов. Перед едой пирог разворачивают и режут на кусочки.

На праздник обычно делают много таких пирогов, но клейкий рис, являющийся основой пирога, вызывает в желудке неприятные ощущения, поэтому его нельзя много съесть. Отсюда компаративный фразеологизм *điêng đưng như bánh chưng ngày Tết* (быть равнодушным как к пирогу чынг в Тэт) «быть равнодушным к кому- или чему-либо».

Интересен эталон доброты во вьетнамской фразеологии. Это батат: *hiền như củ khoai* (добрый как клубень батата) «очень добрый, простодушный». Батат (иногда его называют сладким картофелем) – многолетнее клубненозное растение, очень разное на вкус в зависимости от сорта. Одни сорта близки по вкусу к обычному картофелю, другие намного слаще. Клубни батата широко использовались во вьетнамской кухне и считались простой едой (как на Руси репа или редька). Из батата несладких сортов готовят муку и крахмал, из батата сладких видов – спирт, повидло, пюре; печёный сладкий батат имеет вкус фруктов. Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – олицетворению неживого: батат наделяется человеческим качеством (добротой), потому что кормит людей. Кстати, еще одним эталоном доброты по этой же причине является земля: *hiền như sục / sục đất* (добрый как земля / ком земли).

Таким образом, национальная культура находит яркое отражение в компаративных фразеологизмах. Выделение эталонов-символов, объяснение их значений через обращение к сказкам, мифам, пословицам, особенностям национальной кухни и т.д. помогает понять другую культуру и способствует успешной коммуникации. Двухязычные фразеологические словари, как правило, не описывают эти значения, ограничиваясь подбором эквивалентного выражения. Безэквивалентные фразеологизмы иностранного языка зачастую оказываются за рамками лексикографических изданий. Попыткой исправить сложившуюся ситуацию стал «Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов (с лингвокультурологическими комментариями)» [9].

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
2. Боровкова А.В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2014, № 383. С. 21-26.
3. Гудков Д.Б, Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
4. Глазунова С.Е. Национальная вьетнамская кухня и традиции застолья как отражение национальной культуры и философии // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Шестой межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 17-18 июня 2008 г.) : Сб. ст. Ч. 2. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 15-26.
5. Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11-14.
6. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 21 с.
7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 456 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология : уч. пособие. М. : Академия, 2004. 202 с.
9. Пляскова Е.А., Донг Тхи Тхань Там Учебный тематический словарь русских и вьетнамских компаративных фразеологизмов (с лингвокультурологическими комментариями). Воронеж: Научная книга, 2014. 147 с.

10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Тюменева Е.И., Нгуен Тхань Ха Национально-культурное своеобразие русских и вьетнамских фразеологизмов о еде // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Материалы IV Международной научно-методической конференции. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 434-438.
12. Чан Тхи Нау Лингвокультурологический потенциал константы «береза» в курсе русского языка для вьетнамских студентов. [Электронный ресурс]. <http://yandex.ru/yandsearch?lr=193&clid=9403&oprnd=8134093232&text=Чан+Тхи+Нау+&csg=1493%2C9338%2C12%2C5%2C0%2C1%2C0>

References

1. Berezovich E. L. Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies. M.: Indrik, 2007. 600 p.
2. Borovkova A.V. Metaphorization of names of plant foods in the Russian language: semasiologically and cognitive aspects // Bulletin of the Tomsk state University. 2014, no. 383. S. 21-26.
3. Gudkov D. B, Kovshova M. L. Corporal code of Russian culture: materials for the dictionary. Moscow: Gnosis, 2007. 288 p.
4. Glazunova S. E. National Vietnamese cuisine and tradition of a feast as a reflection of national culture and philosophy // Linguistics: methods of analysis, education technology. Sixth inter-University seminar on linguistics (Moscow, 17-18 June 2008). Part 2. M.: MGIMO-University, 2009. S. 15-26.
5. Kapelushnik E.V. Man through the prism of the culinary code of culture // Bulletin of the Tomsk state University. 2011. No. 345. Pp. 11-14.
6. Kapelushnik E. V. Culinary code of culture in the semantics of figurative language: author. dis. kand. filol. Sciences. Tomsk, 2012. 21 p.
7. Kovshova M. L. Linguoculture method in phraseology: culture Codes. M: Librokom, 2012. 456 p.
8. Maslova V. A. Cultural linguistics. M. : Academy, 2004. 202 p.
9. Plyaskova E.A., Dong Thi Thanh Tam Training thematic dictionary of Russian and Vietnamese comparative idioms (with linguocultural commentary). Voronezh: Scientific book, 2014. 147 p.
10. Teliya V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M.: School "Languages of Russian culture", 1996. 288 p.
11. Tyumeneva Y. I., Nguyen Thanh Ha National and cultural peculiarities of Russian and Vietnamese idioms about food // Problems of teaching of philological disciplines foreign students: Materials of IV International scientific-methodical conference. Voronezh: Scientific book, 2016. P. 434-438.
12. Tran Thi Nau Linguistic and cultural potential of the constant "birch" in Russian language course for Vietnamese students [Electronic resource]. <http://yandex.ru/yandsearch?lr=193&clid=9403&oprnd=8134093232&text=Чан+Тхи+Нау+&csg=1493%2C9338%2C12%2C5%2C0%2C1%2C0>

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 81'255.2

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
Д.ф.н., профессор кафедры английской филологии
Катермина В.В.*

*Россия, г. Краснодар, тел. +7(86166)33-709
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*Kuban State University, Krasnodar
The chair of English philology
Doctor of philological sciences,
full professor
Katermina V.V.*

*Russia, Krasnodar, +7(86166)33-709
e-mail: katermina_v@mail.ru*

В.В. Катермина

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА И ПЕРЕВОД

Статья посвящена рассмотрению эмотивной лексики и особенностям ее перевода на материале художественных текстов Ф.М. Достоевского. В статье подчеркивается, что эмотивность представляет определенную трудность не только при анализе, но при переводе текстов с одного языка на другой

Ключевые слова: эмоции, оценочность, эмотивная лексика, перевод, адекватность, художественный текст.

V.V. Katermina

EMOTIVE VOCABULARY AND ITS TRANSLATION

The article is devoted to the analysis of emotive vocabulary and its translation based on literary works by F.M. Dostoevsky. The article underlines that emotive words represent difficulty not only in the analysis but in the translation of literary texts from one language into another.

Key words: emotions, evaluation, emotive vocabulary, translation, adequacy, literary text.

Тезис о том, что эмоции – одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности, признается представителями разных наук, прежде всего психологами и философами. Это исходное положение у всех исследователей имеет общее уточнение: эмоции – особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, т.е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности.

Психологическая и психолингвистическая науки нацелены прежде всего на исследования функций эмоций в деятельности человека. Несмотря на четкость научных позиций, состояние изучения психологии эмоций, по мнению самих психологов, остается крайне неудовлетворительным. До сих пор не решена задача построения целостной, многоуровневой психологической теории эмоций. Это создает определенные трудности для лингвистов, обращающихся к проблемам языкового обеспечения эмоций.

Эмоции человека и механизмы их лингвистического обеспечения всегда были предметом научных изысканий. Текстолингвистика давно обратила внимание языковедов на проблему эмоций в тексте. Способность текстов волновать, воздействовать, заставлять переживать содержание, доставлять удовольствие всегда признавалось их неотъемлемым качеством. Но как языковое воплощение эмоциональности эмотивность текста и сегодня остается одной из наиболее неопределенных текстовых характеристик. Формирование лингвистических взглядов на данную проблему во многом обусловлено общенаучной традицией противопоставлять чувственное рациональному в природе человека. В связи с этим эмотивность долгое время рассматривалась как явление субъективное по своей природе, противоречащее принципу рациональности, информативности и не подлежащее лингвистическому описанию [5].

Ученые по-разному оценивают эмотивность. И.В. Арнольд считает, что «эмоциональный компонент значения может быть узуальным или окказиональным. Слово или его вариант обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство» [1; с. 106]. Многие лингвисты, сторонники рационализма в языке отрицают чувственный элемент в словах. В.Н. Комиссаров в работе «Введение в современное переводоведение» пишет, что в области коннотации основные проблемы перевода связаны с наличием у слова эмоционального, стилистического или образного значения. Называемые объекты могут восприниматься языковым коллективом положительно или отрицательно, и соответствующие слова, помимо предметно-логического, обладают еще и сопутствующим эмоциональным значением. Проблемы возникают в тех случаях, когда такие значения у слов-соответствий не совпадают или совпадают не полностью [7].

Л.С. Бархударов считает, что «в любом языке существуют слова и выражения, компонентом семантической структуры которых является эмоциональное отношение говорящего к называемому словом предмету или понятию, то есть отрицательная или положительная оценка тех предметов, явлений, действий и качеств, которые обозначаются данным словом» [2; с. 111].

«Эмоциональное значение отражает не собственные, естественные признаки самих вещей, а их положительное или отрицательное значение для жизни человека» [10; с. 23].

Как известно, эмоции представляют собой «психические реакции, которые оценивают характер воздействия на человека внешних факторов и тем самым служат одним из главных механизмов регуляции его деятельности, направленной на освоение действительности и удовлетворение актуальных потребностей» [4; с. 10].

Эмоцией называется относительно кратковременное душевное переживание: радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, а чувством – более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение и т.п.

Эмоции рассматриваются как психологическое отражение в форме пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта. Под эмоциональным арсеналом языка понимаются все языковые средства, используемые для передачи психического переживания состояния субъекта. Эмоциональный, чувственный компонент возникает на базе предметно-логического, но, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснить предметно-логическое значение или значительно его модифицировать.

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи её с оценкой оказываются особенно тесными. Сопряжение эмоций и оценки не утрачивают актуальности.

В семантике лексических единиц эмоциональность в чистом виде не встречается, ей всегда сопутствует оценочность. Взаимодействие оценок и эмоций в квалификационной деятельности человека отражается в тесной взаимосвязи эмоциональности и оценочности слова. Эмоции, как и оценки, распадаются на положительные и отрицательные, и их не всегда можно разграничить. Этим объясняется трудность в дифференцировании оценочных компонентов значения [10].

Некоторые ученые считают, что оценочность и эмоциональность – нерасторжимое единство. Н.А. Лукьянова отмечает, что «оценочность, представленная как соотношение слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [9; с. 4].

Чистыми знаками эмоций являются междометия. Эти слова составляют совершенно особый слой лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все типические черты, отличающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, т.е. возможность опущения без нарушения отмеченности фразы; отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадиация, которая состоит в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию [1; с. 106].

Многие эмоциональные слова, а междометия в особенности, выражают эмоцию в самом общем виде, даже не указывая на её положительный или отрицательный характер. *Oh*, например, может выражать и радость, и печаль, и многие другие эмоции: *Oh, I'm so glad; Oh, I'm so sorry; Oh, how unexpected!*

Значительной части междометий присуща четко выраженная эмоциональная окраска, что ограничивает их использование в определенных ситуациях общения. Так, например, бранным междометиям (*by Jove, черт возьми*) свойственна грубая просторечная окраска.

Известно, что в составе любого текста слова и выражения чувств и эмоций имеют особое значение. Они управляют многими параметрами текста, его «настроением», эмотивностью, напряженностью, мотивационной и ценностной направленностью [3].

Хотя эмоции являются общечеловеческой универсалией, их отражение в семантической системе каждого языка национально-специфично. Поэтому эмотивный компонент семантики языка можно рассматривать в составе лингвокультуроведческого аспекта.

Эмоции человека проявляются во всех видах человеческой деятельности и особенно в художественном творчестве. Собственная эмоциональная сфера художника отражается в выборе сюжетов, в манере письма, в способе разработки избранных тем и сюжетов [6].

В данной статье будут рассмотрены способы перевода эмотивно окрашенной лексики на материале произведений Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди» и вариантов их перевода.

Хотя положение о том, что эмотивная лексика включает в свое значение оценочный компонент и что оценочная структура различных классов эмотивной лексики неодинакова, можно считать общепризнанным, что избирать оценочные слова в качестве центрального критерия при выборе материала эмоциональной лексики нам представляется нецелесообразным, так как функциональная природа оценки различна.

Проблема адекватности передачи эмотивно-субъективной оценки с одного языка на другой не может быть успешно решена в пределах параллельных уровней средств: один и тот же тип эмотивности в разных языках выражается не обязательно средствами

одного и того же уровня. Так, русская разговорная лексика богата случаями эмоционально-экспрессивной деривации, что составляет одну из культурно-языковых особенностей русского языка, и они затрудняют смысловое восприятие иностранными читателями текстов русской художественной литературы, как в оригинале, так и в переводе.

Перевод – это «вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Межъязыковая коммуникация, осуществляемая через посредство перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс непосредственного речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком» [8; с. 43].

Одна из главных задач переводчика заключается, таким образом, в максимально полной передаче содержания оригинала. Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при которой создаваемый текст на переводящем языке мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться с ним в содержательном отношении.

«Переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли рецептора оригинала, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» языка. Успешное выполнение функций переводчика предполагает поэтому всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на исходном языке» [8; с. 210].

Анализ производился на двух уровнях языка: морфологическом и лексико-семантическом, что позволяет провести параллели между средствами выражения эмоциональности этих уровней в русском и английском языках.

Способы перевода словообразовательных средств.

Перевод, осуществляемый на уровне передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода, является переводом эквивалентным. В ходе анализа выяснилось, что основной корпус составляют примеры, которые можно отнести к группе частичных эквивалентов:

Ведь вы слабенькие, как соломинка слабенькие, это я знаю. Чуть *ветерочек* какой, так уж вы и хвораете [11]. – I know you're as frail as a blade of grass, that you catch a cold at the *slightest puff of wind* [12].

Сравнил я вас с *птичкой* небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной [11]. – I compared you to *a little bird* in the sky created for the solace of man and the adornment of nature [12].

Прости, дитя мое! – говорил я, – я так вдруг объявил тебе, а может быть, это еще и не то ... *бедненькая!*.. [11] – "...Forgive me, my child!" I said. "I told you so abruptly, and perhaps it's a mistake...*poor little thing!*..." [12]

В эту минуту жертвой старика был один *маленький кругленький и чрезвычайно опрятный немчик*, со стоячими, туго накрахмаленными воротничками... – At this moment the old man's victim was *a small, round, very neat little German*, with a stiffly starched stand-up collar... [12].

...могла бы выйти *премиленькая вещица* [11]. – ...it might turn out *quite a charming little thing* [12].

Все приведенные выше примеры были примерами частичных эквивалентов перевода на этом уровне языка. Переводчикам приходилось искать наиболее равноценные средства выражения эмоциональности в английском языке, чтобы текст перевода приобрел

изначальную, эмоциональную нагрузку. Главный герой повести «Бедные люди» Макар Девушкин с особой нежностью и беспокойством относится к Варваре Алексеевне. Беспокойство о здоровье Вареньки описывает автор в первом из примеров. Слово *ветерочек* переводчик передал словосочетанием *slightest puff of wind*. Превосходная степень от *slight* в сочетании со значением слова *puff* – *a sudden light rush of air*, где употребление слова *puff* несет дополнительную коннотацию (*sudden*), не соответствует в полной мере оригиналу текста, потому что в слове *ветерочек*, что звучит несколько неестественно, коннотации «внезапный», хоть и легкий, нет. Для передачи уменьшительно-ласкательного значения таких слов, как *немочка*, *вещица*, были подобраны следующие эквиваленты – *a little German miss*, *a little thing*, которые лишь частично передают эмоциональную нагрузку, которую вложил в эти слова автор. Безусловно, такой перевод полностью не отражает намерение автора, но определенным образом он помогает воссоздать картину. Примеры ясно указывают, что при отсутствии формальных совпадений, точность достигается равноценными заменами – грамматическими, лексическими, стилистическими.

Достижения переводческой эквивалентности (“адекватности перевода”), вопреки расхождению в формальных и семантических системах двух языков, требуют от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно межъязыковые трансформации – с тем, чтобы увидеть текст перевода в исходном тексте, при строгом соблюдении норм языка перевода. Все виды трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно свести к четырем типам.

Перестановка, которая в данном случае продиктована различиями грамматических систем двух языков:

Однако же в воображении моем так и засветлела ваша *улыбочка*, *ангельчик*, ваша *добренькая*, *приветливая улыбочка* [11]. – But your *smile*, *my angel*, your *sweet smile* simply glowed in my imagination! [12]

Замена:

Вечером, часов в восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я *часочек-другой* люблю *поспать* после должности)... [11]. – It was eight in the evening when I awoke (as you know, my dear, I like to *take a nap* after work) [12].

Фраза *поспать часочек-другой* была заменена на английский фразеологизм *to take a nap* в одном переводе, и словосочетанием *to sleep for a short hour* в другом переводе [12].

Добавление:

А все-таки *стишки*, и ничего больше [11]. – Still, it's all *jingling verse* and nothing else [12].

В русском языке слово *стишки* уже имеет уничижительную коннотацию, для передачи которой к английскому слову *verse* было добавлено слово *jingling*, которое дает дополнительную характеристику плохого качества и маленького размера.

Опущение:

Я еще и в должность не собирался, а вы, уж подлинно как *пташка* весенняя, порхнули из комнаты и по двору прошли такая веселенькая [11]. – I was not nearly ready to go to work when you flitted out the house and walked across the yard with such a cheerful look.

Целую ваши *пальчики*, *маточка*, и пребываю вашим нижайшим слугою и вернейшим другом... [11]. – I kiss your *hands*, and remain ever your devoted slave, your faithful friend [12].

Слово *пташка* было опущено в переводе, что лишает дополнительной характеристики одного из персонажей, тем самым понижает эмотивность языка перевода. В по-

следнем из примеров помимо опущения был использован приём генерализации, что снижает уровень эмотивности переводного текста.

В обращениях, носящих уменьшительно-ласкательный характер, так называемых мелиоративах, эмотивность выражалась в транслитерации оригинала (*Варенька* – *Varenka*, *Алёша* – *Alyosha*, *Ваня* – *Vanya*, *Наташа* – *Natasha*), что абсолютно необоснованно, так как эмотивный оттенок остаётся непонятым для читателя. Таким образом, использование транслитерации не решает проблему перевода эмоционального значения имен, предусмотренное текстом оригинала.

В ходе анализа практического материала на уровне морфологии было отмечено, что в большинстве случаев переводчикам не удалось подобрать эквивалентные единицы перевода:

Я там купил парочку горшков с *бальзаминчиком* и *гераньку* – недорого [11]. – I have bought a few pots of *balsam* and *geraniums* for you – it didn't cost much [12].

Квартирка-то была, знаете, *маленькая* такая [11]. – The *room* was small, you know, and the walls [12].

– Лучше бы пойти, Наташа; ведь ты же хотела давеча и *шляпку* вот принесла [11]. – You'd better go, Natasha, you wanted to just now and fetched you *hat* [12].

...вскричал старик, с восторгом смотря на Наташу, у которой разгорелись *щечки*, а *глазки* весело сияли, как *звездочки* [11]. – said the old man, looking lovingly at Natasha, whose *cheeks* glowing and whose *eyes* were shining brilliantly like *stars* [12].

И разгуливают по белому свету в виде ходячих *афишек* к изданию [11]. – ...and were parading this world as walking *advertisements* of the edition... [12].

Она встала; *щечки* ее горели, *слезинка* стояла в глазах... [11]. – She got up, her *cheeks* were flushed, *tears* stood in her eye [12].

Через два месяца он был уволен поручиком и отправился в свое *сельцо* [11]. – Two months later he received his discharge with the rank of lieutenant and departed to his *village* [12].

В то время, именно год назад, я еще сотрудничал по журналам, писал *статейки* и твердо верил, что мне удастся написать какую-нибудь большую, хорошую вещь [11]. – At that time, just a year ago, I was still working for some papers, wrote *articles*, and firmly believed that I should succeed one day in writing something good on a large scale [12].

Указанные примеры наглядно демонстрируют, что эмотивность, выраженная в русском языке с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, зачастую не находит эквивалентного отражения в тексте перевода.

Ф.М. Достоевский очень ярко и детально описывает нелегкую судьбу и жизнь героев романа «Униженные и оскорбленные». Слово *сельцо*, имеющее в данном случае негативную окраску, было переведено английским *village*. В данном случае эмотивная окраска оригинала теряется в переводе, так как дефиниция *a collection of houses and other buildings... in a country area, smaller than a town* не содержит уничижительной коннотации. На примере перевода слова *статейка* мы видим, что с помощью суффикса в этом контексте слово несет в себе отношение персонажа к работе, которую он выполнял. Таким образом, автор выражает ощущение ничтожности, которое в переводе отсутствует. Дефиниция слова, *a separate piece of writing on a particular subject in a newspaper, magazine etc.*, не содержит подобных коннотаций.

Как видно, большая часть эмотивно-окрашенной лексики была заменена на слова с нейтральным значением. Например, при переводе уничижительное значение слов *афишек*, *статейки*, *сельцо* передано не было, так как при переводе были употреблены их нейтральные эквиваленты слова *advertisements*, *articles*, *village*.

Известно, что решения переводчика часто носят компромиссный характер. В рассмотренных выше случаях мы сталкиваемся с проблемой переводимости. Хотя эмоции являются общечеловеческой универсалией, их отражение в семантической системе каждого языка национально-специфично.

Результаты анализа языкового материала позволяют утверждать, что в большинстве случаев оттенок эмотивности, выраженный на морфологическом уровне в русском языке прибавлением суффиксов, приставок или комбинирования, при переводе теряется.

Способы перевода средств лексико-семантического уровня.

Далее мы рассмотрим эмоциональность, выраженную на лексико-семантическом уровне. Стилистическое богатство лексико-семантического уровня обоих языков обусловлено не только колоссальным числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также стилистическими разновидностями. Задача переводчика в данном случае состоит в том, чтобы подобрать эквивалент, который соответствует не только эмоциональной окрашенности, но и стилистическому потенциалу.

В случае, когда семантика и способы выражения эмотивности были поняты, переводчикам удалось найти наиболее полные эквиваленты.

К эмотивно окрашенным словам, которые являются *полными эквивалентами*, можно отнести следующие примеры:

Ну, Варенька, замечу вам еще мимоходом, что прегадкая женщина наша хозяйка, к тому же *суцая ведьма* [11]. – In passing, I may tell you that our landlady is NOT a nice woman. In fact, she is a *regular beldame* [12].

Одежду на ней можно было вполне назвать *рубищем*... [11]. – Her clothes might well be described as *rags and tatters* [12].

Отец убежден, что она просто какая-то *интриганка* [11]. – My father is convinced that she is simply a *schemer* [12].

...кто раньше *сконфузится* и опустит глаза... [11]. – ...would be the first to be *put off countenance* and drop his eyes... [12].

И зачем он *таскается* к Миллеру и что ему там делать? [11]. – And why does he *drag himself* to Miller's, what business has he there [12].

Старик смолчал и *забарабанил* пальцами по столу [11]. – The old man said nothing and *drummed* on the table with his finger-tips [12].

Народ-то все такой *целкопер*, ненадежный! [11]. – There're only *scribbling fellows* after all, an unreliable lot [12].

Как демонстрирует использованный материал, переводчикам удалось передать не только основное значение слов, но и их эмоциональную окраску, и стилистическое своеобразие. Были подобраны такие лексические единицы, которые полностью отражают коммуникативное намерение автора. Отметим, что немалую долю эмотивно-окрашенной лексики составляют глаголы, которые приобретают эту окраску на лексико-семантическом уровне. В некоторых случаях в переводе удалось максимально отразить как форму, так и содержание: *суцая ведьма* – *regular beldame*, *интриганка* – *schemer*, *забарабанил* – *drummed*.

Словосочетание *суцая ведьма* было переведено английским эквивалентом *regular beldame*. Во-первых, слово *regular* соответствует русскому *суцая* имеет следующую дефиницию *old-fashion.: complete; thorough*, а слово *beldame* имеет следующий перевод – *уст. старая карга, ведьма*. Таким образом, оба слова как в русском, так и в английском

языке относятся к устаревшим словам, следовательно, одинаковы в сфере употребления и несут одинаковую коннотацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие среди коннотативных значений слова компонента эмотивности составляет для переводчика определенную трудность при выборе эквивалента, но, тем не менее, дает возможность подобрать стилистически и эмоционально подходящее слово.

К *частичным эквивалентам* мы отнесли следующие примеры:

Прежде ведь я жил таким *глухарем*, сами знаете: смирно, тихо; у меня, бывало, муха летит, так и муху слышно [11]. – I used to live like a *hermit*, as you know: it was so peaceful and quiet that you could hear a fly flitting across the room [12].

...как новичок, сначала не знал, куда его *сунуть* (о романе) [11]. – ...and being a novice I did not know at first who *to offer* it to [12].

Старик Ихменев приехал сюда хлопотать по своей тяжбе, а я только что *выскочил* тогда в *литераторы* [11]. – Old Nikolai Sergeich had come to Petersburg about his lawsuit, and I had only just *begun my literary career* [12].

– Швернот! Вас-фюр-эйне-гешихте! – говорили немцы, *выпуча глаза друг на друга* [11]. – “Schwernoth! Was für eine Geschichte?” said the Germans, *looking round-eyed at one another* [12].

...старик и собака как-нибудь *выкарабкались* из какой-нибудь страницы Гофмана... [11]. – ...the old man and the dog seemed to have *stepped out* of a page of Hoffmann [12].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в некоторых случаях переводчикам по некоторым причинам не удалось подобрать эквиваленты. Например, глаголы *сунуть*, *выскочить в литераторы* были переведены следующим образом: *to offer it* и *to begin one's literary career*, что снижает его эмоциональную нагрузку, так как английские глаголы *to offer*, *to begin* относятся к многозначным и обладают нейтральным значением, что лишает текст перевода образности.

Следует также выделить *группу безэквивалентной лексики*:

К чему эта *дешевая* тревога из пустяков... [11]. – What was the meaning of this *cheap* agitation over trifles... [12].

Не пускаться бы на старости лет с клочком волос в *амуры* да в *экивоки*... [11]. – An old man with a turf of hair on his bald pate, getting *amorous* and *sentimental!* [12]

В результате компонентного анализа выяснилось, что выбранный в обоих случаях перевод не соответствует оригиналу. Слово *cheap*, например, не имеет значения *незначительный*, следовательно, не отражает истинных замыслов автора. Во втором примере, переводчик в поисках эквивалента потерял коннотацию неодобрительности, выраженную словом *экивоки* – неодобр.: двусмысленные намеки, увертки, так как слово *sentimental* в контексте перевода имеет положительную коннотацию.

Каждое эмоционально-окрашенное слово выражает не только эмоции говорящего, но и воздействует на адресата, вызывая ответные эмоции с его стороны. При переводе экспрессивной лексики, то есть выражающей чувства, эмоции, желания людей, главная задача – сохранить стилистическую окраску, либо передать нетрадиционность формы. Трудность перевода лексики с критерием ласкательности и эмоциональности заключается, прежде всего, в «тонкости нюансировки» и отсутствии соответствующих средств выражения в языке перевода. Данные обращения переводятся, как правило, функциональными эквивалентами с помощью различных трансформаций.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Высшая школа, 1975. 311 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 214 с.
5. Ионова С.В. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности // Вестник ВолГУ. Сер.2: Филология. Журналистика. Вып. 5, 2000. С. 116 – 121.
6. Катермина В.В. Эмоции в художественном тексте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 32. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 134-140.
7. Комиссаров В.Н. Введение в современное переводоведение. URL: <http://www.englSPACE.com/dl/files/komissarov.zip>.
8. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 273 с.
9. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. / Отв. ред. А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.
10. Рябцева Э.Г., Сидорова Л.И. Лексико-семантические проблемы перевода. Краснодар.: КубГУ, 1997. 57 с.
11. Достоевский Ф.М. Повести. Львов: Каменяр, 1985. 483 с.
12. Dostoevsky Fyodor. Stories. Moscow: Raduga Publishers, 1999. 352 с.

References

1. Arnold I.V. Stylistics of the contemporary English language (stylistics of decoding). L., 1981. 295 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation. M., 1975. 311 p.
3. Volf E.M. Functional semantics of evaluation. M., 1985. 228 p.
4. Dorofeeva N.V. Surprise as an emotional component (based on Russian and English): dissertation. Volgograd, 1998. 214 p.
5. Ionova S.V. Cognitive approach to the research of a textual emotiveness // Vestnik of VolSU. Philology. Journalism. Vol. 5. 2000. PP. 116-121.
6. Katermina V.V. Emotions in a literary text // Foreign languages: linguistic and methodological aspects. VOL. 32. Tver, 2015. PP. 134-140.
7. Komissarov V.N. Introduction to translation theory. URL: <http://www.englSPACE.com/dl/files/komissarov.zip>.
8. Komissarov V.N. Word in translation. M., 1973. 273 p.
9. Lukianova N.A. Expressive vocabulary of informal usage. Problems of semantics. Novosibirsk, 1988. 227 p.
10. Ryabtseva E.G., Sidorova L.I. Lexico-semantic problems of translation. Krasnodar, 1997. 57 p.
11. Dostoevsky F.M. Stories. Lvov, 1985. 483 p.
12. Dostoevsky Fyodor. Stories. Moscow, 1999. 352 p.

УДК 1751

Северный (Арктический) федеральный университет

канд. филол. наук, ст. преп.

Антонова Е.Я.

Россия, Архангельск, 89509629276

e-mail: vozgeli@yandex.ru

Nothern (Arctic) federal university

PhD, senior lecturer

Antonova E.Ya.

Russia, Arkhangelsk, 89509629276

e-mail: vozgeli@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет

канд. филол. наук, доцент

Алексеева О.В.

Россия, Архангельск, 89009115865

e-mail: je1vu@yandex.ru

Nothern (Arctic) federal university

PhD, associate professor

Alekseeva O.V.

Россия, Архангельск, 89009115865

e-mail: je1vu@yandex.ru

Е.Я. Антонова, О.В. Алексеева

МЕТАФОРА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЕ М.В. ЛОМОНОСОВА И А.П. СУМАРОКОВА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается чувственно-метафорический план художественного мира торжественных од М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова с точки зрения реализации в нем когнитивных программ, обусловленных как литературно-культурными, так и индивидуально-личностными факторами. Формирование новых речевых и литературных стратегий в условиях смены культурных парадигм прослеживается на материале торжественной оды как одной из наиболее кодифицированных литературных форм риторической эпохи.

Ключевые слова: торжественная ода, Ломоносов, Сумароков, когнитивная метафора, аллегория, миф.

E.Ya. Antonova, O.V. Alekseeva

METAPHOR IN A SOLEMN ODE TO M.V. LOMONOSOV AND A.P. SUMAROKOV: THE COGNITIVE ASPECT

The article discusses the sensual-metaphorical aspects of the world of solemn odes of M.V. Lomonosov and A. P. Sumarokov from the point of view of the implementation of its cognitive programs, due to both literary-cultural and individual-personal factors. The formation of a new speech and literary strategies in the changing cultural paradigms can be traced on the material of solemn odes as one of the most codified forms of rhetorical literary epoch.

Key words: ceremonial ode, Lomonosov, Sumarokov, cognitive metaphor, allegory, myth.

I

Петербургский период русской литературы был отмечен повышенным интересом к вопросам поэтической и – в целом – речевой техники. Новая культура искала и вырабатывала свой язык. Показательно в этом отношении появление в XVIII веке трактатов по риторике и поэтике – переводных и оригинальных.

С позиций филологической науки конца XIX – начала XX столетий, заинтересованной в изучении когнитивных компетенций языка, то есть связей человеческого сознания и слова, мышления и речи, эти филологические споры 18 века могут быть оцене-

ны не просто как споры о наилучшей речевой стратегии и тактике: за ними обнаруживаются процессы изменения культурного самосознания. Наиболее наглядно эти процессы проявляют себя, во-первых, в приемах создания поэтического образа, основанного на сравнении, а именно – метафорического образа и, во-вторых (и более широко) – в приемах построения метафоры как одного из средств выразительности речи. О когнитивной ценности метафоры в последние десятилетия пишут многие крупные филологи. Ее изучение оказывается в центре исследований многочисленных течений когнитивного литературоведения (М. Тернер [6], М. Джонс, Г. Лакофф [4] и пр.). Сам принцип сравнения одного явления/предмета с другим предполагает наличие в нашем сознании определенной когнитивной модели, благодаря которой выявляются одни черты предмета/явления, затушевываются другие и, наконец, в самом акте сравнения выявляются новые смысловые аспекты сравниваемых элементов. Метафора, во-первых, конечно же, может быть стершейся, незаметной из-за повседневного употребления, но метафоры, «которыми мы живем», оказываются в первую очередь предметом лингвокультурологического анализа (*естественный уровень*). Во-вторых, метафора может быть «узаконена» риторической традицией. Это ожидаемая неожиданность, необходимая неправильность речи, употребление которой регламентировано и для носителей данной риторической культуры носит формульный характер (*риторический уровень*). И, наконец, в-третьих, на основе метафоры может быть создан поэтический образ, о его закономерности можно говорить прежде всего и преимущественно только по отношению к данному конкретному автору: это часть его уникального поэтического мира (*поэтический, индивидуально-личностный уровень*).

Как мы уже говорили, саму возможность метафорического иносказания независимо от конкретных целей того или иного высказывания (убеждение, украшение и т.п.) обеспечивает когнитивная программа, которая в эпохи смены культурных парадигм (каковой, несомненной, была петровская и послепетровская эпоха) также модифицируется. Как правило, такая модификация происходит благодаря ускоренному (по отношению к смене людских поколений) взаимодействию нескольких (как минимум, двух) культурных парадигм. В нашем случае – грубо говоря: европейской и древнерусской. Это столкновение и взаимодействие культурных парадигм воплощается, в частности, в литературе – области, в которой вырабатываются, отрабатываются и примеряются различные речевые стратегии людей, втянутых в процесс культурного преобразования. С точки зрения формирования этих речевых и литературных стратегий в их обусловленности новыми когнитивными задачами, на наш взгляд, особый интерес представляют наиболее кодифицированные речевые и литературные формы. Их кодификация протекала в условиях относительно стабильной культурной и, в частности, литературной ситуации. Тем самым они обеспечивают выполнение когнитивных задач в постоянных устойчивых условиях. Когда же такие формы (а к ним, наряду с целым рядом традиционных западноевропейских жанровых форм относится торжественная ода) осваиваются носителями другой литературной традиции в условиях культурной модификации (петровского и послепетровского времени), они получают другое, непривычное для себя когнитивное задание, что отражается на всех трех метафорических уровнях образования метафоры.

II

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.

В. Ходасевич «Не ямбом ли четырехстопным...» [5, с. 301]

В.Ф. Ходасевич пишет о звучании ямба. Но первый образец русского ямба звучит не только в произносимом стихе. Звучит художественный мир всей оды «На взятие Хотина». Основной сенсорный код этой оды – акустический. Ведущая метафорическая связь – звуковая. Все, что попадает в поле зрения одического певца – а это, прежде всего, огромный стихийно-природный мир: пустыня, лес, воздух, дубравы, поля, пена («седая пена моря»), «ветр», «Кастальский ключ», медь – все это воет, трепещет, шумит, молчит, ржет, забывает шуметь, стонет, Дунай *«ревет и россос плеску отвещает»* [3, с. 65]. Звуки меняются в очень широком акустическом диапазоне (молчание – вой), и предпочтение отдается именно крайним его позициям. Звук скорее будет либо очень сильным, либо будет отсутствовать совсем. Отдавая предпочтение акустике, Ломоносов остается привержен риторическим формулам. Так, пространственные локусы, призванные воплотить физический универсум (пустыня, лес, воздух, дубрава, поля, море, «седая пена»), суть риторический физический универсум. Свойства, атрибутируемые этим локусам: «воет», «молчит», «ржет», «стонут» – делают их одушевленными. Риторическая природа названных метафор, их литературная условность ослабляют эффект мифологизации пространства. Но все же исходная мифологическая модель живой природы угадывается в риторических формулах и является глубинной основой для всех иносказаний в «Оде на взятие Хотина», готовая воскреснуть в ее художественном мире. В этом отношении предпочтение акустики всем другим сенсорным каналам может быть оценено как знаменательное (первый сигнал жизни – крик). Олицетворение реализуется на основе не только звука, но и на основе **цвета** (стершаяся метафора *«седая пена»*, луна, которая *«в мрак лице, зардевшись, скрыла»* [3, с. 65], *«в пучине след его горит»* (о корабле) [3, с. 61]), **цвета и формы** (луна *«лице... скрыла»*), а также может быть мотивирована **психологически** (луна, *увидев бег своих, стыдилась* [3, с. 65], *«слух спешит во все концы»* [3, с. 61], корабль *«претит себя с пути склонити»* [3, с. 61], *«дубравы и поля трепещут»* [3, с. 64], чувствуя *«приход Петров»*, Дунай *«чаёт»*, земля *«носить не хочет»*) и даже иметь **кинестетическое** обоснование (хлябь *«дым, пепел, пламень, смерть рыгает»* [3, с. 62], Дунай *«рыщет, как пронзенный зверь»* [3, с. 65]).

Определившаяся в конце 1730-х годов модель одического мира будет развиваться Ломоносовым вплоть до 1746 года. В основе этой модели лежит образ «золотого века». Основой ее метафорического строя служит противопоставление физических и мифологических тьмы и света, борьбы и мира.

Среди творческого наследия Ломоносова Ода на день рождения Иоанна Третьего (12 апреля 1741), наряду с Одой 1745 года на день брачного сочетания великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны, выделяются своим поводом. Рождение нового члена императорской семьи и появление новой державной четы – события, связанные в большей степени с великими ожиданиями, нежели с реальными свершениями, ситуации, в значительной степени «освобождающие» поэта от пусть даже и предельно условных пут эмпирики. Риторическая формульность художественной ткани в этих произведениях особенно выражена. Обращая свое поэтическое внимание на область возможных свершений, подвигов и славы, Ломоносов создает произведения, которые можно было бы назвать риторическим упражнением в гораздо

большой степени, нежели все прочие его оды. Интересно, что ведущей формой иносказания в этой оде становится метонимия: это мир по преимуществу сочленений, соположений равнозначимых и равноценных элементов; это мир, единство которого в значительной степени организовано по горизонтали. Смысловую вертикаль мира этой оды маркируют немногие метафорические иносказательные формы. Эта условная вертикаль выстраивается благодаря оппозиции добра и зла: торжествующей России и поверженных ею врагов. Россия торжествует, враги ее повержены – это и есть суть риторического высказывания этой оды. При этом позитивная часть концептуального спектра этой оды представлена олицетворениями, сравнениями, метафорами («*края небес трясутся*» [3, с. 71], «*пути... звезд мнутяся*» [там же], волны «*веселья полны*» [3, с. 69], пределы (земли, России) «*смущать не смейте*» [3, с. 69], «*покой... дайте*» [3, с. 70] надежде, «*листочки цветочков чище жемчуга*» [3, с. 71]) и в меньшей степени аллегориями («*радость призывается к господству, натура должна встать выше законов*», «*вечность вручает поэту свой ключ*»), а негативная часть спектра представлена преимущественно аллегориями: «*Проклята гордость, злоба, дерзость/В чудовище одно срослись;/Высоко имя скрыло мерзость,/Слепой талант пустил взнестись!*» [3, с. 71]

Противостояние России и ее врагов осмыслено как универсальное противостояние добра и зла, метафизическая борьба Бога и Сатаны. Во вселенском масштабе этой борьбы теряется различие христианской и языческой атрибутики: «*мой император гром примает, на гордость свой Перун бросает*» [3, с. 72] (действуют как Зевс-Громовержец); «*внезапно пала та стремглав с небес как древня в ад денница*» [3, с. 72] (подвиг императора сопоставляется с низвержением Богом Сатаны).

Сенсорный код од первой половины 1740-х годов, настроенный преимущественно на передачу пространственно-географических и динамических представлений через эмоционально-психические каналы, в целом далек от конкретно-чувственных деталей и по принципам отбора риторических средств сближается графикой: одическое зрение Ломоносова до 1742 года преимущественно нецветное. Впрочем, иногда в графику может быть добавлена позолота, символично-аллегорический смысл которой несомненен (золотое – знак золотого века, богатства и знатности). Перед нами грандиозная схема грандиозного, пребывающего в постоянном движении, мира.

Ода 1747 года «на восшествие на престол императрицы Елисаветы Петровны» занимает особое место в одическом наследии Ломоносова. В ней меняется художественная модальность: обращаясь к императрице, Ломоносов утверждает: «*Почувствуют и камни силу / Тобой восставленных наук...*» [3, с. 118]; «*Мы дар твой до небес прославим / И знак щедрот твоих поставим...*» [3, с. 119]; «*Тебя зиждитель сохранит / Во всех путях беспреткновенну / И жизнь твою благословенну / С числом щедрот твоих сравнит*» [3, с. 121]. Появляется временная перспектива исторического времени. Метафора осуществленного золотого века осложняется тем, что сопрягается с новыми метафорическими полями. Новой зоной метафоризации становится семантическое поле науки, могущей преобразить и преобразующей землю: «*почувствуют и камни силу тобой восставленных наук*». Детальнее становятся картины пространства, которое ждет «*искусством утвержденных рук*»: «*широкое открыто поле, где музам путь свой простирать*». Ломоносов уже не просто перечисляет леса, поле, океан, горы, а создает серию самодостаточных картин: «*Творит натура чудеса, / Где густостью животным тесны / Стоят глубокие леса...*» [3, с. 119]; «*Небесной синевой одеян, / Павлина по-срамляет вран...*» [там же], «*Амур / В зеленых берегах крутится, / Желая паки возвратиться / В твою державу от Манжур...*» [там же]; «*Там влажный флота путь беле-*

ет, / *И море тщится уступить/.../ [там же].* В этой серии картин важен конкретно-чувственный код. Отметим его разнообразие: леса «*тесны густостью*» (кинестетика); «*Влажный флота путь белеет*» (кинестетика + визуальное + тактильное); «*Небесной синевою одеян*» (визуальное); «*Амур в зеленых берегах крутится*» (визуальное + кинестетика). Цвет теперь не только маркер культурно обобщенных смыслов (как в случае с золотым цветом). С ним связана непосредственная, чувственно переживаемая конкретика предметного мира. Осторожно предположим, что в отношении оды 1747 года можно говорить о начале становления нового поэтического языка, при том, что общериторический код сохраняет свое значение, элементы нового не колеблют общий каркас оды.

Отмеченные для оды 1747 года тенденции сохраняют свое значение до начала 1750-х годов. Особенно наглядно они проявляются в оде 1750 года. На первый взгляд, в этой оде усиливается риторическое начало (появляются устойчивые мифологические образы – флора, Диана, Олимп, Парнас). Временной и пространственный масштаб отмечен вполне традиционно (упоминаются Этна, Нил, Инд, Семирамида, действуют заря, воды, солнце). Это все гремит, прославляет и переживает различные эмоции. Наряду с традиционными аллегорическими образами появляются образы наук (Механики, Химии, Географии). Земля, ветры и валы призываются «*звучно повторять глас*» поэта. Но наравне с традиционными поэтизмами в их уста вкладывается совсем не поэтическое слово «чертеж»: «*Российского пространство света / Собрал на малы чертежи...*» [3, с. 132]. Этот прозаизм, наряду с такими метафорами, как «*волна, во бреге ударяя, клубится пеною в траве*» [3, с. 128], «*заря багряным оком румянец умножает роз*» [3, с. 129], создает уже знакомый нам по предшествующим произведениям Ломоносова конкретно чувственный иносказательный план, дополняющий общую риторическую модель.

Оды 1752, 1754 и 1757 годов отмечены некоторым возвращением к старой одической модели, знакомой нам по произведениям до 1747 года. Они построены на оппозиции тишины и звука, гласа и молчания, стона и тишины, сопряженных с оппозицией войны и мира. Но в сравнении с более ранними произведениями Ломоносова эта картина упрощена.

В начале 1760-х годов в поэтике торжественных од Ломоносова мы можем наблюдать новые изменения. Начинает заявлять о себе субъективно-психологическое начало, осознаваемое как таковое и самим поэтом: «*И сетовали все места: / Земля казалась (выделено нами) пуста...*» [3, с. 157], «*Я вижу вечну красоту*» [3, с. 162]. В этой оде модель золотого века отступает на второй план, а актуализируется мифологическая модель умирающего и воскресающего божества: Петр умирает – и воскресает в Петровой дочери.

На протяжении почти четверти века в торжественной оде Ломоносова мы можем наблюдать, как традиционные риторические модели золотого века и умирающего и воскресающего героя метафорически разворачиваются в грандиозную одическую модель мира, но и как наряду с ними заявляет о себе новая система поэтической образности, реализующая в индивидуально-авторской метафоре непосредственное отношение поэта к жизненному опыту.

III

Русская ода XVIII века на уровне поэтического языка существует между двумя «крайностями» – чувственным миром ломоносовских од, для которого органичен язык метафоры, и грандиозно-отвлеченной конструкцией художественного мира од А.П.

Сумарокова, раскрывающим себя на языке мифа и – реже – аллегии. Не упуская из виду эту принципиально значимую особенность сумароковского одического слова [См., например, утверждение М.Л. Гаспарова: «...тропы, то есть слова в несобственном значении, у Ломоносова возникают в 90 % строк, а у Сумарокова в 50 %» [2, с. 238]. – Е.А., О.А.], сосредоточим внимание на тех элементах поэтической системы его торжественных од, которые либо все-таки сохраняют метафорический характер [Мы имеем в виду, что генеральная для художественного мира Сумарокова тенденция к аллегоризации предполагает более высокую степень абстрагирования художественного языка, нежели та, на которой существует и действует метафора. – Е.А., О.А.], либо обнаруживают зависимость от метафорических моделей, задаваемых на естественном или риторическом уровне его художественного языка в целом. Таким образом, нас интересует зачастую скрытый от авторского сознания, неотрефлексированный уровень поэтического мышления, те когнитивные модели, которые стоят за аллегорическими декорациями, либо поддерживая их, либо незаметно для художника их разрушая.

Одический космос Сумарокова выстроен по вертикали. Движение в этом пространстве – закономерно для торжественной оды – направлено снизу вверх и сверху вниз. Герои од Сумарокова, в соответствии с риторикой торжественной оды, взлетают, возносятся, восходят, взирают вверх: «*Мой дух и сердце возлетают / Туда, где музы обитают...*» [4, с. 18], «*А мы, быв адом поглощенны, / В жилищи райски восхищенны...*» [4, с. 69], «*Взлети со мной на Геликон...*» [4, с. 22], а также нисходят, ниспадают, падают, тонут, утекают, роняют/бросают какие-то предметы, взирают вниз: «*Нисходит Истина святая...*» [4, с. 51], «*Тритоны в океане тонут...*» [4, с. 41], «*Злодейство в пропасть утекает...*» [4, с. 51]. При этом Сумароков не описывает движение в его деталях, а лишь фиксирует его посредством называния. Движения по вертикали, организующей мир торжественной оды, у Сумарокова не происходит.

Столь же умозрительно и само пространство сумароковских од, маркированное не столько конкретными физическими, сколько аллегорическими или мифологическими образами, четко распределенными между мифологическим низом (как правило, это ад, представленный фуриями, драконами, гидрами, Тартаром, Стиксом, Тифоном, Плутоном, Тифеем, аллегорической фигурой Неправды и т.п.) и мифологизированным физическим верхом (это эфир, небесная область, соотнесенная с Всевышним и, как правило, занятая императорами [и в первую очередь – Петром Первым, который напрямую называется «Божеством» и «Богом». – Е.А., О.А.]). Появление каждого персонажа подготовлено и оформлено в соответствии с театральной культурой сумароковского времени: в центре и вверху находятся положительные персонажи (Петр I в облаках, Екатерина II – на троне или так же в облаках, богиня Паллада открывает императрице Екатерине двери в храм мудрости), внизу же, потрясенные и трепещущие, пребывают персонажи отрицательные.

Независимо от того, описывает ли Сумароков пространство рая, ада или земли, он не создает их образ, а лишь перечисляет их «составляющие»: он прилежно называет горы, леса, моря, отдавая предпочтение не столько конкретным географическим реалиям, сколько самим номинативам «понт», «гора» («горы»), «луг», «долины» и т.д. В этом перечислительном ряду особое место занимают реки. Зачастую описываемые как «источники» и «струи»: «*Источник гору украшает, / Места приятны орошает / И в чистые бежит луга: / По мелким камышкам катится / В зеленых муравах кружится / И бьет, играя, в берега*» [4, с. 19], «*Прозрачные струи катятся / В доли, с высоких гор журча, / По мелким камушкам кружатся, / Зелены муравы моча...*» [4, с. 70], «*Струи*

крутятся, играя плещут» [4, с. 87], реки в поэтическом мире Сумарокова наиболее индивидуализированы. Связанные с аллегорико-мифологическим планом (так, реки являются атрибутами райских адских областей; Эдемским рекам (Эвфрату, Тигру) уподобляется Нева как имперская река), реки не теряют своей физической природы в глазах поэта. Так, Сумароков может описать реку, и описание направлено на выражение чувственно-конкретных особенностей различных водных источников (к примеру, Сумароков отмечает «быстрый» ток Невы, температуру и звучание воды: «*Не шумите, льдисты воды...*» [4, с. 3], «*Ревет великий океан...*» [4, с. 27], удары волны о камни: «*Близ пещер вода играет...*» [4, с. 5], размеры волны: «*Вижу на валах высоких / Нового Нептуна я.*» [4, с. 7], движение водных потоков, или, как поэт их называет, «источников» и «струй» и т.д.

Космос Сумарокова существует в перспективе, заданной эсхатологическим мифом. И в его одах 1760 – 1770-х годов особое значение приобретает контраст золотого века и конца света. Век Екатерины осознается как век золотой, екатерининская Россия осознается как Эдем, правление Екатерины уподобляется правлению Августа: «*Востанет истина из гроба / И возвратится райский век...*» [4, 63], «*Нисходит истина святая...*» [4, с. 51], «*Погибла горесть и унылость...*» [4, с. 38], «*Цветет приятность райска крина, / Взошла на трон Екатерина*» [4, с. 98].

Традиционный для одического мира мотив торжества России у Сумарокова сопряжен с апелляцией к эсхатологическому мифу и атрибутирован преимущественно глаголами, описывающими движение вниз в отверстый ад: «*Так ужасно будет время / Смертным в грозный судный день, / В час, когда несчастно племя / В преисподню снидет тень, / Ад разверст и бездна жаждет, / Враг российска трона страждет...*» [4, с. 6]. Как видим, Сумароков разворачивает действие торжественной оды в условном мире идей, совмещая физические атрибуты с готовыми – аллегорическими и мифологическими – образами. Однако если мы обратимся к материалу, использованному при создании этих аллегорий – своеобразному каркасу этой великолепной декорации – мы сможем предположить существование чувственного опыта, неотрефлексированного автором (и, возможно, поэтому обеспечивающего ее художественную убедительность), «вдыхающего жизнь» в этот грандиозный космический конструкт. В первую очередь мы имеем в виду метафорический план движения и действия. Переходы между зонами одического космоса (преисподняя – земля – небо), равно как и их взаимодействие описываются чувственно-конкретным метафорическим языком. Особенно выразительным чувственно-конкретный план становится при описании угрозы – в момент, когда конструкция мироздания рискует потерять устойчивость: «*Земля трепещет и багреет, / Весь воздух превратился в дым, / мглой подсолнечную кроет, / Колеблется, ревет и воет, / И блещут молнии под ним. / Азовские валяются стены, / Горит Очаков, Крым дрожит...*» [4, с. 67]; «*Трепещут горы, лес и понт...*» [4, с. 93], «*Трепещет море, небо тмится / Земля колеблется, дрожит...*» [4, с. 116] или «*Земля под их ногами ноет: / Не зрят ни солнца, ни небес: / Трепещут горы, стонет лес...*» [4, с. 103]

Характерно, что трепет земных пространств (гор, леса, понта, моря) получает специфическое акустическое сопровождение (которое особенно выделяется в чувственно обедненном мире Сумарокова: земля ноет, лес стонет, воздух ревет и воет). Движение в мировом пространстве открывает у Сумарокова еще один чувственно-конкретный план. Его преисподняя атрибутирована отверстыми ртами, гортанью, зубами: «*Невежество власы терзает, / Гортань широко разверзает / Ужасны зубы, алчен зев*» [4, с. 61]. Группа риторически закрепленных, стершихся метафор «зев» ада, «пасть» ада особенно выразительны в бедном на метафоры мире Сумарокова. Они дос-

таточно часты для того, чтобы говорить о специфической для данного автора фиксации на отверстиях.

Итак, Сумароков выстраивает стройную риторическую картину одического космоса. Но картина его мироздания скорее номинативна, чем описательна, скорее отвлеченно схематична, чем чувственно-конкретна. Поэт сориентирован на уже сложившийся риторический канон одической похвалы, а не на поиск своего художественного пути. При этом индивидуальным, не заимствованным из опыта прочих поэтов-одописцев в его произведениях оказывается чувственно-конкретное переживание провала в пропасть, сопровождаемого стонами, ноющими звуками, воем, ревом и движением через пространство, атрибутированного источниками влаги – морями, реками. Пространство од Сумарокова перенасыщено движущейся влагой. На наш взгляд, метафорический комплекс чувственно воспринимаемых объектов позволяет говорить о том, что за аллегорико-мифологическим комплексом одического мира Сумарокова стоит когнитивная программа, определяемая опытом ее создателя либо в чувственно-сексуальном плане, либо созависимым от сексуально-чувственного опытом страха смерти: самые отвлеченные аллегорико-символические модели космического масштаба, по-видимому, зависят от очень архаичных когнитивных программ, следы которых обнаруживаются на уровне предпочитаемого метафорического материала естественного и риторического уровня, на основе которого и выстраивается общая аллегорическая картина.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова – некоторые коррективы // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 238.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
3. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. 560 с.
4. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе Александра Петровича Сумарокова. М., 1787. Ч. 2.
5. Ходасевич В. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1989. 464 с.
6. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York, 2000. 356 p.

References

1. Gasparov M. L. the Style of Lomonosov and Sumarokov style – some adjustments *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. No. 1 (59). P. 238.
2. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors that we live in*. M.: URSS EDITORIAL, 2004. 256 p.
3. Lomonosov M. V. *Selected works*. L.: Soviet writer, 1986. 560 p.
4. *Complete collection of all the works in verse and prose of Alexander Petrovich Sumarokov*. M., 1787. Part 2.
5. Khodasevich V. *Poems*. L.: Soviet writer, 1989. 464 p.
6. Turner M., Fauconnier G. *Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona*. Berlin; New York, 2000. 356 p.

Правила оформления статей в Научном вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа)

без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуется не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренный» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у

разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатю брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для

русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долгодневный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического

вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узувального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз*

светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег... В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоизданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрас-

тая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск № 4(23), 2016 г.

Научный журнал

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84